

853(2-411-2)6-8

Л 14

СЕРГЕЙ ЛАГЕРЕВ

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

85.5 (2=411.2) 6-8
114

Сергей Лагерев

9001123024

1896
КР

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

издание второе, дополненное

МБУК ЦБС г.Сургут
Инв № <u>24071896</u>
Библиотека <u>КР</u>

Москва 2024

ББК 83.3(2=441.2)6–8

УДК 821.161.1.09

Л14

Лагерев С.А.

Л14 «Светлая печаль». Издание второе, дополненное. – М.:
Издательство «Перо», 2024. – 289 с.

ISBN 978-5-00244-315-4

Настоящее издание посвящено жизни и творчеству поэта Николая Рубцова (1936 – 1971), одного из самых «пронзительных и долгожданных» (Г. Горбовский) русских лириков 2-й половины XX века. Сборник составлен из эпистолярных диалогов и описания личных встреч члена Союза журналистов России Сергея Лагерёва с интересными людьми различных профессий, которые делятся своими воспоминаниями о Н. Рубцове и размышлениями о его творчестве, а также биографических исследований и статей автора. Документы, автографы, фотографии и письма, приведённые в книге, хранятся в личном архиве С. Лагерёва. Тексты публикуются в авторской редакции. Издание предназначено для всех интересующихся творчеством Николая Рубцова и русской лирикой XX века.

ISBN 978-5-00244-315-4

© Лагерев С.А., 2024

Содержание

Именем Рубцова будем узнавать друг друга.....	6
Поэт Николай Рубцов и Тюменский Север.....	7
Белов Василий Иванович.....	16
Груздева Нина Васильевна.....	22
Горбовский Глеб Яковлевич.....	27
Шишаев Борис Михайлович.....	32
Потанин Виктор Фёдорович.....	38
Куняев Станислав Юрьевич.....	42
Распутин Валентин Григорьевич.....	50
Курбатов Валентин Яковлевич.....	56
Протоиерей о. Александр (Никулин).....	63
Юровских Василий Иванович.....	70
Лукьянов Анатолий Иванович.....	75
Жириновский Владимир Вольфович.....	81
Лобанов Михаил Петрович.....	83
Тарковский Михаил Александрович.....	87
Казаков Алексей Леонидович.....	92
Селиванов Евгений Николаевич.....	97
Суханов Пётр Антонович.....	103
Сочихин Никон Васильевич.....	109
Пантелеев Анатолий Викторович.....	114
Дворяшин Юрий Александрович.....	120
Рачков Николай Борисович.....	125
Карташёва Нина Васильевна.....	132
Друзей ушедших вспоминая.....	139
Стихи Николая Рубцова на немецком языке.....	149
Рубцов. Москва. Виктор Иванович.....	153
По следам миновавших времён.....	156
Вторая Гета.....	179
Не убий!.....	185

О Русь! Кого я здесь обидел?.....	196
Старший брат.....	202
Послание из прошлого.....	217
Первый портрет поэта.....	223
Горел прощальный наш костёр.....	225
Слово о поэте	230
Документы, автографы.....	243
Фотографии.....	276

Ночь на родине

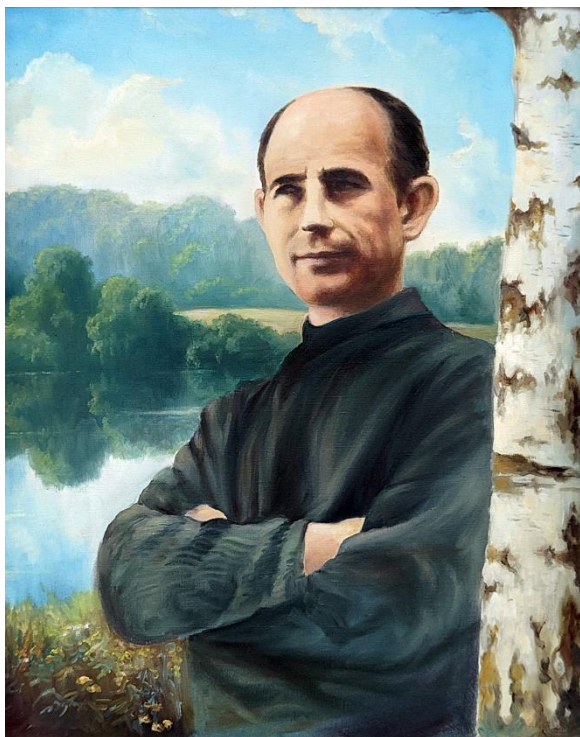
*Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!
И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сёл не слыхивали грома!
Не встрепенётся ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,
И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я, — былое не вернётся!
Ну что же? Пусть хоть это остаётся,
Продлится пусть хотя бы этот миг,
Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,
И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром.*

Николай Рубцов. 1967 г.

Именем Рубцова будем узнавать друг друга

С детства помню, что у нас в доме всегда была небольшая библиотека. Книги стояли в двух многоярусных витых этажерках, каких сейчас уже нигде не увидишь. В семье любили читать, и моё последующее многолетнее увлечение русской литературой, собирательство книг, автографов было продолжением той детской любви к книге. С 1987 года я стал серьёзно заниматься изучением жизни и творчества замечательного русского поэта Николая Рубцова. Как это случилось, я рассказываю в одной из глав этого издания. Прозаик из Санкт-Петербурга Николай Коняев (1949 – 2018) писал в своей книге «Ангел Родины»: *«В страшные годы национального помрачения было сказано – именем Пушкина будем узнавать друг друга... Мы, живущие в эпоху ещё более страшного, может быть, помрачения, к сожалению, не можем сказать, что именем Рубцова будем узнавать друг друга. И вина тут не Рубцова, а нас самих...»*. Никак не могу согласиться с таким выводом писателя. Бывая во многих городах России, встречаясь и беседуя с людьми самых различных профессий, я замечал, что имя поэта Николая Рубцова становилось настоящим литературным пропускным паролем для общения. Я бы сказал – объединяющим. И я уверен, что мы *«Именем Рубцова узнаём и будем узнавать друг друга!»*, несмотря на любые напряжённые времена в стране. Хочу в этом сборнике рассказать о нескольких литературных встречах, так или иначе связанных с именем поэта. А также показать некоторые материалы из моего Рубцовского архива.

Поэт Николай Рубцов и Тюменский Север

А. Овчинников. Портрет поэта Николая Рубцова. Холст, масло.
2000 г. Тюмень.

Изучая жизнь и творчество замечательного русского поэта Николая Рубцова, собирая книги, разные документы, так или иначе связанные с его именем, я всякий раз искал какую-нибудь связь поэта с Тюменской областью. И нашёл! Косвенную, но всё же. Каждый архивный документ имеет свою историю, свою биографию: как получен документ, от кого, когда написан, что происходило в то время и т. д. Мне всегда интересны такие исследования. Порой они приводят к неожиданным результатам. Сегодня мне хочется рассказать о двух документах, напрямую

связанных с жизнью выдающегося русского поэта Николая Рубцова. В 2001 году в Сургуте проходили литературные вечера, посвящённые 65-летию со дня рождения Николая Рубцова. Среди приглашённых на эти празднества гостей был и поэт из Тюмени Николай Денисов. Он знал Рубцова, так как одновременно с ним учился в Литературном институте, интересно рассказывал об их встречах, показывал редкие фотографии. Помню, тогда в разговоре Денисов вспоминал о том, что он в 1969 году советовал тогдашнему секретарю писательской организации Константину Лагунову послать приглашение Рубцову для приезда его в Тюмень на Дни литературы. Но письма этого никто не видел, и никто не знал, отправил ли его Лагунов. Во всяком случае, Николай Рубцов в Тюмень не приехал. Прошло несколько лет и эта тема неожиданно «всплыла» вновь. В 2003 году, будучи в Вологде, я побыл в гостях у поэтессы, близкого друга Николая Рубцова – Нинель Александровны Старичковой (ныне, к сожалению, уже покойной). Она мне показывала свои архивные материалы, автографы и вещи поэта. В конце, уже перед моим уходом, Нинель Александровна вдруг ушла в маленькую комнату и принесла какой-то листок, и отдала мне его со словами: «Я не знаю, что помешало ему приехать. Но пусть тогда хоть письмо будет у вас». Это был оригинал приглашения Н. Рубцова в Тюмень на Неделю поэзии. Вот именно это письмо и было отправлено в Вологду с подачи Николая Денисова, и именно об этом он мне рассказывал в 2001 году на Рубцовских вечерах в Сургуте. На пожелтевшем от времени фирменном бланке Тюменской областной писательской организации было напечатано следующее. «20/X. 1969.

Дорогой Николай!

В середине декабря будет проходить четвёртая Тюменская Неделя поэзии, в которой примут участие поэты Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Омска, Кургана и Тюмени. Тюменская писательская организация просит Вас принять участие в Неделе. Во время Недели поэты побывают в

Тобольске, на Ямале, в Приобье. Встретятся с геологами, рыбаками, нефтяниками, хлеборобами, строителями. Своими глазами увидят, как в глухой болотистой тайге и непроходимой тундре создаётся крупнейший энергетический гигант мира. Наша организация берёт на себя оплату всех командировочных расходов, а также за участие в коллективных выступлениях (их намечено до 20). Тюменское бюро пропаганды выплачивает гонорар каждому поэту по 30 рублей. За «сольные» поэтические вечера будет выплачиваться гонорар в зависимости от сбора, но не менее 200 рублей. В ходе Недели участники её выступают по Тюменскому, Ханты-Мансийскому, Нижне-Вартовскому телевидению и окружному радио. Их произведения будут напечатаны на страницах областных газет. Мы рады будем видеть Вас на земле Тюменской среди участников поэтической недели. Пожалуйста, сообщите нам, согласны ли Вы с нашим предложением.

С дружеским приветом. Ответственный секретарь писательской организации К. Лагунов».

Помню, получив этот документ, я порадовался тому, что стихи Рубцова знали и любили в нашей области уже в те года. Но, оказывается, не всё тогда было так, как я думал, не всё было так безоблачно. Николай Денисов во время нашей с ним встречи в Сургуте в 2001 году, кроме того, что посоветовал Лагунову пригласить Рубцова, больше ничего о происходящих тогда событиях не говорил. Позже эта тема пополнилась другими интересными фактами – например, нашлось ответное письмо Рубцова. Об этом и о других перипетиях, происходивших тогда, Николай Денисов пишет в своей книге воспоминаний, выдержки из которой непосредственно об этой истории он прислал мне по почте. В них хорошо чувствуется атмосфера тех лет в Тюмени. Представляю их читателю.

«... Осенью 69-го года, «набрасывая» в нашем Союзе списки писателей и поэтов, которых мы хотели пригласить на планируемые летом 1970-го года первые Всесоюзные Дни

советской литературы в Тюменской области, я попросил ответственного секретаря Константина Лагунова внести в список и Николая Рубцова. Лагунов послал в Вологду приглашение поэту. (Этот документ и подарила мне Н. А. Старичкова – С. Л.).

Николай Рубцов ответил быстро. Вот что он писал:

«Дорогой Константин Лагунов! Я получил Ваше письмо с приглашением на Неделю Тюменской поэзии! Благодарен Вам за это предложение и отвечаю на него полным согласием. В таком случае держите меня, пожалуйста, в курсе дела, сообщите, пожалуйста, конкретные шаги в этом направлении. Сердечный привет тюменским писателям и поэтам!»

Николай Рубцов. Мой адрес: г. Вологда. Писательская организация. 12/XI–69г.

«...Аккуратная наша секретарь – бухгалтер Зинаида Алексеевна Белова, как и все входящие письма и документы, прибрала к месту, «подшила» и письмо из Вологды. По каким причинам приезд Рубцова в Тюмень в июле 70-го года не произошёл, не знаю».

«Рубцовский ответ в Тюмень «всплыл» вдруг через много лет – в газете «Тюменские известия» (15.05.2004), где некто А. Гришин до своей ранней кончины (при главном редакторе «известий» Юрии Бакулине) заведовал им же созданной, «апрелевского» толка, газете, резко позиционируясь с патриотическими изданиями. И вот известинская страница эта под названием «Проталина» оповестила читающую публику, что письмо Рубцова хранится у них, а было оно якобы «обнаружено Гришиным в мусорной корзине Тюменской писательской организации» (Газета тиснула и копию письма Рубцова – ответ на наше предложение). Ну, конечно! А куда же ещё должны были бросить письмо поэта – «черносотенца и шовиниста»? В корзину! В мусор! А затем два десятилетия после убийства Рубцова сумел этот «мусор» пролежать в корзине, ожидая «поисковика» Гришина!»

«...Внимая настойчивым просьбам Серёжи Лагерера – получить (за определённую денежную компенсацию) для «Рубцовского центра» «хотя бы копию письма поэта», я, скрепя сердце,

обратился в недружественную мне известинскую страницу со своим письмом, но получил печатный широковещательный и издательский ответ под заголовком – «Письмо не по адресу». На то и следовало бы заранее рассчитывать. Да, не везде соломки подстелешь!».

Может Николай Денисов и слишком резок, но я понимаю его. Ведь для корреспондентов этой «Проталины», да и прочих подобных изданий, творчество Рубцова было немодным. Для них кумирами были другие, близкие им, раскрученные и везде звучащие имена. Об этом Денисову говорили напрямую. А ложь о том, что будто бы письмо поэта было найдено в мусорной корзине, была озвучена специально для того, чтобы унижить в лице Николая Рубцова всех поэтов, представителей так называемой русской «тихой лирики». В реальности же это письмо было найдено в конце 90-х годов при разборе архива Тюменской писательской организации, которая переезжала в другое помещение. И опубликовано в 2004 году. А потом исчезло. Об этом мне рассказала одна тюменская журналистка. Вернусь к найденному ответу Николая Рубцова. Да, я хотел бы иметь у себя этот документ. Звонил и писал в Тюмень. Но всё напрасно. Мне только неопределённо сказали, что будто бы этот документ хранится сейчас у кого-то в Екатеринбурге. Я потом нашёл в подшивке тот номер «Тюменских известий», где был «тиснут» как писал Денисов, материал об этом письме. Снял с него копию. Но я всё равно надеюсь, что оригинал этого документа всё же найду. Если, конечно, он ещё цел. Вот видите, какие страсти разгорались вокруг Николая Рубцова. Конечно, в то время не один только Денисов понимал, что Николай Рубцов – это явление в русской лирике, были и другие, но на защиту поэта тогда в Тюмени встал только он один. Благодарю его за это!

Для справки: в тексте этой заметки есть разночтения в датах. К. Лагунов приглашал Николая Рубцова на декабрь 1969 года, а в материале Николая Денисова написано, что поэта приглашали на лето 1970 года. Денисов объяснил мне, что он не видел того, что

написал и отправил Лагунов. Денисов думал, что Рубцов будет приглашён на первые Всесоюзные Дни советской литературы в Тюменской области, которые должны были состояться летом 70-го года. Но Лагунов, оказывается, пригласил Николая Рубцова на Неделю поэзии, которая планировалась на декабрь 1969 года.

Согласитесь, перечисление крупнейших литературных форумов, проходивших в Тюмени всего за полгода, говорит о том, какой интересной и кипучей духовной жизнью жила тогда наша страна! Несравнимой с нынешним временем! А мои поиски материалов о жизни выдающегося русского поэта продолжались. 26 июня 1998 года в Вологде открывали памятник Николаю Рубцову. Мне тоже посчастливилось участвовать в том торжественном мероприятии. День, помню, был прохладным и дождливым, но народу на церемонию открытия собралось много: земляки - вологжане, почитатели таланта поэта из других городов, известные писатели и артисты. Приехала из Санкт-Петербурга дочь поэта Елена Николаевна со своей семьёй. Как часто бывает в таких случаях было, и торжественно и вместе с тем немного грустно. Тогда же я познакомился с руководителем Рубцовского центра Вологды, критиком и литературоведом Вячеславом Белковым, с коллекционером Юрием Малозёмовым. В этом старинном городе я был впервые, и они показывали мне Вологду, водили по местам, связанным с Николаем Рубцовым. Мы подолгу разговаривали о творчестве поэта, о его жизненных нелёгких дорогах, а также о трагической судьбе всей семьи Рубцовых. Слава Белков сказал мне тогда, что по-прежнему нет никаких сведений о местонахождении братьев Николая Рубцова и напомнил, что старший брат поэта Альберт по некоторым данным бывал у нас в Тюменской области. Просил помочь в поисках и подарил мне свою книгу «Жизнь Рубцова», на последней странице которой было написано следующее послесловие.

«Давно ищут братьев замечательного русского поэта Николая Рубцова (1936-1971). Стихи и песни безвременно погибшего поэта известны сегодня всем – «Тихая моя родина», «В горнице моей

светло», «Букет», «Улетели листья с тополей...». А вот о жизни Рубцова известно мало. Может, кто-то из читателей поможет мне разыскать родных братьев поэта. Вот некоторые сведения о них:

Рубцов Альберт Михайлович. Родился в 1932 году в Вологде. Жил и работал в Ленинградской области во Всеволожске, в Приютино, затем в Воркуте (на шахте?), Донецке, Свердловске, Крыму... Мы не знаем даже главного – жив ли сейчас Альберт Михайлович.

Рубцов Борис Михайлович, младший брат. Родился 23 мая 1937 года в селе Емецк Архангельской области. Жил в детдоме, в Вологде окончил вечернюю школу. Одно время жил и работал в Краснодарском крае (с. Успенское), родом из этих мест была его жена Валентина. На этом все сведения обрываются... А просьба одна – помогите найти!».

К огромному сожалению, в 2006 году Слава Белков ушёл из жизни. Я никогда не забывал о его просьбе. На поэтических вечерах, а также в газетных статьях обязательно рассказывал о братьях Николая Рубцова. Так пролетело почти три года после моей поездки в Вологду, прошлое отдалялось всё больше, и казалось, что ничего уже о судьбах Бориса и Альберта мы не узнаем и никого из них не найдём. Но, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Как-то раз после одного из Рубцовских вечеров ко мне подошла ветеран сургутской журналистики Галина Владимировна Кондрякова (профессиональная память не подвела) и сказала, что её подруга говорила ей о каком-то Альберте Рубцове, проживающем в селе Горнослинкино Уватского района Тюменской области. Что будто бы тот играл на многих музыкальных инструментах, писал стихи, выступал в клубе и на свадьбах. Я, конечно, заинтересовался этим сообщением, так как не только имя и фамилия соответствовали старшему брату поэта, но и музыкальные способности, и то, что он был по жизни «перекати поле». Срочно через председателя журналистской организации города Анатолия Прохоровича Зубарева был отправлен запрос в

Администрацию и милицию Уватского района. Вскоре пришёл официальный ответ. Да, это был он – Рубцов Альберт Михайлович, старший брат поэта! Но, к большому сожалению, его уже не было в живых, он скончался в 1984 году и похоронен там же, в селе Горнослинкино. Я, зная, что у ленинградского писателя Н. Коняева уже на выходе книга о Николае Рубцове в серии ЖЗЛ, сразу же отправил ему копию полученного документа. Потом послал копию этого сообщения Лене – дочери Николая Рубцова, а она его уже передала жене Альберта – Валентине Алексеевне, а также его детям – Марине и Николаю, которые живут в городе Коммунаре под Санкт-Петербургом. Как мне рассказывала Лена, Валентина Алексеевна, прочитав официальную бумагу заплакала, потом успокоилась и сказала: *«Вот и, Слава Богу! Теперь на душе будет спокойнее. Я теперь знаю, что он похоронен по-человечески и знаю, где его могилка»*. Сейчас нет уже в живых и самой Валентины Алексеевны. А вот с дочерью старшего брата Николая Рубцова Мариной я поддерживаю связь и поныне. Правда, в ответе из Администрации села Горнослинкино указано, что Альберт родился в Ленинграде. Это неточно, он родился в Вологде и только жил в Ленинграде, и паспортистка указала этот город прописки Альберта как место рождения. А о судьбе младшего брата поэта Бориса так ничего и неизвестно. Я посылал несколько раз запросы на телепередачу «Жди меня», но ответа не получил, к сожалению. Если кто слышал что-нибудь об этом человеке, то, будьте добры, дайте знать.

Подходит время, когда начинаешь задумываться не только о сути всей своей жизни, но и о судьбе любимого дела, которому посвятил много лет. В моём случае это литературные коллекции. Особенно актуально, когда в семье никто этой темой кроме тебя не интересуется. Те, кто увлекается собирательством, знают, как это важно, чтобы коллекции не были разбиты на части и не пошли по рукам, то есть пропали. Мне повезло, у меня были и есть хорошие друзья в Центральной библиотеке имени А.С. Пушкина, которые помогли в том, чтобы все мои собрания были сохранены. Книги с

автографами авторов нашли своё место в зале коллекций, а весь мой Рубцовский архив прописался в одной из сургутских библиотек, с надеждой в будущем назвать её именем поэта Николая Рубцова. Что осуществить было не просто, так как в городе существовали и противники присвоения библиотеке этого имени. Но всё-таки это случилось! Зимой 2020 года в одной из библиотек города был открыт Рубцовский зал, где расположились все материалы по творчеству поэта, а через полгода Администрация Сургута издала распоряжение о присвоении этой библиотеке имени поэта Николая Рубцова. Это стало не только моей радостью, но и знаковым событием для всех россиян, любящих творчество замечательного русского поэта. Нам пришло много поздравлений из разных городов страны. Я искренне благодарен всем сургутским почитателям таланта поэта Николая Рубцова, кто помогал мне во всех моих начинаниях. Особенно директору Централизованной библиотечной системы города Надежде Васильевне Жуковой и нынешней её преемнице – Яне Борисовне Юркевич, без которых Рубцовской библиотеки не было бы и в помине. Благодарен тем, кто описывал архив, и кто сейчас с любовью занимается этой темой, проводя различные мероприятия, ведя переписку с литературными центрами, организуя выставки и Рубцовские субботы. Не могу не назвать их – это заведующая библиотекой им. Н. Рубцова Анна Владимировна Жадаева, замещающая её на время отсутствия Анна Юрьевна Власова, и главный библиотекарь Валентина Николаевна Шевцова. В добрый путь, девчата!

Белов Василий Иванович

Вологда. С В.И. Беловым возле его дома. 2003 г.

После посещения Вологды в 1998 году я через разные источники стал искать адреса людей, знавших поэта Николая Рубцов, а также занимающихся изучением его творчества, и рассылать им письма, в которых рассказывал о Рубцовском центре в Сургуте. Тогда не было интернета, и это, безусловно, была своего рода реклама. Но только так можно было наладить связь с соратниками по всей России. В первую очередь решил обратиться к выдающемуся русскому писателю Василию Ивановичу Белову, зная, что он и Рубцов дружили. Набравшись смелости, написал ему и рассказал о своём увлечении поэзией Николая Рубцова. Получилось послание, конечно, сумбурным, первый раз писал такому выдающемуся человеку, нервничал. Помню, поблагодарил писателя за его книги, которые читал, рассказал о том, что знакомлю горожан с лирикой Николая Рубцова, проводя на различных культурных площадках города литературные вечера. И зачем-то поведал, что ещё собираю книги с автографами авторов.

(Сообщать это писателю не стоило бы, так как он не очень-то жаловал это занятие, но я этого не знал). Да ещё, вот глупец, попенял Белову, что вот, мол, его и писателя Валентина Распутина не видно на телеэкранах, а в это время людям втюхивают ложь писатели либерального направления. Это было, конечно, наглостью с моей стороны, но... Что сделал, то сделал. Отправил письмо, правда, не очень надеясь на то, что Белов мне ответит. Скажу честно, я и по сей день думаю, что откликнулся Василий Иванович тогда только из-за того, что был лично знаком с моим двоюродным братом Анатолием Пантелеевым, имя которого я упоминал в письме. Вскоре я получил из Вологды бандероль, в которой была книжка «Привычное дело» и скромная, как брошюрка, книжечка в мягкой обложке «Догорающий феникс», подписанная автором. Вот какую надпись оставил Василий Иванович: *«Сергей Алексеевич! Вы говорите, что ни меня, ни В.Г. Распутина не видно – не слышно. Разве мы артисты? Вы коллекционируете автографы. Займитесь распространением наших книг. Я дам вам адреса, где лежат мои. Вот эта, например, в Москве на Комсомольском 13. В Москве же в изд-ве «Голос» есть двухтомник. Книжка «Внемли себе» в магазине «Славянского фонда». Новая книга есть в Кургане, вышел очередной тираж «Роман-газеты» с моим сочинением и т. д. Это, не считая газетных и журнальных публикаций. Или вы хотите, чтобы превратились в телеболтунов? Этого не позволят демократические министры... Извините за нотацию. Желаю всевозможных успехов! Белов. 6 октября 96 г.»* Мне было неудобно за свои необдуманные слова о теледебатах и, приняв совет Мастера, впоследствии стал по мере сил заниматься распространением книг русских писателей и поэтов, творчество которых новые либеральные культуртрегеры пытались и пытаются задвинуть на задворки культурной жизни России. Так с этой книжки, с 1996 года, началось наше эпистолярное общение. Приезжая в Вологду на открытие памятника поэту Николаю Рубцову летом 1998 года, а потом и в 2001, я никак не мог

встретиться с писателем. Его оба раза в Вологде не было, он уезжал то в Москву, то в Тимонику. В 2001 году я отправил ему свою книжку «Венок Рубцову», изданную в Сургуте, в которой, с разрешения Василия Ивановича, опубликовал и его стихотворение, написанное им после гибели Рубцова. Лично мы познакомились в 2003 году, когда я вновь приехал в город. Мой вологодский друг, известный коллекционер Юра Малозёмов, договорился по телефону с Василием Ивановичем о встрече, и в этот же день мы уже звонили в дверь писателя. Два часа пролетели незаметно. Мы слушали Василия Ивановича, отвечали на его вопросы. Темы были самые разные: о жизни, о положении в стране, о литературе и, конечно, о Николае Рубцове, который считал Белова своим лучшим другом. Под стеклом на письменном столе писателя находилась цветная фотография Николая Рубцова – копия портрета, написанного для меня известной художницей из Палеха Ольгой Терентьевой в стиле лаковой миниатюры. Мне было приятно. Ему это фото подарил Юра Малозёмов. Я рассказал историю появления этого портрета у меня и то, что художница сделала ещё две плакетки и получился триптих «Рубцовская осень». Василий Иванович попросил потом прислать мне копии, но я, к своему стыду, так этого и не сделал. Потом Белов проводил нас на улицу, где Юра сфотографировал нас возле подъезда. Сейчас в квартире находится музей Василия Белова. Вспоминается один интересный случай. В 2000 году писатель прислал мне свой роман-хронику «Кануны», подписав её: *«Сергею Лагереву. К сожалению, «Года великого перелома» у меня уже нет. (Ни одного экземпляра). Белов. 2000»*. Я, зная, как ему нелегко живётся, и, думая, что делаю хорошее дело, послал на его адрес денежный перевод. Через какое-то время мне приходит письмо. Открываю, а там записка и деньги, ровно столько же, сколько я ему отослал. Я ещё удивился, как они дошли целыми. В записке были такие слова: *«Сергей Алексеевич, что это? Если такой богатый, то пошли эту сотню Толе... (брату). В отместку и впредь буду звать по отчеству. В. Белов. 30.X.2000»*. Я опешил! Мне было обидно. Я

вспомнил, что благими намерениями... и так далее. Позвонил в Питер брату, рассказал об этом случае. Он посмеялся, что с ним тоже такое было и что Белов скоро отойдёт и всё будет нормально. Но в душе у меня по-прежнему «кошки скреблись». Думал, думал и придумал. Василий Иванович часто в своих высказываниях цитировал слова великого французского мыслителя Блеза Паскаля. А я в это время купил несколько экземпляров книги этого философа «Мысли», небольшого формата, в хорошем типографском исполнении, и отослал по почте писателю эту книжку. Потом всё ждал, что будет. Вскоре получил от него новую книгу с подписью и портрет Николая Рубцова из набора открыток с такими словами: *«Дорогой Сергей! Спасибо за Паскаля! У меня он есть, но в рукописи. А теперь книга! Спасибо, спасибо! Белов 24.11.2000 года»*. И наши отношения наладились. И вскоре Василий Иванович прислал большой тяжёлый том своей знаменитой трилогии «Час шестый». Меня всегда удивляло и поражало, как такой невероятно занятой человек находил время для общения с читателями из разных городов, переписке с ними и пересылке книг. Мало кто знает, что В. Белов начинал как поэт. В моём архиве есть уникальная книжка, сборник стихов Василия Ивановича «Деревенька моя лесная», подписанная автором известному вологодскому издателю и краеведу Владимиру Михайловичу Малкову: *«На память Владимиру Михайловичу Малкову от благодарного и признательного за вывод в люди Белова В. С искренним уважением Белов. 30 августа 1961 год»*. Василий Иванович Белов оставил короткие воспоминания о Николае Рубцове. А на смерть поэта написал пронзительные стихи.

На смерть Рубцова

*О, как мне осилить такую беду –
Явилась и тучей нависла.
Не скроюсь нигде, никуда не уйду*

*От этого подлого смысла.
Подсчитано всё, даже сны и шаги.
Как холят тебя и как любят!
Но губят меня не они, не враги, -
Друзья уходящие губят.
Как будто позор предстоящего дня
Узнали и – рады стараться –
Одни за другим, не жалея меня,
В родимую землю ложатся.
Мне страшно без них!
Я не вижу ни зги,
Ступаю, не чувствуя тверди.
Кого заклинать: не отринь,
Помоги,
В безжалостный час не отвергни?
Ни Бога, ни Родины...
Лишь Мавзолей
И звёзды, воспетые хором.
И тихо мерцая, светило полей
Горит над бессонным Угором.*

В последние годы Василий Иванович болел. Скончался писатель 4 декабря 2012 года, захоронен, как он и завещал, на своей малой родине в селе Тимониха. Ещё одно святое место появилось в России, куда съезжаются из разных городов, даже из-за границы, почитатели таланта великого русского писателя.

Уже после кончины В.И. Белова Юра Малозёмов прислал мне интересный документ. Это была записка с трогательными словами матери писателя Анфисы Ивановны на смерть Николая Рубцова, которого она считала своим сыном.

*«Над гробом Н.М. Рубцова
при встрече он иногда
называл меня мама*

*и я скорблю по матерински
жаль жаль что мы не смогли
спасти его от тех роковых минут
он засвой недолгий путь
оставил на земле след добрый памятный
Белова А.И».*

Орфография и пунктуация записки сохранена. Оригинал смотрите в разделе «Документы, автографы».

Копии всех документов и писем, которые упоминаются в этой заметке, я отправил работникам Вологодского музея В. И. Белова. Они были очень рады узнать о новых материалах, особенно их поразила записка матери писателя. Думаю всё, собранное мною о Василии Ивановиче Белове, подарить этому музею. Так, наверное, будет правильно.

Груздева Нина Васильевна

Вологда. С Н.В. Груздевой в её квартире. 2003 г.

Летом 2003 года я вновь побывал в Вологде. И встречающий меня Юра Малозёмов передал мне короткую записку. В ней были слова: *«Сергей Алексеевич! Жду Вас в гости! Очень хочу познакомиться! Неужели упустите такую возможность? Нина Груздева»*. Там был ещё номер телефона и адрес. Я заочно был знаком с этой замечательной вологодской поэтессой. Знал, что она дружила с Николаем Рубцовым, что училась вместе с ним в Литературном институте. Мне и раньше хотелось с ней лично встретиться, но в 1998 году и в 2001, когда я посещал Вологду, этого не случилось. Она присылала мне свои книги, и не только мне лично, а для их распространения. После проведения в Сургуте в январе 2001 года «Рубцовских дней» и выхода сборника «Венок

Рубцову» я отправил Нине Васильевне бандероль с этой книгой и вскоре получил ответ: *«Дорогой Сергей Алексеевич! Прошу прощения – не могла ответить сразу. Вывихнула руку и долго не могла писать. И сейчас ещё больно, поэтому получают каракули. Восхищаюсь Вами – сделано большое и очень трудное дело, на зависть всем, и особенно вологжанам. От всей души поздравляю Вас, желаю счастья, здоровья и больших творческих удач! В ноябре мне стукнет 65, и летом выйдет моя книжка «Часы песочные». Очень хорошо оформленная, на хорошей бумаге. Сама нашла спонсора. Обязательно вышлю Вам. Спасибо Вам за Ваш роскошный и дорогой подарок! Всего вам самого доброго! Нина Груздева. 160011 Вологда, ул. Герцена, дом 83, кв. 75. Телефон 75-31-40. P.S. Серёже Сорокину тоже постараюсь написать».*

Через какое-то время она эту свою книгу мне прислала и подписала: *«Дорогому Серёже Лагереву – с великой благодарностью за любовь к вологодской поэзии, за её неустанную пропаганду в наше трудное для русской литературы время! Житейских тебе удач и счастливого творчества! Н. Груздева. 14.10.2001г».*

И вот я снова в Вологде, и держу записку в руках. Юра Малозёмов сказал, что Нине Васильевне стало лучше, и она меня приглашает в гости. Мы взяли бутылку хорошего вина, конфеты, какие-то фрукты и пошли. Она сначала стеснялась, что у неё плохо работает рука, что немножко тормозится речь, но это было только вначале. Потом всё наладилось, и ничто не мешало нашим разговорам. Мы там пробыли часа полтора. Нина Васильевна читала стихи: свои и Николая Рубцова. Вспоминала друзей, очень радовалась, что где-то далеко в Сургуте люди знают её творчество, знают имя Рубцова. Его она считала одним из самых талантливых русских поэтов. После этой встречи я ещё один раз был в гостях у поэтессы. В последующие годы мы только перезванивались и переписывались. Меня всегда волновала судьба этой талантливой русской поэтессы. Великолепное начало:

стихи Нины Груздевой отмечали ещё в Литературном институте, где она училась вместе с такими уже известными поэтами, как Николай Рубцов, Борис Шишаев, Борис Примеров, Сергей Чухин. Борис Шишаев вспоминал: «Сидели мы как-то в общежитии на улице Добролюбова в моей угловой комнате, и разговор зашёл о женском контингенте Литинститута. *«Это надо же... – сказал Серёжа Чухин. – Целый этаж у нас женский, и в основном ведь поэтессы все... Это сколько же будет поэтесс. Слушайте, братцы, а можем мы кого-нибудь из них поставить вот тут, рядом с нами?»* – *«А наша Нина? – встrepенулcя Рубцов. Про нашу Нину ты забыл, что ли? Только Нине рядом с нами и место, а остальным даже и близко делать нечего. Нина – поэт с большой буквы, у Нины чувство сильное, без малейшей женской подделки»*. Творчество Груздевой отмечали такие известные поэты – как Виктор Боков, Сергей Наровчатov и Александр Яшин. Илья Сельвинский, на семинаре которого она занималась, в «Литературной газете» в статье «Лирика. Эпос. Драма» (№ 17 от 26 апреля 1967 года) назвал Нину Груздеву «лучшей поэтессой страны». В 1968 году вышла первая книжка её лирических стихов «Тропинка». Нина Груздева стала много печататься в престижных московских журналах, песни на её стихи исполняли популярные тогда певицы, например, Гелена Великанова и Ирина Бржеvская. Но, к сожалению, последующий творческий путь талантливой молодой поэтессы был нерадостен. К известному выражению «Москва слезам не верит» можно с уверенностью добавить, что Москва не любит провинциалов вообще, а талантливых особенно. Невозможно было получить прописку, получить работу. И она по совету своего земляка Василия Белова уехала в Вологду. А там ей никакой поддержки и помощи не оказали и на многие годы её имя забыли. Но Нина Васильевна Груздева была сильной женщиной и, несмотря на болезни и жизненные неустроенности, верила в свою звезду, в свой талант. И только в 1995 году, через 27 лет после первой, вышли сразу две книжки стихов: «Твоё имя» и «Воскресенье». В 1998 – «Звезда», в 2001 – «Часы песочные», в

2005 – «Стихотворения», в 2006 – «Краешек зари», в 2011 – «Душа». В 1996 году поэтесса была принята в члены Союза писателей России. В Вологде стали проходить поэтические вечера Нины Груздевой, были изданы диски с песнями на её стихи. Творчество поэтессы отмечено наградами: Всероссийской премией «Звезда полей» имени Н. Рубцова, дипломом международного конкурса поэзии «Золотое перо». Поэтесса была удостоена Большой литературной премии России. В 2014 году Нина Груздева стала лауреатом международной премии «Филантроп» в номинации «Поэтическое творчество». В 2014 году увидела свет небольшая книжка воспоминаний Нины Васильевны Груздевой «*Через тернии – к победе! Или почему меня не издавали 27 лет?*», в которой с присущей ей прямоотой и откровенностью поведала свою правду о неблагоприятных поступках известных в литературном мире людях, которые специально создавали ей трудности как в жизненном плане, так и в творческом. Рассказала, через какие невзгоды ей пришлось пройти, чтобы после многих лет забвения и равнодушия всё-таки прийти к своему читателю и к всероссийской известности (эта книжка есть в интернете. Кому интересно, почитайте). Нина Васильевна Груздева скончалась 27 июня 2016 года, не дожив немного до своего 80-летия. Мы были знакомы 15 лет, но, к сожалению, в последние годы наше телефонное и эпистолярное общение было редким. Виню в этом только себя. Часто смотрю её фотографии, читаю стихи, письма, вспоминаю наши встречи и с грустью думаю, сколько же прекрасных стихов она написала бы за долгие годы вынужденного молчания. И мне хочется обратиться к поэтессе туда, в «горную высь»: *«Дорогая Нина Васильевна, я вас не забыл, храню ваши письма и книги. Ваши стихи живут уже своей жизнью и любимы ценителями русской лирики».*

У памятника Рубцову

*Ты жил, как Бог, – без хлеба и без крыши.
Любой приют – твой временный причал.
Ты говорил – народ тебя не слышал,
Народ других провидцев привечал.
... Давно звенит твоё святое имя.
И все, твоей причастные судьбе, –
Провидцы – оказались вдруг слепыми...
О, как они завидуют тебе.*

***

*После нас не останется писем,
А душевные связи тонки,
И уносятся в звёздные выси
Телефонные наши звонки.*

*Может, где-то в межзвёздной Вселенной,
На звезде или в райском тепле
Вдруг настигнет звонок тот, последний,
Не заставший меня на Земле!*

-----
*Сургутскому Рубцовскому центру с
благодарностью и уважением –
Нина Груздева. Январь 2006 г.*

Горбовский Глеб Яковлевич

Санкт-Петербург. С Г.Я. Горбовским в его квартире. 1999 г.

Николай Рубцов в начале шестидесятых годов работал на Кировском заводе в Ленинграде. И там же в одном из литобъединений познакомился с тогда уже известным поэтом Глебом Горбовским. Их встречи продолжались вплоть до отъезда Николая Рубцова в Москву в 1962 году для поступления в Литературный институт. Вот что пишет об этом времени сам Глеб Яковлевич в своей книге воспоминаний «Остывшие следы»:

«В самом начале шестидесятых годов проживал я на Пушкинской улице — угол Невского — возле Московского вокзала. И, естественно, дом мой был проходным двором. «Зал ожидания» — прозвали друзья мою коммунальную квартиру, где в десятиметровой комнатке порой собиралось до сорока человек. Пришел однажды и Николай Рубцов. Читал свои морские, рыбацкие стихи. Читал зло, напористо, с вызовом. Вот, мол, вам, интеллигенты бледнолицые, книжники очкастые!»

Стихов тогда читалась масса, поэты шли косяком. Одно только литобъединение Горного института выплеснуло до десятка интересных поэтов. И голос Рубцова, еще не нашедшего своей, корневой, драматической темы Родины, России, темы жизни и смерти, любви и отчаянья, тогдашний голос Рубцова тонул в окружающих его голосах. И это – закономерно. В Ленинграде Рубцов был в какой-то мере чужаком, пришельцем... Однажды он пришел ко мне на Пушкинскую и сказал, что посвятил мне одно стихотворение. Что ж, было даже приятно. Значит, Коля и во мне что-то нашел. Ну читай, говорю, ежели посвятил. И Коля прочел «Трущобный двор, фигура на углу...» Стихотворение тогда называлось «Поэт» и содержало гораздо больше строк, нежели в нынешней, посмертной редакции. И заканчивалось оно как будто бы по-другому. Однако не это главное. Главное, что стихи взволновали, даже потрясли своей неожиданной мощью, рельефностью образов, драматизмом правды... И Коля для меня перестал быть просто Колей. В моем мире возник поэт Николай Рубцов. Это был праздник... С Николаем мы расстались, когда он уехал в Москву, в Литинститут. Я учиться там не хотел. И дороги наши надолго разошлись. Я был слишком занят самим собой, своими стихами. И проворонил взлет поэта. Второе рождение Рубцова.

Не секрет, что многие даже из общавшихся с Николаем узнали о нем как о большом поэте уже после смерти. Я не исключение. Но мне от этого не стыдно. Мы горели одним огнем, одними заботами. Хотя и под разными крышами, но под одним небом – русским небом. И меня пощадила жизнь, а его — искрошила. Подарив чуть позже бессмертие. Созданное его трудом. Его талантом. Его любовью к Родине, к ее слову. Мы расстались, но мы – рядом. Вот они, его «Подорожники», его «Сосен шум», его «Зеленые цветы». Я протягиваю руку, и глаза касаются Рубцова, души его нежной, опаленной, но всегда – живой»

Как-то, будучи в Питере в гостях у родной тётюшки, я купил сборник стихов Глеба Горбовского. Стихи мне понравились своей

лиричностью, необычностью и свободой. А уж тогда, когда узнал, что Горбовский был дружен с Рубцовым, очень захотел познакомиться с Глебом Яковлевичем, с этим замечательным поэтом, человеком трудной, интересной, можно сказать, приключенческой судьбы. И случилось это только в январе 1999 года. Я вновь был в Питере, и Сергей Сорокин, поэт, руководитель Рубцовского центра города, с которым я был уже знаком, созвонился с Горбовским, и мы поехали к нему, взяв с собой бутылочку и какую-то закуску. Глеб Яковлевич жил в коммуналке по соседству с двумя интеллигентными старушками. Более двух часов мы пробыли в гостях у поэта. Человек он был очень интересный, оригинальный, с юмором. Читал свои стихи, рассказывал о Рубцове, и о своей встрече в Комарово с его убийцей Людмилой Дербиной. (Я об этом потом прочитал в книге Горбовского «Остывшие следы»). Расспрашивал меня о Сургуте, удивляясь, что там знают и любят творчество Рубцова. Глеб Яковлевич подписал мне несколько своих книг. Среди них была книжка «Когда качаются фонарики...». Кстати, на стихи Горбовского написано много песен, их исполняли известные певцы – Михаил Шуфутинский, Александр Дольский, Эдуард Хиль, Эдита Пьеха и другие. А всем известную «Когда качаются фонарики ночные...» он написал, сидя на гауптвахте в Вологде, когда служил в армии. В марте этого же года Глеб Яковлевич прислал мне очень редкую свою книжку «Тишина». Её тираж почти весь был уничтожен. На титульном листе книжки автор написал: *«Сергею Лагереву с благодарностью за фотографии Рубцова и за визит в мою конуру. Глеб Горбовский. 12/03.1999»*. При встрече Глеб Яковлевич просил меня выслать ему редкие фотографии Рубцова. Что я и сделал, и получил в подарок эту книгу. Когда мы были в гостях у Горбовского, у нас был фотоаппарат, и мы с Серёжей Сорокиным по очереди снимались с поэтом. К сожалению, лично мы больше не встречались. Иногда я ему звонил. Глеб Яковлевич не любил писать писем, ходить на почту, и новые книги стихов с его автографами мне присылал его друг Борис Тайгин, издатель первой

книжки Рубцова «Волны и скалы» и первым записавший на магнитофон авторское чтение стихов Николаем Рубцовым. У меня в архиве есть только одно письмо от Горбовского. Он его написал на листке, подготовленном Борисом Тайгиным для самодельной книжки стихов Горбовского. Даже в этом коротком письме можно увидеть, что Глеб Яковлевич, будучи уже в таком почтенном возрасте, был человеком озорным и весёлым: *«Здравствуйте, дорогой Серёжа Лагерев! Привет Вам и поклон с неских берегов. Получил «Сургут литературный» с подборкой моих стихиков. Спасибо огромное. Приятно сознавать, что в глубине нашей «необъятной», легендарной Сибири кто-то знает и принимает мои сочинения. Я ж, несмотря на возраст – всё ещё «пописываю» по утрам. В прямом и переносном смысле. И рад буду поделиться вымыслами – в ближайшем будущем. Жаль, что я сейчас как бы невыездной... Побывать ещё раз в Сибири – моя мечта! Серёжа, спасибо тебе за память. Храни Вас Господь! Глеб Горбовский. 19.12.2007. Питер».*

Интересно, что старший брат Н. Рубцова Альберт был знаком с Глебом Горбовским. Вот что он писал в письме к Николаю:

«... Коля передай, пожалуйста, Глебу ноты, а то я не знаю когда приеду и большой привет.

Звенит звено поэтов новых

Молодых девиц, юнцов.

Ближе мне из всех знакомых

Глеб Горбовский, Н. Рубцов».

Значит, Альберт бывал вместе с братом в гостях у Горбовского в его знаменитой комнате на Пушкинской улице. Но, когда я в письме спросил Глеба Яковлевича об этом, он мне ответил, что ничего не помнит об Альберте. И это неудивительно, ведь с тех далёких лет пролетело уже более половины века.

Глеб Яковлевич Горбовский, выдающийся русский поэт, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, Пушкинской премии, Царскосельской художественной премии и премии «Золотое перо», академик Академии российской

словесности, скончался 26 февраля 2019 года на 88 году жизни. Первого марта петербуржцы простились со своим Поэтом. Церемония прощания и отпевание прошли в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры. Похоронен Глеб Яковлевич Горбовский на Богословском кладбище рядом с могилой жены – поэта и журналиста Лидии Гладкой.

Николаю Рубцову

*В этом городе снег был — каменный,
словно мраморный весь,
не временный.
Все желания мои замерли,
будто снегом тем
я беременный.
Застучали зубы от холода.
Полюс памяти — город Вологда.
В этом городе русский храм, как дым,
лютых холодом вознесён крутым!
Нежилой стоит на живой земле
в ледяных слезах, во хрустальной мгле.
В этом городе друг мой северный
под снежком лежит, впрок посеянный,
впрок опущенный в землю тесную,
чтоб взойти весной русской песнею!*

Глеб Горбовский

Шишаев Борис Михайлович

Б.М. Шишаев (в центре)

Как-то мне позвонил на домашний телефон незнакомый мужчина. Назвался – Борис Михайлович Шишаев. Это был 2004 год. Я опешил. Конечно, я знал об этом человеке – поэте, писателе, друге Николая Рубцова, учившемся с ним в Литературном институте, и бывшем на похоронах поэта в Вологде в январе 1971 года. Он мне сказал, что побывал недавно в Москве в музее Рубцова у М. А. Полётовой и видел мою книгу «Венок Рубцову». Взял у Майи Андреевны номер моего телефона, адрес, и вот звонит, чтобы поблагодарить за книжку, за память о Рубцове. Он мне продиктовал номер своего телефона и дал свой адрес. Так началась вплоть до его смерти наша дружба. Борис Михайлович предупредил, что писать письма очень не любит, и что мы лучше будем общаться по телефону. Вскоре я отослал ему нашу книжку «Венок Рубцову». Перезванивались мы не очень часто. В месяц раз, иногда чаще, а в 2005 году писатель мне прислал две книги со

своими надписями. Книжку прозы «Горечь осины» он подписал так: *«Сергею Лагереву – в знак памяти о Николае Рубцове, с благодарностью за поддержание его жизни после смерти. Бор. Шишаев. 29 января 2005 год»*. А сборник стихов «Сквозь травы забвения»: *«Сергею Лагереву, Сургутскому Рубцовскому центру – с твёрдой уверенностью, что Рубцов, как и Россия, жив и будет жить. Бор. Шишаев. 29 января 2005 год»*. В 2008 году прислал в Центральную библиотеку имени А. С. Пушкина свой, только что вышедший, семитомник. И сделал надпись: *«Библиотеке славного города Сургута – с пожеланием её читателям высокого Духа, истинной любви к Родине. Бор. Шишаев. 30.11.08»*.

Все эти годы знакомства я просил Бориса написать о его поездке на похороны Николая Рубцова. Он отказывался, говорил, что это всё ещё стоит в памяти, и по-прежнему больно на душе. Но, когда после юбилейного для Рубцова 2006 года начала везде выступать убийца поэта и стала вещать разные нелепицы о Николае Рубцове, Борис Михайлович промолчать не смог, и прислал мне письмо, в котором рассказал о тех скорбных днях похорон поэта.

«Здравствуй, Сергей!

Прости, что так долго не мог выполнить твою просьбу – рассказать о похоронах Николая Рубцова. Вспоминать об этом тяжело, потому, наверное, и оттягивал – всё никак не мог сесть за письмо. Я бы, наверное, вообще предпочёл молчать, не затрагивать эту тему и носить всё происшедшее тогда, что называется, при себе, в своём сердце, но слишком уж много кривотолков стало ходить о Николае, слишком «распоясалась» женщина, убившая его. Она весь северо-запад России взбудоражила гнусной клеветой на него, давно уже прошедшего через суд Божий. И, наверное, надо, насколько это в наших силах, расставлять точки над «и».

Я тогда учился в Литинституте, а Рубцов только что закончил его, защитив диплом на «отлично». Сидели мы, помнится, в

общезитии Литинститута, в моей комнате, завсегдаем которой был в своё время Рубцов, с моим земляком, писателем Николаем Родиным, приехавшим в Москву по издательским делам. И вдруг вошёл Борис Примеров, мой однокурсник, прекрасный поэт, и оглушил нас страшной вестью – погиб Коля Рубцов. Что с ним случилось, как погиб он в Вологде, ничего об этом известно не было, ясно было только, что не умер, а именно погиб. «Ты поедешь на похороны?» – спросил меня Примеров. «Наверное, надо уже собираться, – ответил я ему. Через десять минут буду готов». И поехали мы поздним вечером втроем – Боря Примеров, я и Саша Сизов, поэт, тоже довольно близко друживший с Рубцовым. Ни Бориса Примерова, ни Александра Сизова теперь тоже уже нет в живых – ушли из жизни в тяжкие 90 – е годы. Помнится, как громыхал поезд, кренясь на каких-то там поворотах, и вспоминались рубцовские строчки:

Поезд мчался с грохотом и воем,

Поезд мчался с лязганьем и свистом...

Мы пили водку, взятую с собой в дорогу, и угрюмо молчали. В Вологду приехали ранним утром – ещё только начинало светать – и, посоветовавшись, решили направить свои стопы к Виктору Петровичу Астафьеву. Он жил тогда в Вологде и знал нас всех, поскольку довольно часто, приезжая в Москву, останавливался в родном литинститутском общежитии.

- Молодцы, ребята, что приехали – сказал Виктор Петрович, когда мы вошли в его квартиру. Потом, когда, не чокаясь, вытили по рюмке, Астафьев спросил: - Вы знаете, как он погиб? Мы отрицательно покачали головами. – Его задушила женщина, - сказал Виктор Петрович. И рассказал, что знал. Начинаящая поэтесса Людмила Дербина, с которой у Рубцова были близкие отношения – настолько близкие, что он собирался на ней жениться – задушила Николая во время возникшей между ними ссоры.

Мы были потрясены.

А потом в вологодском Доме политического просвещения стояли в почётном карауле у гроба Рубцова. Без содрогания смотреть на него было невозможно. На лице Коли были кровавые полосы, как будто проведённые когтями тигра, и одно ухо едва держалось – было совсем почти оторвано. Я ещё подумал тогда: неужели нельзя было в морге хоть как-то упорядочить это всё, привести в божеский вид?! И душили меня слёзы. И ясно было одно: Коля убит, причём убит зверски. И кто бы что ни говорил, что бы ни трезвонила теперь убийца, я тогда убедился в этом, и всегда буду говорить только это – Рубцова зверски убили.

Хоронили мы его на новом кладбище, и это тоже оказывало какое-то подавляющее действие. Представь себе: чистое поле, в центре его два-три свежих могильных холмика и рядом с ними – в этом чистом поле, опускают в могилу Рубцова. Холодно как-то и жутковато стало на душе, когда застучали о крышку его гроба первые комья земли. До сих пор мурашки бегут по спине, когда вспоминаю об этом... Теперь-то уже это поле превратилось в «заселённое» полностью кладбище, и в центре его рядом с Колей, лежит ещё один мой друг – прекрасный поэт Серёжа Чухин. Мы учились с ним на одном курсе, в одном семинаре. Он тоже погиб трагически. Ну а потом были поминки в писательской организации – из тех, кто присутствовал на них, сейчас почти никого нет в живых. Из Москвы нас было трое, да ещё какой-то парень из журнала «Молодая гвардия», который без конца шумел, перебивал всех, лез везде, так что пришлось его «успокоить как следует». Наверное, никто из давних друзей Рубцова – московских друзей – собраться на его похороны не успел.

Боря Примеров отправился ночевать к Астафьеву, а мы с Сашей Сизовым – к Василию Ивановичу Белову, он повёз нас к себе. Посидели, погоревали, и я собрался уезжать – мне надо было сдавать то ли зачёт, то ли экзамен в Литинституте. Глубокой ночью Белов посадил меня на поезд, а утром я уже был в Москве. И никогда не забуду, как встретила меня в этот день Москва – там шёл проливной дождь! И снега на улицах не было совсем –

*это в январе-то, когда должны трещать крещенские морозы...
Январь 1971 года... Вот так оно всё было, Серёжа, и тяжело об
этом вспоминать. Наверное, больше никому ничего не скажу – ей
Богу, тяжко. Удач тебе новых в твоём святом деле. Терпения и
мужества! Искренне твой – Борис Шишаев
Январь 2006 год».*

В 2006 году к 70-летию Рубцова в Сургуте вышел сборник «Поэту посвящается», составителем которого я являлся. В эту книгу вошло и стихотворение Бориса Шишаева. Я ему послал один экземпляр. И вскоре получил ответ. *«Дорогой Сергей, здравствуй! Получил недавно от тебя книгу, коей ты был составителем, – такой удивительный сборник стихотворений, посвящённых Николаю Рубцову. Сразу могу тебе сказать, что эта книга имеет громадное значение. Подумать только – десятки российских поэтов и среди них самые-самые, что называется верхушечные, отозвались стихами на гибель Рубцова. По-моему, даже Есенину не было посвящено такое количество стихотворений. Какое ещё доказательство нужно тому, что Рубцов – явление для России не просто уникальное, а знаменующее собою веку, огромной важности поворот в русской поэзии. Ведь она, наша поэзия, всё больше и больше становилась «служанкой» той государственной системы, а Рубцов взял, да и повернул её в исконное классическое русло. Да как талантливо это сделал, с каким тончайшим душевным проникновением. Многие чували, что делать это надо, что это необходимо, а удалось только ему. Он проторил дорогу, и по его следам пошли эти многие. Именно об этом и говорит составленная тобою книга под названием «Поэту посвящается». Огромное тебе спасибо за неё! Это ведь не просто книга, а документ, свидетельство (да какое убедительное) того, как дорог Рубцов России, как отвечает его творчество нашему русскому духу. И так мне радостно за моего такого далёкого и такого близкого друга... Обнимаю тебя крепко! Искренне твой Борис Шишаев».*

Сейчас, к сожалению, уже нет в живых и самого Бориса Шишаева, он скончался в 2010 году, нет Виктора Астафьева и

Александра Сизова, нет Василия Белова и Бориса Примерова. И тем ценнее для меня письма от Бориса Михайловича, пронизанные болью и страданием слова о похоронах Николая Рубцова, и доброе высказывание о моей книге. На родине Бориса Михайловича в посёлке Сынтул каждый год проводится традиционный литературный праздник. «Борис Шишаев собирает друзей». На доме, где он жил, установлена мемориальная доска, его имя присвоено сынтульской библиотеке. Родная земля не забывает своего талантливой сына.

Рубцову

*Когда ты жил, мы были откровенны.
Когда ты умер – с кем я поделюсь?
Не помогают нам родные стены,
Не бережёт своих поэтов Русь...
Теперь, когда под сводами отчизны
Умолк последний звук твоей души,
Кто скажет нам о нашей грустной жизни?
Кто скажет нам о нашей горькой лжи?
Мне не забыть, как мы с тобой встречались,
Как мы с тобой одной дорогой шли.
Мне не забыть, как мы потом прощались
И всё никак проститься не могли...
Как, зубы сжав, считали мы утраты
И с грустью пили крепкое вино.
Но разве в том мы были виноваты
Что радости нам не было дано?
И вот недавно мы с тобой расстались.
В последний раз одной дорогой шли,
В последний раз с тобою мы прощались
И всё никак проститься не могли...*

Борис Шишаев

Потанин Виктор Фёдорович

Собирая в 2005 году материалы для сборника воспоминаний о поэте Николае Рубцове, я написал много писем тем, кто в уже далёкие сейчас годы знал поэта. И мне очень хотелось поговорить на эту тему с замечательным писателем из Кургана, лауреатом многих престижных литературных премий Виктором Фёдоровичем Потаниным, который учился вместе с Рубцовым в Литературном институте и дружил с ним. Знакомая из Курганской центральной библиотеки дала мне адрес и номер телефона писателя. Я написал ему, послал сборник «Поэту посвящается», рассказал о себе и о своих литературоведческих поисках по творчеству поэта Николая Рубцова. Вскоре получил ответ. Кому-то это покажется неэтичным и назойливым то, как я пытаюсь знакомиться с писателями, но что поделаешь, только так приходится доставать материалы и узнавать что-нибудь новое о поэте Николае Рубцове. Так началось наше общение. Я постоянно просил Виктора Фёдоровича о том, чтобы он рассказал мне что-нибудь о Рубцове. Но писатель как-то уходил от этой просьбы. Но

в 2014 году он прислал мне большое письмо, где вспомнил некоторые встречи с поэтом. Привожу письмо полностью.

«Дорогой Сергей Алексеевич!

Спасибо Вам огромное за внимание к моей судьбе и к моему слову! Но сам я в таком же огромном и неоплатном долгу перед Сургутом: я ведь неоднократно обещал Вам высылать всё самое последнее, что у меня издано, напечатано... И вот наступили сроки, когда нужно выполнить обещание. Здоровье моё не внушает оптимизма и потому надо успевать отчитываться перед дорогими людьми. А вы для меня – в этом заветном душевном списке. Особенно сейчас, когда в моём родном доме в деревне погостил Толя Пантелеев, – и теперь я смотрю на него, как на своего младшего брата, свою родную кровинку. Мы часто с ним общаемся по телефону и опять надеемся, что однажды он снова заедет... А теперь о моих бандеролях, которые, надеюсь, доберутся до Сургута. В них, пожалуй, всё самое главное, что печатали в последние годы. Не выслал я некоторые журналы («Подъём», «Тобол», «Сибирские огни»), где были напечатаны несколько рассказов и повесть, но, думаю, что я всё-таки избрал основное... М.Б. что-то пригодится и для Рубцовского центра? Я ведь обещал написать воспоминания о Коле, но пока не сбылось. Но почему? Я же учился с ним много лет в Литературном институте и сердечно дружил. У меня с ним бывали многие и многие часы откровений, я ездил к нему в Вологду, и там вместе с В. Беловым, А. Романовым и Витей Лихоносовым слушал его песни, его гармонию. Больше того, – за пять дней до своей гибели я получил от него телеграмму, где были слова любви к В. Потанину. Наверное, это было прощание. Наверное, он уже слышал с небес, что жить осталось недолго... Но я дальше не продолжаю, потому что не могу без слёз говорить и читать об этом человеке. И особенно сейчас, когда его нет близко, но я всё равно слышу его живое дыхание. Вот это, видимо, мне и мешает о нём написать, вспомнить все его главные слова, а они – были, были, потому он, наверное, часто приходит ко мне во сне. И ещё, и это тоже

причина – мои строчки о нём не всем бы понравились, потому что для меня слишком живой, а не тот уже литературный гений очень похожий на Фета, на Тютчева, одним словом, уже портрет в золотой рамке. И потому из всех воспоминаний и слов о нём для меня наиболее дороги мнения двух людей – Виктора Астафьева и его жены Марьи Семёновны. Кстати, в одной из бандеролей вы найдёте ж. «Подъём» № 4 за 2005 год. Там моя повесть «Последний пароход». Она публиковалась и после, но это – журнальный вариант, который для автора всегда самый дорогой. Кстати, при всей сложности и не простоте человеческих отношений Вал. Распутина и В. Астафьева (в последние годы), – Валентин Григорьевич написал мне особое письмо, где сказал, что мой «Последний пароход» — это самое лучшее, что есть об Астафьеве в нашей печати. Простите меня, что у меня вышло сейчас что-то вроде похвалы в свой адрес. Нет, здесь другое – просто слова Вали Распутина для меня очень и очень многое значат. К слову сказать, Виктор Петрович вместе с женой гостил у меня в Кургане, потом я тоже гостил у них в Овсянке. Но с той поры много воды утекло. Там сейчас есть даже Астафьевский центр. Но об этом вы знаете лучше меня. И потому, если есть у вас адрес (точный) этого центра, то сообщите мне. Я же, к стыду своему, свой «Последний пароход» даже не отправил в Овсянку. Наверное, это ещё не поздно сделать? Вот видите, какой я несобранный и замедленный человек, а в последнее время ещё мешали разные больничные дела, нездоровье. Сейчас везде, даже на последний писательский съезд, со мной вместе ездит моя жена Люся. Просто, из-за здоровья, боится за меня, да и были уже разные случаи. Также я был делегат, а она гостья съезда. Она же – филолог, автор ж. «Литература в школе», и Надя Крупина очень ценит её материалы...

А теперь снова – о моих посылках. Книги «Последние дни лета» и «Плакала кукушка» – это самое полное последнее. И «Роман-газета» (3 экз.) с моими повестями – тоже новыми. Посмотрите

на всё строгими глазами. И, откровенно говоря, я волнуюсь, потому что Сургут стал сибирской «Ясной поляной». А для моей души – это ещё ближе, гораздо ближе. И Спасибо Великое за все Ваши Труды! Всё это уже вошло в историю нашей великой культуры, нашей великой русской литературы. И – храни себя! А за окном у меня – ещё празднуют Рождество. И посему – с Рождеством и пусть сбудется всё самое дорогое, заветное! Обнимаю крепко!

Сердечно ваш – Виктор Потанин

P.S. Таня Цаплина выслала фильм о моей семье, дошёл ли? Автор фильма Елена Саенко за эту работу стала лауреатом международного фестиваля православных фильмов. Её уже почествовали в Москве. А сопредседателем жюри фестиваля был Владимир Крупин. ... И ещё – низко кланяюсь Сургуту! Конечно, очень хочется побывать в этом необыкновенном городе! Но уже мечтать об этом старому человеку как-то несбыточно, но всё равно хорошо на душе...».

Вот уже много лет общаемся с писателем по телефону, он присылает мне книги, в 2007 году подарил свой пятитомник с надписью: «Дорогому Сергею Лагереву – с пожеланием счастья во все времена! Сердечно Ваш с волнением – Виктор Потанин. Июнь 2007 год».

Классик русской литературы Виктор Фёдорович Потанин, несмотря на солидный возраст, по-прежнему в строю. В 2017 году на пятом Международном славянском форуме «Золотой Витязь» ему была вручена Золотая медаль имени А.С. Пушкина «За выдающийся вклад в литературу», а Курганской областной детско-юношеской библиотеке присвоено его имя. В 2018 году писателю вручена Патриаршая литературная премия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Куняев Станислав Юрьевич

Сургут. Со Ст.Ю. Куняевым. 2006 г.

Далёкий 2001 год. Трёхдневные культурные мероприятия в Сургуте, посвящённые 65-летию поэта Николая Рубцова, на которые были приглашены гости из Санкт-Петербурга, Москвы, Тюмени. Незабываемые дни! К этим празднествам в городе был издан сборник «Венок Рубцову», составителем которого я был вместе с поэтом из Питера Сергеем Сорокиным. Кстати, это было первое в России издание подобного формата на рубцовскую тему. После выхода книжки я решил её послать по почте людям, знавшим Рубцова. И первую бандероль отправил главному редактору журнала «Наш современник», замечательному поэту и публицисту Станиславу Юрьевичу Куняеву, зная, что он был дружен с Рубцовым. Вскоре получил из Москвы уникальный трёхтомник «Поэзия. Судьба. Россия.» с авторской подписью: *«На добрую память Сергею Алексеевичу книгу моей судьбы и нашей жизни. Спасибо за Рубцова. Ваш Ст. Куняев. 2.03.2001 г.»* В одном из томов Станислав Юрьевич разместил большой материал

о Рубцове, и вот как он вспоминает об открытии в сентябре 1985 года памятника поэту в Тотьме: *«Мы не могли позволить себе – и средств не хватало, да и самосознания такого ещё не было, – чтобы какой-нибудь маленький городок решился бы поставить памятник своему знатному земляку, герою, воину, поэту, то есть украсить себя ликом или фигурой, присущими только этому городку, этой малой родине знаменитого человека. Такое время наступило лишь через несколько десятилетий, и лишь потому стало возможным создание памятника Николаю Рубцову в маленьком северном городке Тотьма на высоком берегу Сухоны. У Николая Рубцова есть два пророчества: «Я умру в крещенские морозы» и «Мне поставят памятник на селе»... Оба они оправдались. Больше стало на Руси ещё одним святым местом!»* – сказал, выступая у памятника, его создатель скульптор Вячеслав Клыков. Это было правдой, потому что вечером, во время литературного праздника учительница Тотемской средней школы, где учился Рубцов, рассказала, что в Тотьму и Николу уже много лет люди приезжают «к Рубцову», спрашивают земляков о нём, записывают воспоминания, оставляют их в местном музее, пишут картины, снимают любительские фильмы о родине поэта. А профессор Литературного института Михаил Павлович Ерёмин, у которого двадцать лет назад учился Рубцов, произнёс такие слова, от которых зал загудел и взорвался рукоплесканиями: *«Думая о Рубцове, глядя на его памятник, побывав в его деревне, вспоминая его стихи, я сегодня испытываю чувство, которое давно уже не приходило ко мне, я горжусь что я русский!»*

В присланной мне бандероли было и небольшое письмо, в котором поэт дал мне номер своего домашнего телефона. Я тогда первый раз позвонил Станиславу Юрьевичу, поблагодарил за книги, за новые для меня интересные данные о «литературной кухне» в СССР во второй половине двадцатого века, рассказал о своих литературных делах, о Рубцовском центре. Куняев предложил, чтобы я присылал в «Наш современник» какие-нибудь интересные материалы нашей днеештельности. Впоследствии он

всегда находил место в журнале для моих публикаций о Николае Рубцове. В 2006 году Куняев приехал в Сургут вместе с большой группой авторов «Нашего современника». Было много встреч, много бесед на самые различные темы и, конечно, говорили о Рубцове, о его лирике. Куняев вспоминал свои встречи с поэтом. Тогда же я подарил ему свой новый сборник о Рубцове «Поэту посвящается», в котором снова опубликовал стихи Станислава Юрьевича, и услышал немало добрых слов от него за издание книги, и за то, что мы в Сургуте не забываем творчество замечательного русского поэта. В 2011 году Куняев вновь побывал в нашем городе вместе с А. Казинцевым. Мы снова пообщались. В 2012 году Станислав Юрьевич прислал мне книгу «Любовь, исполненная зла» с автографом: *«Дорогой Сергей! Вспоминаю наши встречи и разговоры, и благодарен Вам за Вашу подвижническую деятельность. Примите на память моё расставание с Серебряным веком – жалко, но что делать! Кстати, книга началась с того, что я написал вначале о трагической смерти Коли Рубцова... Он помог мне её написать. Ваш Ст. Куняев»*. В 2015 году я получил от Станислава Юрьевича бандероль с книгой о выдающемся русском поэте Юрии Поликарповиче Кузнецове «И бездны мрачной на краю» с автографом: *«Дорогой Сергей! Прими от меня на память книгу о моём друге Поликарповиче. С благодарностью за любовь к Рубцову. Ст. Куняев. P.S. О Коле в этой книге я тоже вспоминаю. 6.03.2015»*. Кстати, Ю.П. Кузнецов приезжал в наш город в 1999 году. Он говорил, что самыми близкими ему по духу поэтами были В. Казанцев, Н. Рубцов и Н. Тряпкин. И я вспомнил и прочитал его четверостишие: *«Искусства нет – одни новации. / Обезголосоlet быт отцов. / Молчите, Тряпкин и Рубцов, / Поэты русской резервации»*. Кузнецов как-то встрепенулся и взволнованно сказал, что русским писателям надо объединяться, чего, к сожалению, не получается. Что, мол, в наших рядах царит разброд и непонимание. Я слушал поэта, и видел, как у него болит душа. Всё время вспоминаю эти его слова, и ещё один интересный случай, как мы

возили Кузнецова на барахолку и покупали ему там ондатровую шапку. Купили. Юрия Поликарповича, к большому сожалению, уже нет на свете. Я все сургутские фотографии поэта потом выслал в Москву его жене – Каутовой Батиме Жумахановне, с которой переписывался. А со Станиславом Юрьевичем Куняевым, настоящим воином русского мира, продолжаю общаться по сей день.

Памяти поэта

*Мы были с ним знакомы, как друзья.
Не раз в обнимку шли и спотыкались.
Его дорога и моя стезя
в земной судьбе не раз пересекались.
Он выглядел как захудалый сын
своих отцов... Как самый младший,
третий...
Но всё-таки звучал высокий смысл
в наборе слов его и междометий.
Он был поэт, как критики твердят,
его стихи лучатся добрым светом,
но тот, кто проникал в тяжёлый взгляд,
тот мог по праву усомниться в этом.
В его прищуре открывалась мне
печаль по бесконечному раздолью,
по безнадежно брошенной земле,
ну, словом, всё,
что можно звать любовью.
А женщины? Да ни одна из них
не поняла его души, пожалуй,
и не дышал его угрюмый стих
надеждою на них хоть самой малой.
Наверно, потому, что женский склад
в делах уюта и в делах устройства*

*внезапно упирался в этот взгляд,
ни разу не потерявший беспокойства.
Лишь иногда в своих родных местах
он обретал подобие покоя
и вспоминал о прожитых годах,
как ангел, никого не беспокоя.
Он точно знал, что счастье — это дым
и что не породнишь его со Словом,
вот почему он умер молодым
и крепко спит
в своём краю суровом,
на вологодском кладбище своём
в кругу теней любимых и печальных...
А мы ещё ликуем и живём
в предчувствии потерь
уже недалгих.
А мы живём, и каждого из нас
терзает всё, что и его терзало,
и потому, пока не пробил час,
покамест время нас не обтесало,
давай поймем, что наша жизнь — завет,
что только смерть развяжет эти узы —
ну, словом, всё, что понимал поэт
и кровный сын жестокой русской музыки.*

Ст. Куняев

Станислав Юрьевич Куняев — это знаковое имя в русской литературе и в русской жизни. Помимо замечательной поэзии, он автор острых публицистических книг, которыми зачитываются и которых не найти в продаже — «*Стас уполномочен заявить*», «*Поэзия. Судьба. Россия*», «*Шляхта и мы*», «*«Мои печальные победы»*», «*Возвращенцы*», «*Русский полонез*», «*Любовь, исполненная зла*» и других. Книгу «*К предательству*

таинственная страсть», которая вышла в 2021 году, Станислав Юрьевич прислал мне месяц назад и подписал: «Сергею Лагереву и его Рубцовской библиотеке на память о наших встречах и разговорах. Ст. Куняев. 29.09.22». Через всю книгу красной нитью проходит имя Николая Рубцова. Это книга об истории многолетнего духовного противоборства писателей-патриотов и писателей-западников, государственников и либералов на литературном пространстве страны второй половины двадцатого века и начала двадцать первого. И это противостояние продолжается до сих пор. Ещё в 1975 году Станислав Куняев бросил в лицо Европе и российским поборникам либерализма гневные слова:

*Опять разгулялись витии —
шумит мировая орда:
Россия! Россию! Росси!..
Но где же вы были, когда
от Вены и до Амстердама
Европу, как тряпку края,
дивизии Гудериана
утюжили ваши поля?
Так что ж — всё прошло-пролетело,
всё шумным бльём поросло,
и слава, и доброе дело,
и кровь, и всемирное зло?
Нет, всё-таки взглянем сквозь годы
без ярости и без прикрас:
прекрасные ваши «свободы» —
что было бы с ними без нас?!
Недаром легли как основа
в синодик гуманных торжеств
и проповедь графа Толстого,
и Жукова маршальский жезл.*

Прошло после написания этого провидческого стихотворения почти полвека и что мы видим? Слова поэта были предупреждением тому, что сейчас случилось в мире и в России. Европа постаралась забыть, как её утюжили немецкие танки, а наши либеральные витии после начала СВО попрятались по норам, а некоторые, как крысы, разбежались по миру. Жаль, что многие не понимают того, что происходит или не хотят понять. А то, что замолчали в культурном пространстве России и в СМИ недавний юбилей С.Ю. Куняева (27 ноября 2022 года выдающемуся русскому поэту и гражданину исполнилось 90 лет!), говорит о том, что компрадорские прозападные силы всё ещё имеют вес не только в министерстве культуры, но и в российской власти.

Распутин Валентин Григорьевич

Москва. С В.Г. Распутиным в его квартире. 2006 г.

Мне посчастливилось быть знакомым с великим русским писателем Валентином Григорьевичем Распутиным. Анатолий, мой двоюродный брат из Питера, по долгу своей работы общался со многими выдающимися русскими поэтами и прозаиками, фотографировал и снимал о них документальные фильмы и был дружен с Валентином Григорьевичем. Зная мою любовь к творчеству писателя, Толя как-то прислал ко дню моего рождения подарок – книжку Распутина «Повести» с автографом автора: *«Сергею Лагереву, земляку-сибиряку, от автора на добрую память о нашей светлой Родине... Искренне В. Распутин. Октябрь 1990»*. Эта книга хранится у меня как самая дорогая реликвия. Я постоянно просил брата, чтобы он уговорил писателя посетить Сургут. К этому подключился и наш фонд «Словесность», но получилось это только в 2004 году. Ночью 15

марта 2004 года, в день рождения самого Валентина Григорьевича, мы: председатель фонда «Словесность Ю.А. Дворяшин, преподаватель университета Н.В. Ганущак и я встречали писателя в аэропорту Сургута. Когда мы ехали ночью обратно в город, то Распутин попросил остановиться. Потом, выйдя из машины и смотря на заснеженный лес, произнёс: «Как давно я не видел такого белого снега!». Писатель прилетел в наш город на три дня, перед этим побывав на священном Афоне. Дни, проведённые с Валентином Григорьевичем, всегда будут помниться. Первое время мы как-то робели перед ним, но оказалось, что Распутин очень прост в общении, даже где-то стеснителен. Писатель провёл несколько встреч с читателями и жителями города. Ему очень понравилась Центральная библиотека имени А.А. Пушкина. А сургутская ГРЭС-2, куда с большим интересом Валентин Григорьевич согласился поехать, просто поразила. Вот что после её посещения написал Распутин в книге отзывов: *«Много где бывал, много что видал, но не ожидал увидеть в наши дни такое чудо и такую мощь! Каждого нытика и невера неплохо было бы приводить сюда – для укрепления духа. Спасибо! Служите России, никому больше! И знаю я теперь, побывав здесь, что Россия сильнее, чем она представляется из Москвы, да и откуда угодно. Здоровья вам и вашему величеству – станции!»*

Везде, где проводились встречи с В.Г. Распутиным, зал был полон. Для всех писатель был открыт и приветлив, с удовольствием отвечал на самые разные вопросы. Мне, например, часто вспоминается интересный разговор с ним о ненормативной лексике. Некоторая наша просвещённая интеллигенция лукаво утверждала и утверждает, что есть культурный мат, его для образности применяют актёры и писатели, и что это нормально, даже симпатично. И есть «мат» уличный, площадный, то есть, простого народа, который звучит некрасиво и мерзко. И вот что он рассказал тогда: *«Ранней весной я всегда уезжаю из надоевшей Москвы в родной Иркутск, на берег Байкала. Подолгу живу на даче. Узнав о моём приезде, заходят соседи. Кто денег занять,*

кто поговорить за жизнь. Раз один начитанный сосед высказал мне недовольство романом В.П. Астафьева «Прокляты и убиты». Сказал, что тоже воевал, всякое было и с «матом», но так мерзко, как это делает Астафьев в книге, они не выражались. Зная о моём знакомстве с Астафьевым, попросил: «Ты скажи ему, Григорьевич, что нельзя так, противно читать». Я ему в ответ: «Ну ты же сам нет-нет да и пошлешь кого-нибудь очень далеко или мать крепким словечком вспомнишь». Сосед почесал затылок, подумал и выдал: «Так это я, Григорьевич, ведь матерюсь-то в воздух, а он в книгу. А это же навсегда». Жаль, что я не смог передать эти слова Виктору Петровичу».

В январе 2006 года мы вновь встретились в Москве на праздновании 70-летия со дня рождения поэта Николая Рубцова, которое проводилось в музее А. С. Пушкина. Я с братом побывал у Распутина дома в Староконюшенном переулке. Жена писателя угощала нас ухой из сёмги. Распутин дал мне свои московские телефон и адрес, а также иркутские, так как ранней весной он каждый год уезжал в родной город, уставая от шумной и суетной Москвы. Валентин Григорьевич по-отечески журил меня из-за того, что я много лет, с конца семидесятых годов, не бывал на своей малой родине. Ведь я тоже родом из Иркутска, дедовский дом стоял в селе Листвянка на берегу Байкала. Зимой 2005 года я в письме к писателю договаривался с ним о своей летней поездке в Иркутск. Валентин Григорьевич ответил так: *«Дорогой Сергей! На Байкал лучше всего приезжать в конце лета, а ещё лучше – в начале осени. К этому времени и вода нагревается в Байкале, и туристического нашествия становится меньше, да и вообще всего постороннего меньше. Но это надо согласовать с Костей Житовым. А если ещё и Толя приедет – совсем хорошо. Вообще же – или этой осенью, или следующей в Иркутске наверняка или писательский Пленум, или что-нибудь в этом роде, тогда Толя, как участник сего события, будет избавлен от необходимости платить за проезд, да и с Байкалом всё будет проще. Словом, отдадимся пока течению времени, оно должно вынести к*

байкальскому берегу. А нет – тогда уж придётся своим ходом». Очень жалею, что поездки не получилось. И вряд ли мне уже удастся побывать на Байкале. Знаю, что после посещения нашего города Распутин рассказывал своим сотоварищам писателям о Сургуте, о встречах с читателями, говоря, что именно провинция – это истинная Россия, и чтобы это почувствовать, надо побывать в Сургуте.

Валентин Григорьевич с Рубцовым знаком не был, с поэтом дружил его друг драматург Александр Вампилов, но Распутин в наших разговорах всегда поддерживал моё занятие поэзией Николая Рубцова, творчество которого почитал и любил, и писал об этом. Есть много высказываний писателя о Рубцове, я приведу несколько коротких, но значимых. *«Чудный изныв русской души по Родине вслед за Есениным пропел Рубцов. Но не повторил, а извлёк в небывалых доселе звуке и чувстве, в которых радость и боль, близкое и далёкое, небесное и земное существует настолько слитно, будто это одно и то же есть!»; «В поэзии Николай Рубцов, в прозе Василий Шукшин, в драматургии Александр Вампилов... – кажется, самую душу и самую надежду почти в едино vreme потеряла с этими именами российская литература... И, кажется, сама совесть навсегда осталась с ними в литературе...»; «...Есть поэты, которые прорастают сквозь почву России и говорят тем языком, который существует в России, выражают душу, действительно душу России. Для меня Рубцов именно такой поэт...».*

После января 2006 года мы больше не встречались. Я иногда звонил Валентину Григорьевичу, писал письма. Он, несмотря на занятость, присылал мне свои книги. Храню их в своём архиве, а также пять писем писателя, написанных микроскопическим почерком. Вот одно из них, напрямую связанное с Николаем Рубцовым.

«03.11.09. Дорогой Сергей! Письмо от тебя получил как не полгода ли назад, но все эти месяцы, особенно летние, находился в «ауте», как мы в молодости называли полную беспомощность и

бездействие. Признаки этого у меня проявлялись и раньше, подействовала, наверное, гибель дочери. Но никогда ещё так. Совсем не работал, почти не читал, бродил как тень. Экспедиция по Ангаре с Курбатовым и Сапроновым немножко встряхнула, но кончилась она, эта экспедиция, печально: сразу после возвращения скончался Г. Сапронов, и тут же в Пушкиногорье Савва Ямицков. Это тоже не могло не подействовать. За всё лето до октября никому не написал ни строчки. Не мог. И только сейчас начинаю шевелиться.

Прости, я подвёл тебя, не выполнив твою просьбу послать в Вологду рекомендацию для Рубцовской премии. Конечно, прежде всего, тут сыграла моя беспомощность. Но, пожалуй, не только. Думаю, что сделанное тобою для Рубцова ни в каких «высоких» рекомендациях не нуждается. Подталкивать твою кандидатуру авторитетами – в этом есть что-то лишнее, задевающее и Рубцова и тебя. Разве мнение вологодских писателей, а также мнения Дворяшина и Денисова недостаточно? Какая-то в худшем виде советчина, боязнь взять решение на себя. Вот то, что я хотел тебе сказать. Если обида отступила – рад буду получить от тебя письмо. Я снова в Москве, постараюсь отсидеться дома, но как выйдет – Бог весть! Обнимаю. В. Распутин».

Хочу прояснить ситуацию, в связи с этим письмом. В 2009 году мне позвонили из Вологды и сказали, что меня номинируют на Рубцовскую премию. А для этого надо взять рекомендацию у какого-нибудь известного писателя. Я, ничтоже сумняшеся, написал Валентину Григорьевичу. Всегда чувствовал какую-то неловкость от этой моей просьбы. И, получив от В. Распутина умное и полезное для меня письмо, успокоился. И написал ему ответное, в котором извинился, назвав эту мою слабость дуростью. А премия в том же году была отменена. А для меня слова писателя стали уроком на всю жизнь.

В заметке о В.В. Жириновском я упоминаю юбилейный вечер поэта Николая Рубцова, который был проведён 14 декабря 2006 года в Малом зале Государственной думы с показом

документально фильма. Но, кто это мероприятие задумал и кто организовал я не знал, пока не прочитал книгу депутата Госдумы Анатолия Николаевича Грешневикова «Уроки Валентина Распутина». Оказалось, что это было не просто осуществить, и «пробивалось» почти год. Вот отрывок из письма А. Грешневикова к В. Распутину 13 января 2006 года:

«В.Г. Распутину.

Глубокоуважаемый Валентин Григорьевич!

С интересом прочитал в газете «Труд» беседу с вами – «Написать бы вещь светлую». Как чётко вы расставили акценты в русской действительности! Действительно, «русский народ, удерживающий теперешнюю государственность», подвержен сегодня небывалому геноциду. В последнем нашем разговоре мы затронули тему Байкала и подготовку к юбилею Н. Рубцова. По обоим этим вопросам я выступал в Госдуме».

В последующем Анатолий Николаевич объяснил о каком разговоре он упоминает в письме к Распутину.

«Упоминание в письме нашего разговора о поэте Николае Рубцове связано было с тем, что приближался его юбилей. Распутин, знающий, как русофобское телевидение и подобные им печатные СМИ негативно относятся к русской культуре вообще, попросил меня пробить хоть какое-то мероприятие в честь этого гениального поэта. Конечно, мне не составило труда выступить на заседании Госдумы и дать поручение Комитету по культуре и Комитету по информационной политике проконтролировать подготовку и проведение культурных юбилейных праздников. Вспомнил я по ходу выступления и то, как наши чиновники от культуры проморгали и предали забвению недавний юбилей патриарха земледелия, лауреата Государственной премии Терентия Мальцева. Пришлось завершить свою речь резким словами: «Я понимаю, сейчас время менеджеров, валютных проституток, королев красоты, заполонивших телевидение, но следует всё-таки достойно относиться и к представителям культурной национальной элиты, потому что это примеры для

воспитания. Мне бы хотелось, чтобы в наших медиа-агентствах более серьёзно относились к таким замечательным событиям и датам».

Что тут говорить? Если бы не вселенская боль великого писателя о русской литературе и крепкая гражданская позиция депутата-патриота, то юбилей Николая Рубцова в Госдуме «замолчали» бы. Это точно.

В последние годы жизни Валентин Григорьевич неважно себя чувствовал, а 14 марта 2015 года накануне своего 78-летия великий писатель, классик русской литературы скончался. 17 марта в Храме Христа Спасителя в Москве прошло отпевание и прощание с писателем. Отдать последнюю дань приезжал президент России В. В. Путин. Обряд провёл сам Патриарх всея Руси Кирилл. А 18 марта гроб с телом покойного был отправлен в Иркутск. Сначала хотели провести захоронение там, где просил сам Валентин Григорьевич в завещании – на Смоленском кладбище Иркутска, где лежит его жена Светлана Ивановна и дочь Мария, погибшая в авиакатастрофе. Однако в итоге родственники Распутина решили, что последний приют он должен найти на территории старейшего в Сибири Знаменского монастыря, где захоронены известные исторические личности: княгиня Трубецкая и её дети, путешественник Григорий Шелехов, декабрист Николай Панов, епископ Иннокентий (Нерунович). 19 марта 2015 года не только иркутяне, но и вся Россия простились с писателем. Будем жить и будем помнить!

Курбатов Валентин Яковлевич

Сургут. В.Я. Курбатов на берегу Оби, которую в следующий свой приезд обещал переплыть. 2013 г.

Просматривая в СМИ материалы по творчеству Николая Рубцова, я как-то раз нашёл посвящённую поэту статью известного литературного критика и писателя Валентина Яковлевича Курбатова и решил послать ему книжку «Венок Рубцову», изданную в Сургуте. Найдя адрес критика, отправил свой сборник, не думая, что Курбатов ответит. Но вскоре получил из Пскова бандероль с книгой «Крест бесконечный». Это был интересный эпистолярный роман, переписка двух выдающихся литераторов: Валентина Курбатова и Виктора Астафьева. На титульном листе находился автограф автора и дата – 3 ноября 2002 года. И с этого времени началась наша, правда, редкая переписка, сначала эпистолярная, а потом и по электронной почте. Иногда мы переговаривались по телефону. В 2003 году я попросил Валентина Яковлевича прислать мне свой отзыв о творчестве Николая Рубцова для нового сборника «Поэту посвящается», который я

хотел издать к семидесятилетию со дня рождения поэта. Вскоре получил письмо:

«На наших глазах закатилась целая эпоха русской литературы. Чтобы отчётливо понять это, достаточно прочитать любой сборник Николая Рубцова. «Это было в России – это было в раю», – сказал о совсем другой эпохе В. В. Набоков. Теперь и мы о своём прошедшем, никуда не выезжая и не обрывая традиций, тоже скажем с печалью: «Это было в России – это было в раю». Кто теперь скажет от полноты сердца:

Тихая моя Родина! Ивы, река, соловьи...

Привет, Россия, – Родина моя!

Россия! Как грустно...

Россия! Русь! Храни себя, храни!

Это не «тема» — это кровь в вековой рифме со словом «любовь». Родина больше не пронзает нашего сердца, потому что её унесли в злые газеты и на порочные экраны, продали в Думы и партии, одели в ложные гимны и флаги, сделали из плоти и сердца пустые слова и символы. Но, слава Богу, ещё не отняли память о ней, живущую в глубине сердца, где заняли оборону Пушкин и Тютчев, Некрасов и Блок, Твардовский и Рубцов. Они держатся и держат нас, надеясь, что мы подойдём с подкреплением.

Помоги вам Бог, святые наши заступники!

Мы слышим! Мы вернёмся!».

Я поставил эти волнительные слова Валентина Яковлевича в свой сборник, а когда он был издан, отослал книжку во Псков. Писатель ответил мне: *«Псков. 14 октября 2007. Спасибо, дорогой Сергей Алексеевич, за Рубцова, за альбом. Аркадий Елфимов давно манит меня в Тобольск, и в одном из номеров их альманаха я даже печатал свою работу по его просьбе. Но графики мои тесны и пока лежат в другой стороне. Даже и в Тюмени, а Бог даст, и в Сургуте мы могли бы быть в этом ноябре с «Литературной*

учёбой», но обстоятельства повернулись иначе. Октябрь и ноябрь оказались отданы Холму Славы, который мы, с лёгкой руки Проханова, насыпали здесь на западных рубежах России, свезли в него земли великих могил белых и красных и молитвенников, Александра Невского и Александра Матросова, большевиков и Колчака с Деникиным. Надеемся кого-то устыдить и начать русскую историю с красной строки. Пока вокруг вертятся всякие «единые России», но празднества отойдут, а Холм под огромным крестом будет глядеть на всякого мимо идущего человека и говорить ему самое важное, проверять его сердце. Меня, во всяком случае, эта идея пока очень радует и кажется необыкновенно важной и в самом деле поворотной. Только дал бы нам Бог найти подходящие, единственные слова. Вообще в Россию возвращается Слово. Вернее, необходимость его. Слова так безнадежно потеряли свои коренные значения, что нам придётся научиться говорить снова, с первого слова – по слогам. Да жалко, что мы уж очень бойки и смиряться не хотим для вдумчивого разговора. Ну, ничего, жизнь заставит. А пока посылаю Вам карточки с Кургана, сделанные Толей Пантелеевым. Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов».

В письмах к писателю и телефонных разговорах я постоянно приглашал его посетить Сургут, и только в сентябре 2013 года Валентин Яковлевич приехал в наш город вместе с моим двоюродным братом Анатолием Пантелеевым. На нескольких культурных площадках города прошли тогда незабываемые встречи с Курбатовым: в гимназии им. Ф. Салманова, в Центральной библиотеке имени А.С. Пушкина, в педагогическом университете, в православной гимназии. Писателя интересовало всё: он посетил краеведческий музей, Историко-культурный центр «Старый Сургут», побывал в храме Преображения Господня и побеседовал там с батюшкой, посмотрел, как работают турбины ГРЭС – 1, и даже увидел труд нефтяников. Поездку на промыслы организовать было непросто, но председатель общественного городского фонда «Словесность» Николай Ганущак договорился в

Сургутнефтегазе об этом. Курбатов, человек энциклопедических знаний, был прост и очень интересен в общении, много шутил. Эта встреча с ним навсегда осталась в памяти, и не только, думаю, в моей. Перед отъездом Валентина Яковлевича и Анатолия из Сургута мы, как истинные сибиряки, пригласили их в ресторан «Медвежий угол». Вечер прошёл замечательно. Рядом были близкие по духу люди, велись душевные разговоры, читались стихи, пелись народные песни. Не все авторы любят и умеют подписывать свои книги, но Курбатов это делал мастерски. Хочу привести несколько автографов Валентина Яковлевича, оставленных на присланных мне книгах. В этих коротких записях можно увидеть многое: его отношение к Родине, тревогу за русское Слово и за то, что происходит в России сейчас.

Книга «Крест бесконечный» – *«Сергею Алексеевичу Лагереву – из глубины России, Пскова, во глубину России – Сургут, с верой, что только эта глубина матушку Россию и держит. Вал. Курбатов. 3 ноября 2002 г.»*.

Книга «Подорожник» – *«Сергею Лагереву – в воспоминание о великой советской литературе, которая была русской – русской, не думая об этом, потому что жила «дома». А мы сегодня взметены чужим ветром и все в какой-то беспокойной дороге. Да уврачует нас бедный русский подорожник, который и в пыли и забвении не знает обид, а врачует и врачует живую рану. Может, и новая литература научится этому у старой... Дай Бог! Вал. Курбатов. Псков 27.03.08»*.

Мне почему-то раньше представлялось, что критики – это такие серьёзные, скучные, всегда погружённые в себя люди, но нет, Валентин Яковлевич был человеком весёлым, очень любил юмор. Например, на суперобложке своей книги «Пушкин на каждый день», вышедшей в Пскове в 2014 году, Курбатов разместил известную пушкинскую эпиграмму:

*«Вот перешед чрез мост Кокушкин
Опершись ж.... о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин*

*С мосье Онегиным стоит.
Не достаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом;
Не плюй в колодец, милый мой».*

Так Александр Сергеевич отреагировал на иллюстрацию к отрывку из «Евгения Онегина», что была опубликована в «Невском альманахе» за 1829 год, и которая тогда очень ему не понравилась.

Вскоре Валентин Яковлевич прислал мне эту свою книжку «Пушкин на каждый день», а в автографе с озорством обыграл пушкинскую эпиграмму по-своему:

*«Мостов в России – слава Богу!
Какой поэт не перейдёт,
А там уже, оставив ногу,
Его задорный критик ждёт.
И вмиг, не ведая сомнений,
Опершись ж... о гранит,
Какой бы ни был явлен гений,
Сейчас возьмёт и «объяснит».*

Серёже Лагереву, и так знающему – от «объясняющего» Вал. Курбатова с надеждой ещё переплыть Обь вдоль за счастливым разговором. Псков. 23.09.2016. В. Курбатов».

Книга «Дневник» – «Сергею Лагереву, раз уж география развела нас, и мы не всякий вечер можем встретиться вместе, так вот – вместо отчёта «Дневник». С дружеской нежностью Вал. Курбатов 29.09. 2019. Псков».

А вот так писатель шуточно поздравлял меня с днём рождения: *«Ура! Вся страна празднует Ваш день рождения, Серёжа! И я примазываюсь к стране и тоже иду налить рюмочку, чтобы посидеть с Вами на родной Геологической улице. Покоя и воли! Потому что счастья, как давно узнал Пушкин, нет. Ваш Хансийский Манси из Пскова».*

Шестого марта 2021 года я узнал скорбную весть – во Пскове на 82-ом году жизни Валентин Яковлевич Курбатов

скончался. Не стало выдающегося литературного критика, православного писателя, искусствоведа. Если я буду перечислять его награды, то это займёт полстраницы. Скажу только о двух – в 2020 году он был удостоен Государственной премии РФ, а ранее – Патриаршей. А самое главное – он был очень хорошим Человеком! В сентябре 2019 года, кажется, совсем недавно, я поздравлял его по телефону с 80-летием. И сам Курбатов говорил о своём юбилее удивительные слова: *«Каждое мгновение прекрасно, встаешь каждое утро – восторг, солнышко светит – прекрасно, дождик – еще лучше, тучки нашли – превосходно, и вот когда тебя окружают самые дорогие люди и когда съезжаются друзья, ты чувствуешь, как плодоносна жизнь, ты думаешь, неужели мне будет 80 – и какое счастье!»* И вот... Как быстро всё меняется в мире. Почти во всех СМИ были размещены некрологи и слова соболезнования в связи с кончиной Валентина Яковлевича. Владимир Толстой, советник президента РФ по вопросам культуры, председатель жюри «Ясная Поляна» написал: *«Для меня это огромная личная потеря родного человека, который долгие годы был самым близким собеседником. Человек, с которым мы вместе шутили, и плакали, и смеялись. Не могу поверить, что всё это так внезапно оборвалось. Он удивительно умер! С букетом цветов для своей жены, который просто не донёс до дома».* Газета «Литературная Россия» – *«Русская культура понесла тяжёлую утрату. В одночасье скончался Валентин Яковлевич Курбатов. Ушёл из жизни православный мыслитель и писатель. Его слово, напитанное сердечной горечью и болью, не оставляло читателя равнодушным. Начав свою творческую деятельность как журналист, рецензент, критик, он сделал свои сочинения – литературой. Самобытной. Обогащающей. Духовной. Царствие Небесное Вам, мудрый и верный человек!»*

Многих, и меня тоже, это печальное известие поразило. Известный поэт, прозаик из Екатеринбурга Александр Кердан откликнулся стихотворением. Воспроизвожу с разрешения автора.

На смерть Валентина Курбатова

*Красиво умер человек:
Решил купить букет супруге,
Такой, чтоб лучшим был в округе...
И умер на глазах у всех.*

*Так должен умирать поэт –
Легко, счастливо, безупречно,
Лишь пригубив Любви вечной...
Поэт так должен... Критик – нет!*

*Но если всё ж он так почил –
С букетом роз, в весеннем сквере...
Дётся каждому по вере
И в срок, когда Господь решил.*

Выдающийся деятель русской культуры Валентин Яковлевич Курбатов всегда находил в своём непомерно загруженном графике время для многих и для меня тоже. И для всех добрая его душа была открыта. Грустно, что уже не услышу по телефону его глуховатый голос и не получу на почте из Пскова книги, не прочту интересные письма. Жаль, безмерно жаль... Вспомнились слова Курбатова, сказанные им перед отъездом из нашего города преподавателю литературы Сургутского политехнического колледжа Светлане Тюморезовой: *«Прощай, сестра Фотинья (по-старославянски Светлана). Увидимся ли ещё...»*. Потом помолчав, добавил: *«Разве что на Небесах... Ну, там просторней...»*.

Протоиерей отец Александр (Никулин)

Давно замечено, что если занимаешься каким-нибудь любимым делом, которое интересно не только тебе, но и другим людям, то многое в жизни происходит так, будто кто-то тебе помогает в этом. словно по какому-то стечению обстоятельств в твои руки попадают нужные вещи, книги, документы, происходят интересные встречи, нужные теме твоего увлечения. И всё это происходит как бы случайно, но я думаю, что это осознанная помощь свыше. И я верю словам, сказанным знаменитым французским писателем, Нобелевским лауреатом Анатолем Франсом: *«Случай – это псевдоним Бога, когда он не хочет подписываться собственным именем»*. Одним из таких случаев-встреч и было моё неожиданное знакомство с настоятелем Успенского храма в посёлке Новая Утка под Екатеринбургом, протоиереем отцом Александром (Никулиным). Году в 2005-ом священник посещал Сургут, встречался с православным сообществом, которое финансово помогало отцу Александру в

строительстве храма. Кто-то из горожан рассказал ему обо мне и о моём увлечении творчеством поэта Николая Рубцова. А лирика этого замечательного поэта, как оказалось, была близка батюшке, и, узнав номер моего телефона, отец Александр позвонил, и мы договорились встретиться у меня дома. На следующий день батюшка приехал вместе с монахиней матушкой Николаей. Мне, честно говоря, сначала было некомфортно. Я не знал, как вести себя, что говорить. Боялся обидеть гостей каким-нибудь неловким словом, у меня не было опыта в общении с такими людьми. Но я зря опасался. Встреча наша получилась непринуждённой и интересной. Мы пили чай, говорили о литературе и поэзии, слушали редкие записи песен в исполнении Николая Рубцова, которые были в моём архиве, батюшка читал свои стихи. И, конечно, отец Александр не мог обойти тему православия поэта. До встречи со священником я не очень-то задумывался об этом. В биографии поэта нет точных данных об этом, и в стихах тоже. Но пронзительные, берущие за душу стихи Николая Рубцова, описание негромкой красоты природы своей малой Родины, любовь поэта к России и к людям, тревога за их будущее – всё это неразделимо с православным духом. Я это понимал. Я и сам, как большинство русских людей, редко хожу в храм, к сожалению, хотя считаю себя православным. Думаю, что христианская Вера у нас в крови. Но того, как мне потом в разговоре расставил духовные знаки в стихах Николая Рубцова отец Александр, я не ожидал, и мне было очень интересно слушать его. Батюшка передал мне свою статью «О духовном подвиге Рубцова» и потом отрывок из неё я поставил в свой сборник «Поэту посвящается», который был издан в 2006 году к семидесятилетию поэта. Полностью вся эта статья была опубликована в книге «Н.М. Рубцов и Православие», которая увидела свет в 2009 году в Москве при помощи Международного Фонда единства православных народов. Это был сборник статей известных критиков, философов, священников о творчестве Николая Рубцова. Во вступлении к книге Архиепископ Вологодский и

Великоустюжский Максимилиан написал: «...Вероятно, Николай Рубцов не осознавал себя православным, но был таковым по мироощущению, по своей сути. Он не писал явно и конкретно о православии, но его стихотворения напитаны духом православия. Классическая русская литература вся построена на православных ценностях, ей свойственно христианское мировосприятие и мироощущение». Об этом и говорил мне отец Александр в нашем разговоре у меня дома.

Вот присланное мне для книги очень интересное письмо отца Александра, в котором он рассказывает о своей непростой жизни и о поэзии Николая Рубцова.

«Простите за лишнее, что не так. Удивляюсь, что Вы позвали меня в такую солидную компанию...

Дорогой Сергей Алексеевич!

Не могу себя простить, что так долго задерживаю с ответом. После ковида прошлогоднего с реанимацией и ИВЛ я по здоровью не вполне владею собою, к тому же священническая и пастырская нагрузка никак не уменьшилась – но это не оправдание! Главное другое – Рубцова невозможно вместить, примерно, как Божественную литургию, которую служу до сего дня 33 года. И даже на простой Ваш вопрос: «Что мне даёт поэт Николай Рубцов?» – ответить трудно, потому как при одном упоминании, точнее постановке, такой личной, вопроса – как ветер у Рубцова, меня буквально захватило облако чувств и воспоминаний, и понесло по всей жизни. Всё-таки, при всей пространности событий, об одном следует сказать. В начале 70-х, когда я учился в ГИТИС-е на режиссёрском факультете, в среде общих знакомств был Петя Брант из Питера. Я писал стихи, но себя найти никак не мог, хотя внутренний напор безусловно присутствовал. Петя был поэт и, послушав меня, направил в Питер к своему приятелю Косте Кузьминскому. Более экстравагантного чудака я не встречал. Он был и диссидентом, и авангардистом, живой и весёлый. Выслушав моё чтение своих

стихов (а он в это время составлял поэтическую антологию «Голубая лагуна»), будучи прекрасным знатоком русской поэзии, он, едва дослушав, сказал: «Тебе надо бы к Коле Рубцову». «А где его найти» – спросил я. «В Вологде, в Вологде, он же вологодский. А вот книг его стихов у меня нет» – сказал Костя, хотя вся его квартира была завалена книгами. Вернувшись в Москву, я узнал, что Рубцова уже нет 5 лет. Поспрашивал знакомых о его стихах, но ни у кого их не было. После спросил у одной знакомой из книжного магазина о Рубцове, и она рассказала, что ей давали ненадолго сборник поэта, и что они с мужем всю ночь плакали, читая стихи. Теперь уже и не помню, но через какое-то время я обрёл сборник Рубцова с предисловием В. Кожина. Конечно, тоже плакал. По-моему, Рубцова первый раз по-другому и невозможно прочесть. Это было даже не потрясение, это было открытие мира, твёрдое убеждение, что надо жить иначе. Так ёмко и кратко выразить все беды Отечества и глубину святости родной земли, конечно, было под силу только одному Рубцову. Хотя бы вспомнить это гениальное, остающиеся с нами и поныне:

*Стоял, задумавшись и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.*

Единственным певцом Святой Руси, притом на таком трагическом её изломе, безбожии XX века, явился наш поэт Николай Рубцов. Были религиозные стихи у Тютчева и Майкова, и прежде них у Лермонтова и Пушкина и многих других, кроме поэтов т.н. «серебряного» с чернью века, но ни одного таковым счесть невозможно. В своих пронзительных и незамысловатых стихах, впрочем, ставшими классикой русской литературы, звучат откровением на пике безбожного времени: «Россия, Русь! Храни себя, храни!». Поэзия Рубцова за небольшим исключением

есть вся ОТКРОВЕНИЕ. Голос его был без сомнения «гласом вопиющего в пустыне». Конечно, существовала Церковь вопреки режиму, как будто всё было, в том числе и служба святителя иеромонаха старца Арсения, который провёл в ссылке и заключении 22 года, служба Святых, в земле Российской просиявших, где воспевалось – «Русь Святая! Храни веру православную, в ней же тебе утверждение». Но вряд ли об этом реально знал Рубцов, проведший жизнь в скитаниях, но относившийся так свято к церкви, в любви его к останцам Святой Руси, как немногие верующие в наше время.

*«А на горе – какая грусть! –
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь...»*

Святую Русь Рубцов выстрадал. «Всякая душа по натуре христианка» - говорили в древности. Русская душа Рубцова была особенно совестлива. В нём всё было глубоко личное для меня, как для многих, кто читал Рубцова, - всё проходило через душу и оставалось в ней как твоя личная жизнь. Так началась моя жизнь в Рубцове, если так позволительно выразиться. Самое трудное было оставить Москву, к тому же ещё женился. Но появилось твёрдое убеждение жить «малой, тихой родиной». Я был на литературных курсах у известного поэта Жигулина, и к тому же меня брали в МХАТ, но поначалу как практиканта, но Рубцов с «малой родиной» перебороли. Сначала с супругой уехали через Вологду в В. Устюг, а меньше, чем через год на родной Урал, где остановились в п. Висим, откуда родом Д.Н. Мамин-Сибиряк. К тому времени церковная стихия мною плотно завладела, хотя в Висиме написал цикл «Висимская тетрадь», конечно, не без влияния (ошеломляющего) Рубцова, потому что мне в ту пору казалось, что всё рубцовское во мне дышит, живёт и видит мир, как видел его Рубцов. Рубцовский мир стал моим миром. Но церковь, не вытесняя прежнего, всё более захватывала меня. В

Лавре Старец отец Кирилл Павлов мне сразу сказал, чтоб я принимал сан, и ещё несколько духовных лиц. Стал петь и читать на клиросе, по послушанию Старца объехал много епархий, особенно под Москвой, чтобы получить сан, но соответствующие органы «блюли» меня вплоть до 1988 года, до памяти Крещения Руси, 1000-летия. После с приключениями стал священником в Курганской епархии, и в сане уже непрестанные испытания, которые затихли к нынешним годам. Близость к святыне, особенно в сане, сжигает все мосты без возврата. И после Висима не писал стихов, как и не брал в руки Рубцова, иногда, лишь ближним, что-нибудь цитировал рубцовское. Из Кургана перевели в небольшое село Боровское, возле Катайска, где я прослужил около 14 лет. И когда выгнали, убрали оттуда на пике церковной деятельности, и с трудом перебравшись сюда, в Новую Утку, официально «Новоуткинск», ко мне вернулись стихи. Практически с 1985 по 2004 год я не писал стихов, за редким исключением. На новом последнем месте, когда из руин собирали церковь и общину, полились стихи. Написал много, жил этими отголосками рубцовской лиры, но после смертельных болезней в 2018 и после, преимущественно дышу молитвой и служением литургии.

Простите меня, Сергей Алексеевич, за такую пространность. Очень благодарен Вам за Рубцова, за обе книги, они, без сомнения, великий венок и венец Поэту. Вы подвижник и старатель, как у нас на Урале называют добытчиков золота, надо промыть много породы, чтоб держать на ладони золотые камушки. Когда я «ушёл» в церковь, то прекратил всякое общение с миром, ничего не читал и не слушал, и не видел. Однажды я ехал в автобусе в Курган, и водитель включил классическую музыку, и я услышал свиридовский «Романс» из «Метели». Это было потрясающе. И нечто подобное испытываю, когда случается встреча с Рубцовым, которых я совсем не ищу по иной насыщенности моей жизни. И Ваша посылка с книгами о Рубцове как раз такое событие. Простите, что я так долго молчал – болезни и

*беспреданный отрыв на страждущих и духовных чад. И это – день и ночь, и я ничего не могу поделать с этим. Если Бог даст ещё годик-другой, пришлю Вам свои лучшие стихи
Храни Вас Господь, Сергей Алексеевич!
Дай Вам Бог здоровья, чтоб закончить всё задуманное».*

Отец Александр создал в Екатеринбурге братство Государя Николая Александровича Романова, был духовником Великой княгини Ольги Николаевны Куликовской-Романовой. В 2019 году по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла отец Александр был удостоен ордена преподобного Серафима Саровского. Помимо своей огромной духовной деятельности отец Александр пишет стихи, издаёт книги и красивые календари. Мы с батюшкой впоследствии виделись только ещё один раз, но он потом не забывал меня и передавал с okazji небольшие подарки. Но через какое-то время наше общение затихло. И возобновилось оно лишь недавно, когда я узнал, что батюшка тяжело болел «ковидом». Но Господь управил, и он выздоровел. Я по интернету узнал номер телефона храма в Новой Утке и позвонил. Так вновь наладилось наше общение. У батюшки, правда, нет телефона, а компьютера и подавно, и я связываюсь с ним только через его супругу матушку Галину. Я отправил по почте отцу Александру свою новую книгу «Светлая печаль», а в письме написал, что я очень хотел бы разместить в новой дополненной редакции этого издания, который готовлю к изданию, воспоминание о нём и о нашей встрече. И вот дождался письма, которое представляю в этой заметке.

От всей души хочу пожелать отцу Александру, а также всей его большой семье, здоровья, крепости и благополучия!

Юровских Василий Иванович

«Я не признаю деление художественной литературы на стихи и прозу. Поэтический язык должен приближаться к простоте и естественности разговорной речи, а прозаическому слогу должна быть усвоена музыкальность и гибкость стиха» – писал великий русский писатель Иван Алексеевич Бунин. Ко многим, даже известным литераторам, это высказывание вряд ли подходит. А вот о писателе, о ком пойдёт речь, можно с уверенностью сказать, что эти слова именно о его творчестве. Это Василий Иванович Юровских из города Шадринска Курганской области. Я пришёл к его творчеству поздно, о чём сожалею. И то с подачи Валентина Григорьевича Распутина. Когда в 2004 году

писатель посещал наш город, я спросил у него, что бы он почитал в свободную минуту для того, чтобы отдохнуть душой. Распутин недолго подумал и сказал: *«Этюды о природе Васи Юровских»* и добавил: *«А ему, кстати, был очень близок Николай Рубцов»*. Услышав имя поэта, я заинтересовался. Книг В. Юровских нигде не было, даже в библиотеках, но мне очень захотелось их прочитать. И я, найдя выходы на писателя через шадринскую библиотеку, написал ему письмо. Рассказал о себе, о Н. Рубцове и о встрече с В.Г. Распутиным, что, думаю, и послужило тому, что вскоре пришёл ответ и книги, подписанные автором. И я просто окунулся в поэзию природы, в детство. Василий Иванович сам был дитя леса, опушек, речных лугов и полностью растворялся в своих новеллах с природой, понимая язык птиц и лесных зверушек. И всё это он описывал прекрасным русским языком. Недаром так восторженно о его творчестве писали многие выдающиеся писатели России. Валерий Ганичев – *«На мой взгляд, Василий Юровских – лучший писатель из пишущих о природе... Он – и наш Тургенев, он и наш Пришвин...»*. Евгений Носов (из письма) – *«У меня много книг, но, когда попадается в руки твоя, какое-то тёплое чувство полнит душу: видно, о давней любви и привязанности к тебе, но ещё больше – от созвучия души и понимания друг друга. Такое искусство действительно радостно, как пастуший костёр на ветру по зябкой осени, как внезапно объявившийся за окном снегирь на голой ветке. Береги себя, ты ещё много сделаешь удивительного своим необыкновенным пером и сердцем, тебя будут всегда любить дети и простые люди земли за твою искренность и веру в добро!»*. Виктор Астафьев (из письма) – *«Читал твой «Веснозапев», словно сахарок сосал! Талантливый ты художник! Так и держись! Прекрасно пишешь, всё зримо, ощутимо до крайности, хорошо, достоверно. Мне так захотелось вместе с тобой побывать в лесу по весне или в клубничную пору летом...»*. Валентин Распутин о книге *«Материнское благословление»*, вышедшей в 1979 году – *«Книжка прекрасная: я имею в виду и то, как издана, и, главное,*

то, что в ней. Это большая радость, что тексту, духу книжки было найдено столь точное уютное и добротное жильё, такой терем-теремок. У меня ведь дочь, которой исполнилось на днях восемь лет, и мы с ней твою книжку по вечерам читаем». И, заметьте, это написано при жизни писателя. А вы знаете, как скупа пишущая братия на похвалы друг другу. Вы задумывались когда-нибудь о том, что мы совсем перестали смотреть на звёздное небо, на плывущие облака? В суетной, вечно спешащей куда-то нашей жизни мы не слышим утреннее пение птиц и воркование голубей, не замечаем яркой зелени листьев, когда они появляются после первого тёплого весеннего дождя, не чувствуем грусти осени. Мы разучились удивляться. Не понимаем или понимаем, но ничего с собой поделать не можем, что этим обедняем своё существование. После прочтения рассказов, повестей и новелл Василия Ивановича Юровских хочется оглянуться вокруг, и ты начинаешь замечать, что тебя окружает не только надоевший пыльный городской ландшафт, а ещё и её величество природа. Становится легче на душе и на сердце. Он, как талантливый писатель, и творил для того, чтобы пробудить в нас чувство любви к своей земле, к пониманию красоты природы. Он очень любил лирику Николая Рубцова. Вот два небольших письма Юровского ко мне.

«Дорогой Сергей Алексеевич!

Недавно заходил в гости земляк, живёт в Сургуте. От него и знал, что за город. Оказывается, в три раза больше Шадринска. Напишите вкратце о себе: кто Вы, чем заняты, почему странная фамилия; что двигает вами в благородном служении Русскому Слову? Ведь на таких людях, как вы, оно и держится. Спасибо Вам за добрые слова! Согласен я с Вами и в оценке Вологды, где все, кроме Батюшкова, Рубцова и Чухина мне не просто знакомы, а давние друзья - Саша Романов, Витя Кортаев И Василий Иванович Белов. Книга Сашина есть у меня, даже две было, и я один экземпляр подарил своему редактору А.М. Бритвину. Руководитель СП в Вологде тоже мой друг Саша Грязев. Мечтаю побывать там, посидеть возле могилы Саши Романова, взглянуть

на родные края великого поэта, гения Русской земли – Николая Рубцова. Рад за Вас, рад! Вот вы и дочку Рубцова знаете, как она? Дорожит ли отцом, всё ли правильно понимает? У меня много газетных публикаций про Рубцова, Есенина и Шукшина лежат без дела. Если удастся, то переishлю вам с оказией, по почте очень дорого.

Спасибо и вам за доброе отношение ко мне и моим книгам!

Сердечно. Ваш Василий Юровских. 31.08.2004»

***

«Дорогой Сергей Алексеевич, здравствуйте!

Всё ваше получил, за всё огромного спасибо! Очень рад, что на Севере у меня неожиданно появился такой замечательный человек, как вы! Сейчас мы знакомы. Я вас, кажется, знаю всю жизнь... Всё у нас совпадает, Сергей Алексеевич! Бог вам в помощь – в благородном и великом просветительстве! Сейчас чистое и светлое Слово, как святые знаки, а они дадут богоугодные всходы! Как славно на душе, зная о том, что где-то рядом живёт удивительный сын России – Сергей Алексеевич! А альманах «Сургут» пока лишь полистал, но смело могу сказать – издание его заслуживает всяческих похвалы и поддержки. Уровень альманаха высок, выше нынешних «Уралов». Да и силы у вас в городе солидные, авторитетные, мощные. Исполать вам, друзья! Моё почтение коллеге Юрию Дворянину, моя признательность за приглашение в «Сургут литературный». Я с удовольствием посылаю вам свой рассказец «Совиный воробышек». Он написан в декабре прошлого года и печатался только в нашей городской газете. Если не пойдёт по каким-то причинам, то Вы не переживайте. Я давно отношусь спокойно к таким «событиям». В Сургуте, на местном ТВ или радио, трудится наш парень, поэт Серёжа Ильиных. Вот, если вы не знакомы, то найдите его и попросите увезти для вас мои материалы о Н. Рубцове. Я их собирал много десятилетий. Вам они нужнее. А почтой слать канительно и накладно – такова, к сожалению, проза жизни... Писатели стали нищими в буквальном смысле слова...

Если удастся издать книгу о сыне – непременно вышлю. О нём, сыне, мы ежедневно плачем, это страшное горе не отпускает ни на день... Сын был и есть для меня – всё...

Ради Бога, Сергей, не думайте плохого и не беспокойтесь, если я задержусь с ответом... Что поделаешь, в самые чёрные и тяжкие дни вышло нам познакомиться...

Низкий поклон вашей семье, здоровья и добра! Сердечно. Василий Юровских

А у нас тепло, снег сошёл и в пору по сморчкам, как весной...

22.11.2004»

Вскоре поэт Серёжа Ильиных, мой друг, бывший житель Шадринска, привёз от Василия Ивановича целый газетный архив о Н. Рубцове. Эти ценные материалы сейчас находятся в собрании городской библиотеки имени Н. Рубцова. В 2004 году скоропостижно скончался сын Василия Ивановича – Владимир, талантливый художник, который делил с отцом все охотничьи и рыбацкие пути-дороги, оформлял его книги. Эта смерть буквально подкосила писателя, и последние годы он сильно болел. Мы переписывались с Василием Ивановичем более трёх лет, вплоть до его кончины. Один из самых проникновенных и тончайших писателей о природе Василий Иванович Юровских ушёл из жизни 26 апреля 2007 года. Похоронен в городе Шадринске, почётным жителем которого является. Одна из библиотек города названа его именем. Осенью 2007 года в Шадринске на доме, где жила семья Юровских, установлена мемориальная доска. С 2008 года в городе проходит литературный конкурс имени В.И. Юровских, названный по одному из его рассказов «Своя песня».

У меня хранятся книги, присланные писателем, письма, написанные его летящим почерком, который было иногда трудно расшифровать, осталась тёплая память о нём. И засушенный кленовый листок, который Василий Иванович трогательно вложил между корочками присланных мне бумаг.

Лукьянов Анатолий Иванович

Москва. Государственная Дума. С А.И. Лукьяновым. 2003 г.

В 2002 году в газете «Правда» была опубликована фбольшая интересная статья В. Кожемяко «Поэтическая любовь Анатолия Лукьянова». В ней известный политик рассказывал о своей жизни, о литературных пристрастиях, о коллекционировании книг и аудиозаписей и о том, что готовит к выпуску антологию «Сто поэтов XX века», в которой на десяти дисках будут звучать «живые» голоса русских поэтов. Ещё упомянул и очень хорошо отозвался о поэзии Николая Рубцова. Меня это заинтересовало, и я написал в газету письмо. Рассказал о своём увлечении, не надеясь, что оно дойдёт до Анатолия Ивановича Лукьянова – видного государственного и политического деятеля СССР, последнего Председателя Верховного Совета страны, талантливого поэта. Просто написал, как «на деревню дедушке». Но через какое-то время мне прямо на квартиру принесли письмо со знаком Государственной думы и надписью «Правительственное».

«Уважаемый Сергей Алексеевич!

Мне передали из редакции «Правды» Ваше письмо – отклик на опубликованную в этой газете моё интервью о коллекции голосов поэтов, которую я собираю почти 50 лет. В этом месяце Антология «Сто поэтов XX века» выпущена издательством ИТРК. В ней на десяти дисках голоса ста поэтов, большинства из которых уже нет в живых, начиная с Бунина, Брюсова, Блока, Гумилёва, Волошина, Ахматовой и др. Есть в этой Антологии и шесть стихотворений Николая Рубцова. Я выбрал их из 16 стихотворений, записи которых у меня имеются. Это стихи, которые были написаны поэтом с 1960 по 1971 год. Список я прилагаю. Кроме того, у меня есть воспоминания о Рубцове – записи голосов В.И. Белова, С.Ю. Куняева и других знавших его людей. Собирателей книг и записей голоса Рубцова, насколько я знаю, в России много (Москва, Ленинград, Архангельск, Вологда и др.) Создаётся своеобразное братство вокруг творчества замечательного, подлинно русского поэта. Рад, что вы принадлежите к этому братству. А. Лукьянов».

Вот так тогда работала обратная связь СМИ и читателей. Не то что сейчас. Ответное письмо я направил прямо на адрес Государственной Думы. Написал о себе, о наших литературных делах в городе, послал книгу посвящений «Венок Рубцову», которую в 2001 году мы издали в Сургуте. Также отправил записи авторского чтения стихов Николаем Рубцовым, которых не было в архиве у А.И. Лукьянова. Письмо и бандероль дошли до адресата, и вскоре я получил ответное письмо. В феврале 2003 года в московском Центральном Доме литераторов прошла презентация уникального проекта «100 поэтов XX века», в основу которой легла фонотека, собранная Лукьяновым. Такая Антология была издана впервые. Вскоре, будучи в Москве, преподаватель Сургутского педагогического университета Н.А. Дворяшина встретила по договорённости с Анатолием Ивановичем, и приобрела два экземпляра Антологии: себе и мне. Так эта уникальная вещь, красиво оформленная, состоящая из десяти дисков с голосами поэтов и книги, в которой стихи, читаемые

авторами, были продублированы в печатном виде, появилась в Сургуте, а позже и в Центральной библиотеке имени А.С. Пушкина. Как раз в то время наш музыкально-драматический театр готовил спектакль о поэзии XX века «Среди миров, в мерцании светил...». Узнав о приобретённой мною Антологии, у меня в гостях побывали актёры театра для того, чтобы послушать, как выдающиеся русские поэты читают сами свои стихи. Звучали голоса Бунина, Ахматовой, Блока, Есенина и других. Надеюсь, что это помогло актёрам в их работе. А моё общение с А.И. Лукьяновым продолжалось. Я иногда звонил ему на домашний телефон, он так меня просил, так как на работе не было времени разговаривать. Говорили о разном, делились литературными новостями. Его помощник присылал мне сборники стихов Анатолия Ивановича. В июне 2003 года я поехал в Вологду через Москву, и там прямо в Госдуме мы встретились лично. Около двух часов такой занятой человек посвятил нашему разговору. Я сначала как-то робел, но А.И. Лукьянов был очень доброжелателен. Позволил своему секретарю сфотографировать нас. Интересно рассказывал о себе, литературной жизни столицы, о своих впечатлениях и опасениях. Говорил о трагических событиях августа 1991 года, подарил книгу «Переворот мнимый и настоящий», написанную им в «Матросской тишине». Я попросил его ещё раз рассказать о том, как он помог Николаю Рубцову в трудный период его жизни. Об этом случае были строчки в той статье из газеты «Правда». И Анатолий Иванович вновь поведал мне эту историю. Привожу слова из своей блокнотной записи, сделанной с разрешения Лукьянова в период разговора, и потом одобренные им.

«Где-то в конце 1964 года (в то время я был заместителем заведующего отделом Президиума Верховного Совета СССР) мне позвонили поэты Александр Яшин, Станислав Куняев, Вероника Тушинова и попросили помочь поэту Николаю Рубцову. В назначенное время Яшин пришёл не один, а с поэтессой Вероникой Тушиновой. Суть их просьбы была такова: вологодского поэта

Николая Рубцова исключили из Литературного института, и они просили меня подействовать о его восстановлении. К этому времени я уже знал имя поэта, читал его стихи в журнале «Октябрь» и понимал, что Николай Рубцов – это настоящее явление в русской поэзии. Я позвонил в институт, представился и поговорил с ректором или его заместителем (сейчас точно не помню фамилию). Сказал следующее: «Как же вы не понимаете? Вы отчисляете, может, второго Есенина!» (Кстати, почти так же говорил В. Кожин своему отцу, когда тот не пригласил Рубцова в свой дом в новогоднюю ночь 1965 года. – Л.С.) Меня выслушали и пообещали дело это уладить. Помню, что даже зачитали его строчки из заявления, чтобы, так я понимаю, показать мне на какие уступки они идут. Эти слова сейчас знают все любители творчества Рубцова:

Возможно, я для вас в гробу мерцаю,

Но заявляю вам в конце концов:

Я, Николай Михайлович Рубцов,

Возможность трезвой жизни отрицаю»

Николай Рубцов был восстановлен в Литинституте, но только на заочное отделение, а потом и успешно закончил его. Больше, к сожалению, мы не встречались. Я редко звонил Анатолию Ивановичу, понимая его занятость. Как-то рассказал ему, что готовлю новый сборник к юбилею поэта и попросил его прислать несколько стихотворений, посвящённых памяти Николая Рубцова. Вскоре он мне прислал письмо и два стихотворения.

«Москва. Уважаемый Сергей Алексеевич! Рад был Вашему сегодняшнему звонку по телефону. Меня долго не было в Москве и поэтому Вы не могли дозвониться. Сейчас пока у меня много политической и научной работы. Поэтому не было возможности серьёзно заниматься фонотекой писательских голосов. Надеюсь, что в феврале такая возможность появится. Как условились, посылаю Вам два коротких стихотворения на рубцовскую тематику. Они не публиковались и написаны в 2002 – 2003 году. Два других стихотворения, где вспоминается Николай Рубцов, как

Вы, наверное, знаете, были опубликованы. Ещё раз поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего самого доброго Вам и Вашим близким. Привет и наилучшие пожелания всем любителям поэзии Сургута! Ваш А. Лукьянов» 2004 г.».

Одно из стихотворений я поставил в сборник «Поэту посвящается», который вышел из печати в 2007 году.

Вещий всадник

Н. Рубцову

*Дайте волю ветрам и громам,
Русским песням о вере, о жизни!
Гулко скачет поэт по холмам
Задремавшей в печали Отчизны.
Скачет всадник любви и судьбы,
Осеня знаменьем могилы,
Умоляя – проснитесь, рабы,
Чтоб в веках себя Русь сохранила.
Пусть бессонные наши леса,
Родники и святые колодцы,
Пусть стозвонная наша краса
Но молитву его отзовется!
Певчий отрок, святой Николай,
Поборов все невзгоды стихии,
Покидая свой горестный край,
Скачет к нам через беды России.
Он летит сквозь века и огни
И призыв его мрак не потушит.
Сохрани себя, Русь, сохрани
Свою светлую вечную душу.*

Проект о подготовке трёх лазерных дисков, посвящённых Николаю Рубцову, о котором мне писал Лукьянов, у нас как-то не случился, хотя нового материала было собрано немало. В 2004

году Анатолий Иванович сложил свои обязанности депутата Государственной Думы, работал профессором кафедры конституционного и муниципального права в МГУ имени М.В. Ломоносова, консультировал ЦК коммунистической партии России. В последние годы Анатолий Иванович часто болел. Когда я изредка звонил, то трубку брала Людмила Дмитриевна, жена, и спрашивала, кто звонит, и потом сообщала супругу, только тогда он брал трубку телефона. В январе 2019 года Анатолий Иванович Лукьянов скончался. Хорошая память!

Так случилось, что именно поэзия Николая Рубцова подарила мне знакомство с этим талантливым, большого Государственного масштаба человеком. Уверен, что если были бы у нас в стране во власти вот такие, как он, люди: настоящие патриоты, честные, творческие, любящие и понимающие русскую культуру, то, может, и наш великий Советский Союз не развалился бы. И страна, думаю, жила бы по-другому. Но, её предали свои, точнее те, которые казались своими. И Анатолий Иванович с горечью писал в 1992 году:

*Нет, не «ретро», не чья-то мода,
Не подделка под старину,
У России, её народа
Боль за Родину, за страну.
Ту, что вынянчена веками,
Сбиралась по крохам в дом,
Одевалась в броню и камень,
Пробивалась в науку лбом.
Ни разъять её, ни осилить
У врагов не хватало сил.
Только внутренний враг России
Её силушку подкосил.*

А. Лукьянов.

Жириновский Владимир Вольфович

14 декабря 2006 года в малом зале Государственной думы прошёл вечер, посвященный 70-летию поэта Николая Рубцова. Тогдашний спикер Госдумы Борис Грызлов сказал в своем выступлении, что этот вечер – важное событие для всех, кто отдаст дань нашим поэтам. И также отметил, что Николая Рубцова сравнивали с Есениным, который прославлял нашу Родину, недаром тираж книг Рубцова на рубеже веков составил миллион экземпляров. Борис Грызлов сообщил, что скоро сойдет со стапелей корабль под названием «Николай Рубцов», который пополнит Северный флот, и предложил: *«Давайте сегодня с удовольствием посмотрим премьеру фильма «Поэт Николай Рубцов», созданного Продюсерским центром Вологодской области к юбилею поэта»*. Фильм был показан. И после просмотра журналисты спрашивали у некоторых депутатов о поэзии Николая Рубцова, о фильме. Отвечали по-разному, многие просто казённо, лишь бы показаться знающими имя поэта. И только Владимир Вольфович Жириновский с удовольствием прочитал наизусть два

стихотворения Рубцова. Я не очень симпатизирую партии ЛДПР, но то, что её лидер знает наизусть стихи Рубцова, честно говоря, меня очень удивило. Я, конечно, отреагировал и послал Жириновскому на адрес Госдумы свою книгу «Поэту посвящается» и коротко рассказал о Рубцовском центре в Сургуте. И вскоре мне пришёл ответ на фирменном конверте «Правительственное». *«Уважаемый Сергей Алексеевич! Хочу выразить Вам свою благодарность за Вашу книгу. Полученная от Вас книга достойно пополнит партийную библиотеку ЛДПР. Благодарю Вас за доверие к позиции ЛДПР и активную патриотическую позицию, за Вашу заботу о судьбе и будущем России.*

Желаю Вам, Вашим родным и близким успехов и крепкого здоровья!

С уважением и надеждой на сотрудничество!

С уважением В. В. Жириновский».

Ну, о доверии к партии ЛДПР я, конечно, не писал. И далёк от этого. Главное, что Владимир Вольфович знал и любил поэзию Николая Рубцова. Он об этом говорил не раз. Странные эпистолярные знакомства порой происходят из-за творчества поэта. (Прискорбно, но 6 апреля 2022 года В.В. Жириновский скончался. Мир его праху! Неординарный, интересный был политик и человек).

P.S. Борис Грызлов пообещал в своей речи, что скоро со стапелей сойдёт корабль «Николай Рубцов», который пополнит Северный флот. Но... обещать-то легко, а выполнить обещание сложно. Или это просто было сказано по случаю юбилея. Именем Рубцова назвали только небольшой торпедный катер. Ну, и это хорошо!

(О том, кто был идейным вдохновителем рубцовского вечера в Госдуме, кто пробивал это мероприятие, я пишу в разделе о В.Г. Распутине).

Лобанов Михаил Петрович

Сургут. Центральная библиотека имени А.С. Пушкина.
(А. Парпара, С. Лагерев, М. Лобанов). 2001 г.

Рассказывая в этой книге об известных российских литераторах, с которыми мне посчастливилось быть знакомым и которые мне поведали что-нибудь новое о поэте Николае Рубцове, я не мог не вспомнить Михаила Петровича Лобанова, выдающегося критика, писателя, фронтовика, кавалера орденов Красной Звезды и Отечественной войны 1-ой степени, мыслителя и публициста, профессора Литературного института им. Горького, более 50 лет руководившего творческим семинаром прозы, негибаемого патриота России, о котором В. В. Кожин говорил, что именно он *«наиболее полнокровно – из всех известных мне моих современников – воплотил в себе русскую духовную стихию»*. В конце девяностых годов прошлого века и нулевых этого в Сургуте проходило много самых разных встреч читателей с известными писателями и поэтами России, а также литературных

конференций. В октябре 2001 года наш город посетили гости из Москвы – литературный критик Михаил Лобанов и поэт Анатолий Парпара. В Центральной библиотеке Сургута они проводили встречи с горожанами. После одной из них меня попросили сопроводить гостей в гостиницу «Нефтяник». Анатолий Парпара куда-то ушёл, а я остался с Михаилом Петровичем. Он меня спрашивал о городе, о местных писателях, и зная из разговоров в библиотеке, что я занимаюсь творчеством Николая Рубцова, спросил о моём любимом стихотворении поэта. И я ему прочитал два: «Бессонница» и «Памяти матери». Он как-то разволновался, начал что-то искать в своё портфеле и достал книгу «Страницы памятного», раскрыл её и показал мне свою статью «Стихия ветра», где писал о поэте Николае Рубцове и упоминал именно стихотворение «Памяти матери». Конечно, я читал статьи Михаила Петровича, некоторые его книги, но вот эту не встречал. Хочу привести отрывок из тех строк, что автор писал о творчестве Рубцова.

«... Николаю Рубцову дано было сказать своё слово о природе и – что очень трудно после Тютчева – о стихии ветра. Это было бы невозможно, если бы поэт не обладал своим сильным мироощущением, в основе которого была «жгучая смертная связь» с природой, родной землёй. Но что-то «жгучее, смертное» есть и в связи поэта с самой природой, ветром, вьюгой, вызывающими в его душе отклик чувств – мирных, тревожных, вплоть до трагических предчувствий. В стихотворении «Памяти матери», думая о ней ночью в пургу о её могиле «во мгле снегов», поэт вдруг как бы вздрагивает:

Кто там стучит?

Уйдите прочь!

Я завтра жду гостей заветных...

А может, мама?

Может, ночь –

Ночные ветры?

Вы чувствуете, как и вас пронзает это: что это? Кто стучит? Мать, умершая давно, но живущая в памяти как живая, – не она ли там, за порогом, в пурге, или это сама пурга? Сейчас всё в ветре, вся жизнь человека – всё в ветре. Эта обнажённость мироощущения переносит сознание за грань привычного, как в стихотворении» «Меня ведь свалят с ног снега, сведут с ума ночные ветры». Это та сила воображения, без которой всё на земле упростилось бы и жизнь сделалась плоской, несносной».

Потом пришёл Анатолий Парпара, и я вручил им сборник «Венок Рубцову», который мы издали к 65 - летию поэта, сказав, что в книжке есть и стихотворение Парпары. Михаил Петрович Лобанов подарил мне свою книгу, в которой писал о Рубцове, и подписал её так: *«Дорогому Сергею Лагереву – поклоннику Николая Рубцова – с надеждой, что эта книга найдёт гостеприимство в доме Сергея хотя бы потому, что в ней есть кое-что о любимом его поэте».* Попрощались, так как они утром улетали в Москву, и Михаил Петрович дал мне номер своего домашнего телефона. Редко, но я иногда звонил ему, поздравляя с днём рождения или с праздниками. А в июне 2003 года мы встретились в Москве. Я созвонился с ним, писатель был очень занят, шли экзамены в Литинституте, в котором он много лет вёл семинар, и предложил встретиться в метро «Юго-Западная». Мы встретились, Михаил Петрович прямо там, на станции метро, подписал мне свою замечательную, вышедшую недавно книгу воспоминаний «В сражении и любви». Немного, минут 15, поговорили, я сфотографировал его. И больше лично мы не виделись. Только были редкие мои звонки. Хочу полностью привести стихотворение Николая Рубцова «Памяти матери», о котором упоминал критик.

Вот он и кончился, покой!

Взметая снег, завывла вьюга.

Завыли волки за рекой

*Во мраке луга.
Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.
Там поле, небо и стога,
Хочу туда, – о километры!
Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!
Но я смогу, но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!
Кто там стучит? Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь –
Ночные ветры?*

Прожив интересную большую, почти вековую жизнь, патриарх отечественной патриотической мысли, солдат и общественный деятель, выдающийся русский советский критик и писатель Михаил Петрович Лобанов скончался 10 декабря 2016 года. Будет ли его замечательное литературное наследие служить России, зависит уже от нас. В стране есть деструктивные силы, что с удовольствием попробуют «замолчать», например, его книгу «В сражении и любви», в которой Михаил Петрович ярко и бескомпромиссно рассказал о том, что происходило и происходит с культурой нашей страны в недавнем прошлом. Или книгу о развитии русского национального мировоззрения в тысячелетней истории России «Твердыня духа». Будут ли преподаватели работать с учебником Михаила Лобанова «Тысячелетнее русское слово духовное и светское» или будут продолжать заниматься по соросовским лекалам: всё сейчас зависит только от нас с вами.

Тарковский Михаил Александрович

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
С М.А. Тарковским. 2015 г.

Как быстро летит время! Даже и не верится, что прошло уже 20 лет после того, как я познакомился с Михаилом Александровичем, по-простому Мишей Тарковским. Про него, как поэта и прозаика, я узнал из публикаций в журнале «Наш современник». Мне понравилось его творчество, его любовь к природе и к людям, его отношение к России. И наши взгляды на русскую литературу совпадали. Также меня очень заинтересовала его необычная жизненная история. Молодой человек, представляющий московскую элиту, внук выдающегося поэта Арсения Тарковского, племянник великого режиссёра Андрея Тарковского, окончив институт, получив профессию биолога, бросил Москву и поселился в далёком селе Бахта на берегу величественного Енисея в Красноярском крае. И стал работать охотником-промысловиком. Согласитесь, редкая судьба,

говори́вшая о цельности и смелости души и силе характера Михаила. В его ранних интервью, рассказывая о своих любимых писателях и поэтах, он упоминал и Николая Рубцова. Как я мог это пропустить? И написал в Бахту письмо, указав только имя и фамилию адресата. Оно дошло, и вот с 2002 года мы переписываемся, делись своими мыслями о жизни, о литературе. Миша рассказывал мне об охоте, о своей лесной избушке, о собаках и снегоходах, о строительстве дома и церквушки в Бахте. Храню его интереснейшие письма. В одном я высказал своё недовольство книгой Виктора Петровича Астафьева «Прокляты и убиты». И вот что ответил мне Миша Тарковский. Приведу отрывок из письма. *«... Решил продолжить про Виктора Петровича. Просто я его всем сердцем люблю, для меня это имя, то, что принято говорить священо, и я принимаю всё его, а то, что мне не нравится, раздражает – это погоды не делает, и не перевешивает всего остального. В его жестокости – великая любовь, потому что чистенькую и сытенную мать и дурак полюбит, а когда она изранена, измучена – и ты всё знаешь – вот тут и есть большая любовь. Это право – его право, великого русского человека судить свой народ со всей строгостью и всей любовью. Просто иногда в нём трибун что ли, или журналист – всё неточно, неправильно, перевешивает художника, но на то он и русский художник, что не может в башне из слоновой кости сидеть. Меня он поддержал в одно время – поддержал, главное морально, хорошими словами, это был праздник мой. Такие силы вдохнул. Я же сидел в Бахте, писал не зная кому, почему, писал, как писалось, еле-еле, правда, пробился в журналы, но всё равно какого-то душевного отклика не было, и вдруг Виктор Петрович, которому я послал рассказ, говорит, что этот рассказ: «как глоток свежего воздуха». Потом много чего ещё было, и на встречи в Овсянке меня пригласили, и разговоров у меня с ним несколько было, и снова были драгоценные слова (дела тоже), и за эту окрылённость свою этими словами я ему благодарен и верен буду по гроб жизни, и когда при мне кто-то его ругает, никогда не*

молчу и готов биться до крови». И это его страстное письмо много мне сказал о характере и верности Миши Тарковского. Больше мы о Викторе Петровиче не говорили. В 2003 году в издательстве «Андреевский флаг» вышла книга Тарковского «Замороженное время». И всем стало понятно, что пришёл новый талантливый писатель, продолжатель великих имён в русской литературе: И. Бунина, М. Пришвина, В. Астафьева, В. Шукшина, В. Белова, Ф. Абрамова. К сожалению, наше эпистолярное общение закончилось где-то в 2010 году, так как в Бахте появился Интернет. А жаль! Что напишешь, что скажешь друг другу в коротких компьютерных заметках? Так, одни реплики, не более. Михаил Тарковский, работая охотником-промысловиком заочно окончил Литературный институт. Начинал он как поэт, но потом перешёл на прозу. За прошедшие годы увидели свет его книги: «Замороженное время», «Енисей, отпусти», «Тойота - Креста», «Поход», «Полёт совы». Красивые замечательные книги, настоящие произведения печатного искусства изданы известным издателем, председателем фонда «Возрождение Тобольска» А. Г. Елфимовым: «Не в своей шкуре» и «Три урока». В Красноярске вышла книга «Живая верста» с поразительными иллюстрациями художника-анималиста В. А. Горбатова. Книги Михаила Тарковского очень востребованы. Особенно в сегодняшнее непростое время, когда книжный рынок завален легковесным чтивом. В книгах сибирского писателя нет так надоевших интеллигентских всхлипываний на кухнях и копания в своей душе, нет людского существования в каких-то нереальных мирах. В них показана правдивая нелёгкая жизнь простого народа, которой живёт сам автор. У его книг много читателей не только в России, но и за рубежом. А я хочу вспомнить о повести Тарковского «Полёт совы», в которой говорится о сельском учителе и о проблемах нашего сегодняшнего образования, когда-то лучшего в мире. Книг на такую волнующую всех тему не существует. Это первая ласточка! Год тому назад в Кремле проходило собрание учителей России, где присутствовал и

президент. И одна женщина, учительница из Воронежа, профессор – филолог, сказала: *«Что мы здесь разводим пустые разговоры? Возьмите и прочтите книжку Михаила Тарковского «Полёт совы», там всё сказано»*, и привела цитату из книги. Мало верю, что все учителя, присутствующие на встрече, знали об этом произведении, да и президент тоже, но то, что эта книга Михаила Тарковского была названа на этом кремлёвском симпозиуме, говорит о том, что темы, поднятые в повести, – это проблемы государственного значения. В 2019 году писатель стал лауреатом Патриаршей литературной премии за вклад в развитие отечественной литературы. В 2007 году я отослал Мише в Бахту свой сборник о Николае Рубцове *«Поэту посвящается»*. Через какое-то время Тарковский прислал мне письмо, в котором написал о поэте: *«После перерыва взялся читать Рубцова и... просто реветь начал с любого места любого стихотворения. «Я умру в Крещенские морозы...» Так бывает, когда знобит сердце ещё до песни – от самого звука гармонии.*

Замерзают мои георгины.

И последние ночи близки.

И на комья желтеющей глины

За ограду летят лепестки...

Что это всё? Один Господь Бог ведает, да русская дорога. Что такое Рубцов: мудрая грусть при всеобъемлющем чувстве родного? Пустырь за кочегаркой скажет... Да Феропонтов монастырь... Ясно только, что Родина в нём настолько врождённо вся, что не требует побывания в том или другом её уголке. Не зря ему «Сибирь, как будто не Сибирь! Давно знакомый мир лучистый». Счастливо и закономерно, что в Сибири Николай Рубцов побывал именно на Алтае. Брат он Шукшину – как же мог не испить из Катуня! Обогрело ли тебя Алтайское солнышко? Так хочется, чтобы обогрело... Не рубцуется на сердце эта судьба, от смерти матери в 42-ом до рокового 1971-ого. Сквозь всю

неприкаянность бьёт Христовый свет и такая мудрость, что сам себе кажешься суетным и слабым в стремлении к жизнеустройству, к стяжанию сиюминутных благ мира сего. Свободно и ненатужно входил в стихотворения Рубцова и бредёшь как по родному полю, то улыбаясь, то роняя слезу, и всегда затаив дыхание. Идёшь, узнавая каждое деревце, стряхивая снег со знакомой ёлочки, кивая продрогшему путнику с котомкой. И так незаметно увлечёт тебя эта дорога в родимую даль, что, глядя по сторонам, ещё долго будешь дивиться, сколько здесь незамеченного тобой и не пережитого – пока не замрёшь на взгорке перед небесным просветом, пораженный красотой пройденного пути».

Давно хотел, чтобы Миша Тарковский посетил наш город. И случилось это только в январе 2015 года. Миша приехал в Сургут вместе с женой Татьяной, тоже литератором. Привёз для презентации вышедшую в Новосибирске свою книгу «Избранное», снабжённую диском с документальным фильмом о своей жизни в Бахте и о людях этого сибирского села. Где бы ни проходили встречи с писателем: в Центральной библиотеке имени А.С. Пушкина, в педагогическом университете, в политехническом колледже, везде залы были полны. Михаил показывал свой удивительный фильм, легко и с юмором отвечал на все вопросы и был очень интересен в общении. Перед отъездом Тарковских мы узким кругом собрались на фуршет. Миша спросил гитару, и они с женой душевно пели песни на стихи Николая Рубцова.

Не знаю, увидимся мы ещё или нет, но связь мы не теряем, пишем друг другу по электронной почте, иногда разговариваем по телефону.

Кзаков Алексей Леонидович

Алексей Казаков с гражданской женой Николая Рубцова
Г.М. Меньшиковой, село Никольское, 2000 г.

В 1995 году я приобрёл в книжном магазине, который в те годы находился на месте нынешней Сургутской Центральной библиотеки имени А.С. Пушкина, симпатичный трёхтомник Сергея Есенина малого формата, изданный в Челябинске к 100-летию поэта. Составителем этих сборников был Алексей Леонидович Казаков. Меня это заинтересовало. Не мой ли это одноклассник? Фамилия, имя и отчество совпадали, да и город тоже. Я, уехав из Челябинска сразу после службы в Армии, потерял, к сожалению, все связи со своими однокашниками. Прошло много времени, и я только изредка кого-нибудь случайно встречал, приезжая на Урал. И про Лёню ничего тоже не знал – где он, что он. Но задумку узнать что-нибудь об этом неизвестном Казакове не оставлял. Тогда у меня ещё не было компьютера, и я не мог узнать о нём что-нибудь из сети. Приехав как-то опять в

Челябинск, стал искать людей с подобными Ф.И.О. по телефонному справочнику, благо тогда подобная услуга существовала. Первым вопросом ко всем абонентам, а их было более десятка, был такой: «Вы учились в 112 школе?» Не с первого раза и со всякими забавными ситуациями, но на Лёню всё же попал. Интересно вспоминать тот неожиданный наш разговор. Оказалось, что нас сближали не только школьные годы, но и любовь к русской литературе, литературоведческие изыскания и особенно, что мне было приятно, отношение к творчеству поэта Николая Рубцова. Да и то, что мы оба в своё время поработали на ЧТЗ токарями. И вот уже более двадцати лет мы не забываем друг друга. Итак, предлагаю для ознакомления короткое досье на моего одноклассника:

Казаков Алексей Леонидович родился 29. 07. 1949 в Челябинске. Журналист, член Союза писателей России, литературовед, издатель, член Общества любителей российской словесности. Один из самых известных исследователей жизни и творчества Сергея Есенина. Он автор более 200 статей и монографий о поэте. В 1992 году под редакцией А.Л. Казакова была выпущена книга «Как жил Есенин», куда вошли воспоминания о поэте его современников. А в 1995 году, к столетию Есенина, Алексей Казаков впервые в России издал трехтомник стихов поэта, восстановленных по рукописям, куда вошли все произведения поэта, которые до этого не пропускала цензура. В 1978 г. окончил отделение критики Литературного института им. А.М. Горького, в 1986 – аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького. Работал литературным консультантом в областной писательской организации. В 1994 г. создал при Челябинском фонде культуры литературно-издательскую артель «Алексей Казаков со товарищи». Созданная на общественных началах артель сохраняет свой статус и является своего рода просветительским центром пропаганды литературного творчества С. А. Есенина и его окружения (Н.А. Клюева, С.А. Клычкова, В.Ф. Наседкина и др.) Лауреат VIII Международного

Славянского литературного форума «Золотой Витязь», Президент Международного пушкинского общества по Уралу и Сибири, член редколлегии литературного журнала «Арзамас» (США)». Вот таков он есть, мой однокашник!

В один из своих приездов к родным на Урал я побывал у Казакова дома. Познакомился с его женой Галей, искусствоведом. (К большому сожалению, недавно она ушла из жизни). Лёня мне рассказывал: *«Я, работая над книгой о Николае Клюеве, в конце девяностых и нулевых годах не раз бывал на Вологодчине, и там познакомился со Славой Белковым, руководителем Рубцовского центра Вологды. И он своими вдохновенными рассказами о жизни и творчестве Николая Рубцова просто заразил меня. И я, наряду с материалами по Клюеву, стал собирать и по Рубцову. Встречался с разными людьми, знавшими поэта, ездил в село Никольское, в музей. Слава Белков в разговоре со мной часто называл фамилию какого-то Сергея Лагерёва. Я думал, что это однофамилец твой, хотя и имя совпадало. Но город проживания, Сургут, меня озадачивал. И от основателя музея Николая Рубцова в Москве Майи Андреевны Полётовой о тебе слышал. И вот как получилось! Это ты!» «А это ты!» - с улыбкой отвечал я, вспоминая, что и мне в Вологде фамилию некоего Казакова называли. Странно, как это мы не встретились в те годы, бывая в одних и тех же местах и почти в одно и то же время. Вспоминали школу, одноклассников, замечательную нашу учительницу по литературе Нину Николаевну Максимова. Сейчас-то понятно, что она сильно повлияла на наши дальнейшие с Лёней увлечения. Для него литературоведческие исследования стали профессиональным служением, я же этим занимался для души, в свободное от основной работы время.*

Как обычно, когда я прихожу к кому-нибудь в гости, в первую очередь интересуюсь домашней библиотекой. У Лёни она оказалась очень солидной. Мой одноклассник в разговоре вспомнил, что, прийдя как-то к нам домой, а мы жили недалеко друг от друга в Челябинске, поразился тому, что у нас в квартире стояли этажерки с книгами. Хозяин мне показывал свой литературный

архив, документы, фотографии, говорил о своих «есенинских поисках», о встречах с сёстрами Сергея Есенина, с его подругой Августой Миклашевской, с Шаганэ Тальян – «Шаганэ, ты моя Шаганэ...», со скульптором С.Т. Конёнковым, академиком Д.С. Лихачёвым и десятками других известнейших людей. Я удивлялся широте его увлечений и знаний, и по-хорошему завидовал. Конечно, много лет занимающийся изучением жизни и творчества Сергея Есенина, Алексей не мог не заинтересоваться Николаем Рубцовым: слишком много в судьбах русских поэтов было совпадений. Казаков писал в своей статье «*Душа, которая хранит*», написанной к 80-летию Рубцова: «*Он мог уехать прямо с занятий на несколько дней в родную Вологду и потом, так же неожиданно, вновь появиться в Москве, в институтском дворике на Тверском бульваре, 25 и в общежитии на улице Руставели... В нём была какая-то ЕСЕНИНСКАЯ, давно забытая мятежность духа. То, что другим казалось чудачеством, то, что многих раздражало в Рубцове, было его человеческой сутью. А в друзьях у него были люди, о которых он писал в своих стихах. Помните элегию-сказание про «Доброго Филю»? Когда это стихотворение услышал педагог Литинститута М.П. Еремин, он сразу же поставил студенту Рубцову зачет по спецкурсу истории русской литературы... Рассказывают, что реальным прототипом Фили был одинокий старик Кононов, живший отшельником на лесном кордоне близ села Никольского, любимой деревенской Николы, где прошло горькое детдомовское детство юного Рубцова, разлученного с семьей в начале войны». Лёня показал мне небольшой оригинальный портрет Сергея Есенина, выполненный в стиле лаковой миниатюры Палеха, рассказал об авторе. Мне работа понравилась, и я попросил дать адрес художника, чтобы заказать для себя портрет Рубцова. Так я познакомился с Ольгой Терентьевой. Она позднее написала для моего архива замечательный триптих «Рубцовская осень», который радует посетителей на всех выставках.*

Издав первую версию сборника «Светлая печаль», я сразу отправил экземпляр Лёне Казакову в Челябинск. Мне было интересно его мнение. Вскоре получил в ответ бандероль с книжками и записку. Вот она: *«Привет, Серж! Книгу твою получил – спасибо! Она содержит ряд неизвестных и интересных фактов, касающихся Рубцова, и его творческого окружения, а также добавляет материал твоих встреч и поисков. Рад за тебя! Посылаю в ответ свои материалы в б - ку Рубцова, подари им от меня. Со временем хотелось бы приехать в Сургут посмотреть твою коллекцию в библиотеке. А. Казаков. Челябинск 27. 06. 21 г.»*

Готовя сейчас второе дополненное издание, я ввёл в содержание новые очерки об интересных людях, что встретились мне по жизни и о которых в спешке я не рассказал ранее. Восполняю этот пробел, так как эти знакомства были очень важны для меня, да и причиной встреч с ними был опять же поэт Николай Рубцов. Надеюсь, Лёня не обиделся, что я забыл рассказать о нём в первом издании книги. И мне хочется верить, что всё же наступят лучшие времена, и мы пригласим Алексея Казакова в Сургут, и проведём встречу с ним в Центральной библиотеке имени А.С. Пушкина. Уверен, что мероприятие это будет очень интересным!

Селиванов Евгений Николаевич

Сургут, пос. Фёдоровский. Вечер памяти Николая Рубцова.
(Е. Селиванов, А. Резяпов). 1988 г.

С Евгением Селивановым, человеком увлечённым и талантливым, я знаком с конца девяностых годов прошлого века. Он уже давно не живёт в Сургуте, и встречались мы только тогда, когда он приезжал в город на празднование юбилейных дат поэта Николая Рубцова. Мне долгое время никак не удавалось убедить Евгения рассказать о себе и о том, с чего началось его увлечение творчеством поэта, как он более тридцати пяти лет тому назад организовывал первый вечер поэзии Николая Рубцова в Сургутском районе, что стало, я считаю, НАЧАЛОМ всего

последующего развития проекта «Рубцов на Тюменском Севере». Недавно Евгений, по моей просьбе, всё же согласился поведать о своей жизни и о том уже далёком мероприятии.

«Первый сборник стихов Николая Рубцова попал ко мне в руки от доцента математики Новомосковского института им. Д. Менделеева, где я тогда учился, Лебедева Виктора Андреевича. Мы ехали вместе одной автобусной экскурсией по «Золотому кольцу» тогда ещё Советского Союза. Это был 1975 год. (Четыре года, как не стало поэта Николая Михайловича Рубцова). В составе экскурсии собралась городская творческая интеллигенция. Никто никого вначале не знал. Но вот пошла по кругу гитара, и попала ко мне в руки. Да так и задержалась до самого вечера. И тут ко мне подсел Виктор Андреевич и предложил полистать книжку стихов незнакомого мне тогда поэта Рубцова, прочитав перед этим его стихи про «Доброго Филю» и «Медведя». Это был распечатанный самиздатовским способом сборник «Волны и скалы». Я чётко помню реакцию своего сердца и подсознания, когда после прослушивания сам открыл сборник. Всё совпало, у меня самого тогда душа была не на месте, были проблемы. Уже первые строки «Печальная Вологда дремлет», «Замерзают мои георгины» погрузили меня полностью в рубцовскую тему. Нелегкую, но такую счастливую, рубцовскую долю. Реальный мир для меня просто перестал существовать. В этот самый момент я впервые ощутил и увидел сенсорным зрением расплывчатый силуэт любимого поэта. Он сидел напротив меня и смотрел мне в глаза своими пронзительными глазами, в руках у него была гармошка. Ощущение присутствия Рубцова не покидало меня до самого конца поездки. Казалось, что со мной через гитару тогда заговорил сам Николай Михайлович. Да и говорит так до сих пор. Он всегда во мне и всегда хочет продолжения праздника своей души, да и моей вместе с ним. Можно сказать, что мы стали с ним одним духовным целым. Он спас и уберёг меня от многих жизненных метаморфоз. С тех пор творчество Рубцова шло бок

о бок со мной, где бы я не бывал. Всегда находилась для этого какая-нибудь аудитория, гитара, зона внимания и любви к творчеству поэта. Как мог я нёс во все места информацию о творчестве Николая Михайловича. Вечерами и ночами он не давал мне, зачастую, уснуть, пока я не запишу на магнитофон очередной мотив на его стихотворение. Это было самое активное время. После окончания института было производство, потом административно-хозяйственная деятельность разных уровней, но высокие должности не помешали, а, наоборот, усилили во мне любовь к творчеству Рубцова. Так пошли мои первые любительские творческие объединения. И центром внимания всегда был Рубцов. Первым было объединение интересов на квартире у товарища. Собирались и все были счастливы по-настоящему. Так всесилен был заряд любви к творчеству поэта. Со мной запели и все мои друзья. На производстве и ответственной работе со мной всегда был Рубцов. В созданном в 1983 году в рамках программы школьной реформы подростковом молодежном Клубе по интересам «Гармония», первом подобном клубе в Советском Союзе. И тоже там читали, и пели стихи Николая Рубцова. Работал школьный театр молодёжи.

В 1984 году прямо сразу по приезду в Сургут стал создавать свой ТРАМ (театр рабочей молодёжи), рабочую агитбригаду, которую назвал «Наше время». Мы стали Лауреатами Тюменского областного конкурса. Никто в жюри так и не поверил, что все мы были простыми работягами и служащими, а не работниками культуры. Гудели на радостях и вздохом пели Рубцова в автобусах, поезде, на вокзалах. Так родился Клуб по Интересам на колёсах по творчеству Рубцова. Потом во вновь строящемся нефтяном посёлке Фёдоровский я прошёл весь рабочий путь: от монтажника до зам. начальника НГДУ «Комсомольскнефть». Там же, когда я уже занимал должность Председателя исполкома поссовета народных депутатов, в начале февраля 1988 года мы провели первый поэтический вечер памяти Николая Рубцова. Поселение считалось комсомольской

стройкой, было много молодёжи, которой наш вечер очень понравился. Нас также поддержала творческая группа во главе с сургутским поэтом Петром Сухановым. До этого мы подготовили несколько моих песен на стихи Рубцова и спели их впервые дуэтом в присутствии публики. Гости из Сургута положительно оценили рождение нового клуба, первого в то время культурного общественного объединения. О нас писали в местных газетах. Хочется через письмо вспомнить и поблагодарить тех, кто помогал мне в тех делах – Тихонова Ивана Петровича, Саяпина Валентина Ивановича, Ильясова Ахата Набиуловича. Огромную реальную поддержку оказал нам тогда и лично мне начальник НГДУ «Комсомольскнефть» Резяпов Александр Филиппович. Это отдельный феномен в части реального руководителя и высшего хозяйственного чина, поддержавший наше движение на тот момент. С большой теплотой выражаю лично Александру Филипповичу слова истинной благодарности за мужскую поддержку всех «хотелок». Меня избрали Председателем исполкома поссовета народных депутатов. И тут мы с Филипповичем закрутили создание поэтического клуба уже более основательно. Тем более Александр Филиппович по следам нашей продуктивной дружбу сам издал свой сборник стихов. И сам прекрасно пел песни на свои стихи. На один из его стихов написал музыку и я.

Перебравшись потом по долгу службы в город Сургут, судьба свела меня с ещё одним интереснейшим человеком – Николаем Якубовым. Он сразу принял творчество поэта Рубцова. И мы исполняли песни на его стихи уже вместе на квартире Николая и в детском дошкольном учреждении, где он преподавал и практиковал авторскую систему детского здоровья. Встретились и познакомились с директором Центральной библиотеки Надеждой Жуковой и её прекрасными помощницами Наталией Нещерет и Татьяной Белей. И, конечно, там тоже читали стихи Рубцова и пели песни. Так начались наши первые серьёзные городские клубные встречи в городской библиотеке Сургута.

Отдельно хочу сказать о поэте Петре Суханове. Царствие ему Небесного. С его лёгкой и надёжной руки пришла творческая поддержка нашего молодого поэтического клуба. Я тоже исполняю песни на его стихи. Он уникален по-своему. Народный самобытный талант. Судьбою схожи абсолютно все истинные таланты из народа. Благодарения Петру, он достоин своего почитания на своей творческой Родине. Он был и остаётся для меня сродни Николаю Рубцову. Мы много часов, дней и ночей провели с этим замечательным поэтом. Пели, читали вначале всегда Рубцова, а потом, со слезами, слушали и внимали самого Петра. До боли жаль, что их, таких сердечных поэтов, нет уже среди нас. Стихи Рубцова я читал и пел песни на его слова и в Ямало-Ненецком автономном округе, в единственном в мире городе на Полярном круге – Салехарде. Также во многих странах, где я бывал со спортивными делегациями, в городах и сёлах, деревнях российской глубинки – везде и всюду, какие бы высокие должности я не занимал, стихи и песни Николая Рубцова жили в моей душе, радовали людей и заставляли по-иному смотреть на жизнь. С истинной любовью к своей Родине. А дело Рубцова продолжает жить и сейчас. В тот же Сургут в середине девяностых переехал из посёлка Кедровый Сергей Лагерев, который, как оказалось, давно уже занимался изучением жизни и творчества поэта и собирал архив. Он впоследствии с друзьями создал Рубцовский центр и продолжает по сей день держать в Сургуте творческие традиции памяти Великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова. Издал книги, посвящённые замечательному русскому лирику. Это ли не чудо Народного наследия Вологодского самородка! Вот так, совсем кратко, я поделился частью души своей, центральным звеном в которой было и остаётся творчество простого и замечательного поэта, воспитавшего на своих стихах уже не одно поколение».

Вот такое волнительное, написанное от чистого сердца письмо мне прислал Евгений. В связи с этим снова хочу повторить слова, которые уже писал в этой книге, что «именем Рубцова мы

будем узнавать друг друга!». Время летит, с Женей Селивановым мы уже не виделись более десяти лет. Думаю, что если всё сложится хорошо, то я приглашу Евгения на презентацию моей книги. Хочу поблагодарить его за любовь к творчеству Николая Рубцова и верность сургутской традиции, которой он сам положил начало 35 лет тому назад и продолжает служить ей по сей день.

Дух Рубцова

*Сегодня ночь с гитарой проведу я.
Гармонь сгорела дедова давно.
Стихи Рубцова бережно смакую,
Своих мотивов вытку плотно.*

*Давно ль ушёл он в край полей и сосен.
А не забыло сердце ничего.
Пасхальный колокол в Крещение несносен.
Звонит набатом болью за него.*

*Таких поэтов штучно на Планете.
Они сверкнули, канув в Навсегда.
Мы с вами все за них теперь в ответе,
Чтоб не забыл никто их никогда.*

*Пошла печаль рубцовская по струнам,
И охватило Душу полымья.
Сегодня я поверю снова рунам
И Дух Рубцова вновь войдёт в меня.*

*И буду рвать я струны как гармошку.
Потом нежнейшие строки заплетать.
И вспоминать Друзей не понарошку,
И тихо Русь с Рубцовым прославлять!*

Е. Селиванов

Суханов Пётр Антонович

Не могу сейчас точно сказать, где я приобрёл томик стихов Петра Суханова под названием «Встреча», но хорошо помню то волнение, которое тогда испытал при прочтении сборника. Это был, кажется, 1987 год. Стихи сразу же запали в душу. Они поразили меня своей пронзительностью, внутренней мощью и, что бывает редко, правдой жизни. Чувствовалось, что судьба поэта была непростой, но, как часто бывает в таких случаях, интересной и содержательной. Меня подкупило ещё то, что Пётр, как и я, был рабочим человеком. Шоферил на «Татре», его называли «Поэтом песчаных карьеров». Мне это очень понравилось.

До 1995 года я жил в посёлке Кедровый, в городе бывал редко и никого из местных литераторов не знал. Потихоньку

собирал свою библиотеку, что делать было нелегко, так как хорошие книги были в дефиците, занимался архивом по творчеству Николая Рубцова. И только после переезда из посёлка в город стал посещать Центральную библиотеку, бывать на литературных вечерах, встречаться с писательским обществом Сургута. К моему удивлению, в городе были люди, которые не только знали творчество Николая Рубцова, но и проводили вечера, посвящённые памяти поэта. Так я обрёл своих соратников. А лично с Сухановым я познакомился в 1995 году на одном из литературных вечеров. Там мы и поговорили о творчестве Николая Рубцова. Оказалось, что Пётр был одним из тех, кто организовывал первый Рубцовский вечер в 1988 году в Новой Фёдоровке, а потом и в Сургуте. В 1994 году с его помощью были организованы в городе «Рубцовские чтения». Вот что тогда писала местная пресса: *«Литературные встречи «Рубцовские чтения» прошли в городе нефтяников и газовиков Сургуте. Сургутская гимназия, школы города, редакционный центр «Северный дом», Центральная городская библиотека, литературно-музыкальный центр «Собеседник» — вот неполный перечень аудиторий, где в эти дни звучали стихи поэта и воспоминания о его жизни. На встречах с давними поклонниками поэзии Николая Рубцова и с юными читателями выступили: секретарь правления Союза писателей России поэт Игорь Ляпин (Москва), поэты Виктор Кочетков (Москва) и Пётр Суханов (Сургут)»*. Мне потом посчастливилось найти редкую телевизионную запись выступления Игоря Ляпина в гимназии, где он читал рубцовское стихотворение «Добрый Филя». Жаль, но я в то время ещё не жил в городе, и не мог участвовать в тех мероприятиях. С другом Рубцова известным русским поэтом, первым секретарём правления СП России Игорем Ляпиным я познакомился только летом 1999 года, когда тот вновь приехал в Сургут.

Пётр Суханов считал Николая Рубцова одним из самых талантливых и пронзительных лириков России и посвятил ему несколько своих стихотворений. Позже он рассказывал мне, что

когда учился в Литературном институте в Москве, то даже одно время занимал ту же комнату в общежитии на улице Добролюбова, где в своё время жил и Рубцов. Нашему сближению, а потом и дружбе способствовала не только любовь к поэзии Рубцова, хотя всё началось именно с этого, но, вообще отношение к русской литературе. Во многом были схожи и наши жизненные принципы, и, что важно, отношение к своей стране, к России. Пётр не терпел показухи и графоманства, говорил правду в глаза, а это многим не нравилось. Я всегда думал, что людей именно такой породы Лев Гумилёв называл «пассионариями» – людьми бесстрашными, готовыми к подвигу, к поступку, к любому экстремальному случаю. Верилось, что именно такие сильные мужики вместе с Ермаком покорили Сибирь! Недаром он стал первым казачьим атаманом в Сургуте. Вспоминаю Петра Суханова в празднование его 50-летнего юбилея в Доме культуры «Строитель»: импозантного, в чёрном костюме с бабочкой. Тогда на его юбилей из Москвы приехали поэт Валерий Латынин и народный артист СССР Юрий Назаров. Уже в конце празднования Пётр попросил меня прочитать стихотворение Николая Рубцова о поэзии «Стихи из дома гонят нас...», а самую его концовку произнёс на весь зал сам:

*Вот так Поэзия, она
Звенит – её не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.*

*Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмёт своё!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё...*

Не буду перечислять книги Петра Суханова, считать его награды и звания, а их немало, я просто немного расскажу о

последнем лете поэта. Вспоминаю, с какой нежностью он говорил о дочерях, с каким удивлением и умилением смотрел на маленького сына Антона, как любил и жалел бездомных собак и почему-то ненавидел кошек. Ценил юмор, балагурил, часто говорил экспромтами и в рифму. Любил людей. Любил жизнь во всех её проявлениях. В последнее его лето я бывал у него дома почти каждую неделю. Он сам частенько звонил и хрипловатым голосом спрашивал: «Серый, привет! Не женился ещё?». И, не дожидаясь ответа, продолжал: *«Ну и правильно! Слушай шедевр!»* И читал стихи. Людям, кто мало его знал, порой казалось, что в обыденной жизни Пётр слишком резок в обращении. Но это кажущаяся жёсткость была просто ширмой, ограждающей его ранимую душу от той среды, которую поэт знал не понаслышке. Кто понимал это, те принимали его любым. Страшный диагноз был ему известен, но Пётр никогда не говорил о болезни. В разговорах с его дочкой Снежаной мы недоумевали, понимает ли он всю серьёзность своего положения. Конечно, понимал, но принимал это по-мужски, без стонов и стенаний на судьбу. Я не слышал ни одной жалобы о том, что у него что-то болит. Только сетовал, что не может завести собаку, почему-то он этого хотел, и не может сходить на рыбалку. И даже в таком состоянии писал стихи! Писал до последнего, до того самого времени, пока были силы держать ручку. Я поражался его самообладанию! И мне вспоминались слова М. М. Пришвина о поэзии: *«Она рождается в простой, безобидной и не оскорбляемой части нашей души, о существовании которой множество людей и не подозревают...»*. Пётр отдавал мне листки с нечёткими уже строчками, дома я их перечитывал, а когда не мог разобрать почерк, то звонил ему, переспрашивал. Он чувствовал свой уход. Это было видно по тому, как высосала его болезнь, по тому, как и что говорил, что писал в последнее время. Мы с Юрием Александровичем Дворяшиным были у Петра в десятых числах сентября. Провожая нас, поэт спросил профессора: *«Юра! А ты придёшь ко мне на поминки?»*. А за неделю до этого, когда мы сидели с ним на кухне,

вдруг сказал: «*Слушай, а ведь я много прожил! Пушкин ушёл в 37 лет, Лермонтов в 26, Есенин в 30, Рубцов в 35, а мне, Серый, уже больше 60-ти!*». Потом, помолчав, тихо добавил: «*А ведь я мог и совсем не родиться!*». Я с болью смотрел на него, и мне было понятно, что он прощается с жизнью. Этот один из последних наших разговоров помню так отчётливо, словно это было вчера.

Русский поэт Пётр Антонович Суханов родился 18 февраля 1947 года в городе Елгава Латвийской ССР, скончался 29 сентября 2008 года в Сургуте. В 2012 году в городе был учреждён праздник «День поэта», который ежегодно проходит 18 февраля в день рождения Петра Суханова. Раз в два года проводятся Сухановские чтения, на которые приглашаются известные российские прозаики и поэты. Выходят новые книги. На доме, где жил поэт, установлена памятная мемориальная доска. В конце 2020 года одной из библиотек города было присвоено имя Петра Суханова. Сургутяне помнят и чтят своего поэта! А в июне этого же года в городе появилась библиотека имени Николая Рубцова. Поэты как бы встретились в культурном пространстве Сургута.

Памяти Николая Рубцова

Полумрак...

*Холодный, мглистый
свет срывающихся звёзд
на прозрачный, вечный, чистый
опускается погост.*

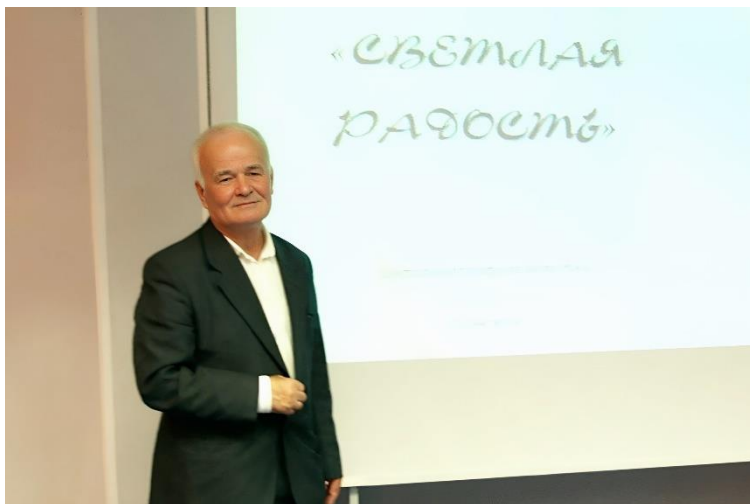
*И под небом – запоздало
потрясая мир на миг,
раздаётся чуть устало
небывалый горький крик:*

*«Эх, Русь, Россия!
Что звону мало?
Что загрустила?
Что задремала?»*

*... По Крещенскому морозу
унесли.
Что теперь слова и слёзы –
легче ли?!
Нам
в толпе большой прохожих
в тихой и тяжёлой мгле
невозможно быть похожим
На Рубцова на земле!..
Так всегда – в беде ль, в удаче
жизнь
Судьбой предрешена...
Ветер, ветер, что ты скачешь
по стране, что холодна?
Пронесись по белу Свету,
Ветер! Сбей с небес снега –
чтоб теплей спалось Поэту
под созвездьем Очага!*

Петр Суханов

Сочихин Николай (Никон) Васильевич

В поэтическом мире Сургута, пусть никто из пишущей братии не обижается, мне нравилось и нравится творчество двоих – Петра Суханова и Никона Сочихина. В паспорте последнего стоит имя Николай, но я буду называть его Никон, потому что именно так его назвали при рождении. Я не филолог и не умею по-научному разбирать поэзию. Я читатель и объясняю своё отношение к стихам просто – легли они на душу или нет, хочется мне вернуться к ним и прочитать снова или нет. К стихам Петра Суханова и Никона Сочихина я возвращаюсь постоянно, их сборники у меня стоят рядышком на книжной полке. О своём ушедшем друге Петре Суханове я уже рассказывал, в вот о Никоне Васильевиче почему-то всё откладывал. Наверное потому, что в последние годы редко стали видеться друг с другом. Мне, да и ему тоже, уже не очень хочется находиться на людях, всё больше хочется тишины. Постарели, одним словом. Хорошо помню, что с

обоими поэтами я лично познакомился в 1995 году на одном из литературных вечеров. И там же Никон Васильевич подарил мне свою книжку «Полуночная сестра: провинциальные стихи», в которой было стихотворение «Николаю Рубцову».

*Волнуют нас снова и снова
Стихи Николая Рубцова.
Сердечная их доброта,
Душевная их теплота.*

*Как будто лесами, лугами
Ведёт нас сторонкой своей,
И в сумерках светит над нами
Звезда задремавших полей.*

*Воспитанник детского дома
И североморский матрос, -
Причёску его, как солому,
Арктический ветер унёс.*

*Мечтал о семье и о сыне,
О счастье простом и - навек.
Какие стихи о России
Сложил! А какой человек!*

*За дружбу пошёл бы на плаху,
И воду принял, и огонь.
Последнюю снял бы рубаху: -
Возьми вот, а друга не тронь!*

*А с виду совсем неказистый
И ростик весьма небольшой,
Но был он до доньшика чистый
С пронзительно русской душой.*

Мне стихотворение понравилось. Ну как после этого нам не подружиться? Узнавая потом о жизни Никона Васильевича, я понял его трогательное отношение к Николаю Рубцову. Почти одногодки, 1936 и 1939 годы. Детские дома: у одного – на Вологодчине, у другого – на Васьюганье. Сиротская бесприютность, нелёгкая жизнь, тревожная любовь к России, нежное отношение к природе. И, конечно, культ великой русской литературы! Как созвучны их щемяще - печальные стихи о матери! И у обоих светлая память о детских домах. У Николая Рубцова – деревня Никола на Вологодчине:

*«До слез теперь
Любимые места!
И там, в глуши,
Под крышею детдома
Для нас звучало,
Как-то незнакомо,
Нас оскорбляло
Слово «сирота».*

У Никона Сочихина – Усть-Чижапка в Томской области:

*«Я теперь вспоминаю всё чаще
Наш, стоящий на взгорке, детдом.
Вспоминаю не слёзно-скорбяще,
А светло, как о доме родном».*

Конечно, сравнивать поэзию Рубцова и Сочихина нельзя, да и невозможно. Это просто наша классическая русская лирика, без засилья модных заморочек и метафор, когда чтение стихов похоже на разгадывание кроссвордов. Это как писал А. Твардовский: *«Вот стихи, а всё понятно. Всё на русском языке!»* Стихи, которые волнуют душу!

Интересно, что первой книжкой стихов Николая Рубцова и у Сочихина, и у меня был сборник «Подорожники». Мы часто встречались с Никоном Васильевичем на разных мероприятиях, нередко у меня дома, много разговаривали. Оказалось, что он в том же году, когда мы познакомились, в 1995, ездил в Москву утрясать дела с изданием своей книжки «Неувядаемый цветок», и в свободное время, вдохновлённый поэзией Николая Рубцова, съездил в Вологду, побывал там на рубцовских местах и на могиле поэта. В 1998 году меня пригласили в Вологду на открытие памятника Николаю Рубцову. И, конечно, мы поехали в конце июня вместе с Никоном Васильевичем и знакомой нашей Галей Орешко. Впечатлений от тех четырёх дней пребывания в Вологде было много. Сразу после приезда в Сургут Никон написал новое стихотворение, посвящённое Рубцову.

*Памятник воздвигнули над Вологдой,
Где напротив комбинат с трубой,
Не тузу народному, как водится,
А такому – вроде нас с тобой.*

*Вот он встал под небо морозящее
Со своей балеткой, в пальтеце.
Но фигура – ангельски скорбящая.
Но улыбка – тихая в лице.*

*Небо то польёт. А то разведрится.
То пять возьмётся моросить.
Он стоит и даже как-то светится,
Что невольно хочется спросить:*

*Кто таков? За что он уважаем,
Тут инициалов даже нет?
Вам ответят: Коля – вологжанин.
И добавят – Мировой Поэт!*

Что объединяет людей? Я думаю, что это виденье мира, понятие Родины, литературные пристрастия. Это всё есть у нас с Никоном Васильевичем. Но есть ещё и любовь к творчеству поэта Николая Рубцова, что для меня было всегда важным в наших отношениях. По-разному складываются людские судьбы. Бывает, что литературная российская известность иногда обходит стороной тех, кто достоин большего. И мне очень хочется, чтобы, читая эти строки, люди, любящие поэзию, обратили внимание на это имя – Никон Васильевич Сочихин, нашли бы его книги в библиотеках. Сборники поэта есть и в электронной версии, спасибо за это библиотекарям отдела краеведения Центральной библиотеки имени А.С. Пушкина. И я верю, даже знаю, что эти стихи затронут сердца.

Для читательского знакомства – Никон Васильевич Сочихин родился 18 сентября 1939 года в д. Коларово Томской области в семье сельского врача. Семья была многодетной. Отец будущего поэта помимо медицинского института Томского университета закончил и духовную семинарию. Он умер, когда Никон был совсем маленьким. Мать, боясь, что не прокормит детей, отдала его в детский дом села Усть-Чижалка. После окончания им четырёх классов мать забрала сына, и Никон закончил нормальную школу уже в Томске. В 1968 году защитил диплом в Тюменском индустриальном институте. И вся последующая его жизнь связана с нефтяными разведочными экспедициями Тюменского севера. Первое стихотворение опубликовал в 1962 году. Печатался в различных газетах и журналах. Автор более десяти сборников стихов и семи детских книжек. В 1996 году стал членом Союза писателей России. Лауреат премии губернатора Югры. Живёт в Сургуте.

Пантелеев Анатолий Викторович

Сургут. Сентябрь 2013 год.

Мне часто задают вопрос – почему я занимаюсь изучением жизни и творчества именно Николая Рубцова, а не другого какого-нибудь поэта, словно в середине шестидесятых годов прошлого века не было в России других значимых русских лириков. Конечно, были, отвечаю я, но Николай Рубцов всё же один из самых проникновенных и пронзительных из них. Часто на выбор в жизни влияет просто случай. И это правда, я об этом уже писал в одной из своих заметок. Так получилось и у меня. А главное – это любовь к чтению и книге с детства. Это даёт толчок всему.

1987 год, лето, белые ночи. Плохое настроение, какая-то тоска. Ночью не спится, дома один. Беру с полки наобум книгу, чтобы просто заполнить мозги, раскрываю и попадаю на стихотворение...

Бессонница

*Окно, светящееся чуть.
И редкий звук с ночного омута.
Вот есть возможность отдохнуть.
Но как пустынна эта комната!*

*Мне странно кажется, что я
Среди отжившего, минувшего,
Как бы в каюте корабля,
Бог весть когда и затонувшего,*

*Что не под этим ли окном,
Под запылённую картиною
Меня навек затянет сном,
Как будто илом или тиною.*

*За мыслью мысль - какой-то бред,
За тенью тень - воспоминания,
Реальный звук, реальный свет
С трудом доходят до сознания.*

*И так раздумаешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости - испуг,
А вместо отдыха - мучение...*

Прочитал и возникло волнительное ощущение, что с поэтом в момент написания им стихотворения происходило то же, что со мной в ту ночь – состояние беспричинной тоски и одиночества человека в пустой квартире. И даже картина, о которой упоминает поэт в стихотворении, тоже присутствовала в моей комнате на стене над диваном. Конечно, не «Грачи прилетели» А. Саврасова, какая была в квартире Рубцова, я это узнал потом, а другая, но

была. Я был поражён! Стал рассматривать книжку. Это был сборник стихов Николая Рубцова «Подорожники». К стыду своему, я не знал этого имени, но книжка всё же была в моей домашней библиотеке. Я даже помнил, где её приобрёл, в Челябинске. За ночь прочитал всю книгу. И... «заболел» лирикой поэта! В это же лето, так случилось, я поехал в отпуск в Питер к тётушке. Сын тёти Вали, мой двоюродный брат, Анатолий Викторович Пантелеев (я буду его называть в дальнейшем по-родственному – Толя, Анатолий), известный в литературном мире человек, член Союза писателей России, филолог, фотограф, служил и служит по сей день в Ленинградском университете, был по своей работе связан со многими выдающимися писателями России, снимал о них документальные фильмы. Как-то я рассказал ему о поэте Николае Рубцове, и о том, что хочу поискать какие-нибудь материалы о нём. Брат как-то странно посмотрел на меня. Ему, наверное, было непонятным, зачем это я, рабочий человек, токарь, интересуюсь поэзией. Я так думаю и по сей день. Потом Толя ушёл в свой кабинет, покопался там, достал какой-то альбом, кучу фотографий, какие-то документы и подал мне: «Смотри». Это были материалы, которые он и его команда собирали в Вологде о Николае Рубцове, готовя год тому назад в университете литературную конференцию, посвящённую 50-летию поэта. Это был сюрприз! Толя перед моим отъездом в Сургут подарил мне кое-что из этих материалов. Вот с этого и началось собирание рубцовского архива, что продолжается до сих пор. Со временем, поняв, что этим делом я занялся серьёзно, брат мне передал весь собранный им материал по Рубцову. Я всегда говорю, что Толя изменил мою жизнь. Он, конечно, не очень-то любит, когда я так утверждаю, но... Что есть, то есть. А после того, как я нашёл в Сургуте соратников по своей деятельности, мы стали организовывать поэтические вечера, различные встречи, показ фильмов на разных культурных площадках города. Был организован Рубцовский центр. Я об этом не раз писал в других заметках, которые вошли в эту книгу. Толя Пантелеев всячески

помогал мне с разными материалами: фотографиями, книгами, документами, фильмами. А также давал адреса разных литераторов. Я готовил книгу о Николае Рубцове, и мне очень нужны были воспоминания людей, знавших поэта. По полученным адресам я отсылал письма с просьбами ответить мне и рассказать что-нибудь о Рубцове. Книга вышла, получила хорошие оценки специалистов. Без помощи брата я бы не смог набрать материала для книжки. Анатолий несколько раз приезжал в Сургут, познакомился со всеми моими друзьями, с библиотекарями и с музейщиками. Именно брат уговорил писателя Валентина Григорьевича Распутина посетить в 2004 году наш город, а потом, в 2013 году и критика Валентина Яковлевича Курбатова. И приезжал вместе с ними. Я в этом сборнике упоминаю об этих встречах. Описать всё то, что Толя подарил мне для моего литературного архива, невозможно. Но я бы среди множества документов выделил один. Это высказывание выдающегося русского композитора Валерия Александровича Гаврилина о поэте Николае Рубцове. Настоящий автограф композитора, реликвия! Документ этот хранится сейчас в библиотеке имени Николая Рубцова в Сургуте. Вот текст.

«Творчество Н. Рубцова я понял не сразу. Только года через два после его гибели. Я думаю, это от того, что его духовный, душевный мир был гораздо богаче, ярче и сильнее, чем мой. С годами мой жизненный опыт привёл меня к Рубцову – и теперь в современной русской поэзии нет поэта более для меня дорогого, чем Рубцов. Я учусь у него, много перенимаю и верю во всё, что он пишет, даже если сам я этого не испытал. Он стал для меня школой, одним из учебников духовного опыта. Теперь я очень страдаю от того, что не могу найти музыкального ключа к раскрытию тайн его поэзии в музыке. Дважды брался – всё с очень плохим результатом. Мечтаю написать истинную Рубцовскую музыку – надежда на то, что однажды это у меня получится, помогает мне жить и трудиться, и лучше, старательнее сочинять и всю остальную музыку».

Написано красивым, ровным почерком. Меня всегда поражал почерк людей, учившихся в школе в те послевоенные года. И у Рубцова тоже почерк был каллиграфическим. И это дети детского дома! И В. Гаврилин и Н. Рубцов воспитывались в детских домах Вологодчины. Похожие судьбы двух выдающихся людей русской культуры! Известно ещё, что Валерий Александрович всё же написал музыку к стихам поэта. Вот отрывок из рассказа писателя Н.М. Коняева «Рубцовский вальс». *«И ещё он сыграл новый «Рубцовский вальс» - вспоминает А.А. Белинский (режиссёр, сценарист). – Ни я, ни Наталья Евгеньевна (жена композитора) не записали его на магнитофон. Он унёс и этот волшебный вальс, и много другой чудесной музыки туда в духовное бессмертие. Он ничего не записывал на ноты, пока сочинение не было готово полностью. Он всё держал в своей, поистине гениальной, головушке». О том, каким был «Рубцовский вальс», о том, какой должна была бы стать «Рубцовская тетрадь», можно догадываться лишь по немногим сохранившимся записям Валерия Александровича. Вдова композитора, Наталья Евгеньевна, рассказывала мне, что он хотел этот вокальный цикл делать с вологодскими исполнителями, что даже велись уже переговоры с вологодской капеллой». Жаль, что нет записи этой музыки, очень жаль. А вот музыка, написанная на стихи Николая Рубцова великим композитором Георгием Васильевичем Свиридовым, сохранилась. Есть даже запись исполнения им самим песни на рубцовское стихотворение «Привет, Россия! Родина моя!». В интересной книге-дневнике Г. Свиридова «Музыка как судьба» есть немало высказываний автора о Н. Рубцове. А в сборнике Н. Рубцова «Стихотворения», изданном в Архангельске в 1985 году и хранящемся в библиотеке Свиридова, на титульном листе книги есть надпись, оставленная рукой композитора: «Эту поэзию нам надо свято хранить! Могут сказать: Рубцов – не Пушкин, не Блок...Неважно! Какой он есть – он единственный. Другого нет!». Анатолий Пантелеев был знаком с обоими знаменитыми*

композиторами, много фотографировал, снимал о них документальные фильмы.

В 2010 году в Иркутске был издан уникальный «Русский альбом. Литература, культура, общественная жизнь России конца 20 – начала 21 века», куда вошли фотографии Анатолия Пантелеева, сделанные за полвека его служения. Критик В. Курбатов в статье «Хронограф» сказал о том, что в «Русском альбоме» представлены – *«Россия, человечество ее гениев, талантов, просто умных людей, которые держали достоинство России в пору общего падения, именуемого временем «перестройки и реформ», и держат сейчас – в пору лени и общей усталости, изобретательно названной «стабилизацией». «Философы, писатели, экономисты, художники, политики, поэты, музыканты, священники – ушедшие и живые, они сходятся здесь, как никогда все сразу не сходились в реальности, чтобы напомнить нам, что мы за нация, ободрить усталое сердце сознанием еще не растроченной жизни и возвысить дух. Это подлинно строевой лес культуры – ее могучие корни и могучая крона»*. В альбоме рядом соседствуют В. Шукшин и Н. Рубцов, В. Распутин и В. Крупин, Ф. Абрамов и В. Белов, Ю. Кузнецов и Г. Горбовский, В. Гаврилин и Г. Свиридов, С. Бондарчук и Г. Жженов, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн – всего 199 подвижников земли русской. В 2015 году за этот альбом Анатолий был награждён Всероссийской православной литературной премией имени святого благоверного князя Александра Невского. И по сей день мы на связи с братом, по сей день Толя помогает мне различными литературными материалами, и хочет вновь побывать в Сургуте.

Дворяшин Юрий Александрович

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
(С. Лагерев, Ю.А. Дворяшин и Н.А. Дворяшина). 2002 г.

Я приехал в Сургут в 1983 году и сразу устроился работать по своей основной специальности токарем в ПРП «Тюменьэнерго», и проработал там до выхода на пенсию двадцать лет. До 1995 года жил в посёлке Кедровый, а потом получил квартиру в городе. И до переезда никого из литературной общественности Сургута не знал. Хотя сам уже давно занимался исследованием жизни и творчества поэта Николая Рубцова. Собирал книжную коллекцию, различные документы, автографы. Но, к сожалению, у меня тогда не было друзей и соратников по моим занятиям для души. Всё изменилось после того, как я попал в больницу, где познакомился с очень интересным человеком, доктором Амангельды Малдыбаевым – коллекционером и библиофилом. Он, узнав о моём увлечении книгами, литературой, Рубцовым, после выхода из больницы познакомил меня с библиотечными работниками и сургутянами, которые разделяли

мои увлечения. Так я обрёл СВОИХ. Мы стали организовывать литературные вечера, и не только по поэзии Николая Рубцова. Проводили их в самых различных культурных помещениях. Стоить отметить, что большую помощь нам оказывал Департамент культуры города и лично тогдашний заместитель мэра Яков Семёнович Черняк, городская Центральная библиотека, впоследствии названная в честь А.С. Пушкина, а также директор Центральной библиотечной системы города Надежда Васильевна Жукова. Я знал, что в сургутском педагогическом университете есть факультет филологии, слышал от знакомых о преподавателе, докторе наук, профессоре Юрии Александровиче Дворяшине, но лично знаком с ним не был. Люди бывают разные, и некоторые, скажу честно, недоумевали – что вот, мол, рабочий, токарь и вдруг литература, поэзия Рубцова! Меня это иногда задевало, и мне очень хотелось услышать от такого профессионального человека в мире литературы, как Ю.А. Дворяшин, мнение о моём увлечении Рубцовым. Мы познакомились в 1999 году в ДК «Энергетик» на вечере, посвящённом 200 - летнему юбилею А.С. Пушкина. Нас свёл Анатолий Прохорович Зубарев, руководитель городской организации Союза журналистов России. К большой моей радости, Юрий Александрович тоже любил поэзию Николая Рубцова. Так началась наша, могу с уверенностью сказать, дружба, и не только с профессором, но и с его замечательной женой, тоже филологом Ниной Алексеевной, с преподавателем университета Николаем Ганущаком, со студентами. В январе 2001 года в городе решили провести юбилейные Рубцовские чтения, о которых я уже упоминал в других заметках, и издать книжку «Венок Рубцову». Меня попросили собрать материал для книги. И мы с Серёжей Сорокиным, руководителем Рубцовского центра Санкт-Петербурга сделали это. Помогла также библиотека. Предисловие написал Юрий Александрович Дворяшин.

ЧУДО ТИХОГО СЛОВА

Вопреки юбилейной дате трудно представить Николая Рубцова шестидесятипятымлетним. В восприятии отечественного читателя он остался – не только обстоятельствами жизни, но и трепетным дыханием творчества, - в том мгновении поэтического взлёта, которое было предопределено судьбой. Впрочем, таков, видимо, удел большого поэта, ибо истинная лирика – это всегда дело душевной и творческой молодости. Уйдя за грань земного бытия, Н. Рубцов своей милозвучной поэзией остался в народном сознании человеком порывистым, импульсивным, исполненным чувства проникновенной и тревожной любви к России. Не сегодня замечено, что истинный поэт есть явление пророческое, ибо ему дарована способность ощущения сокровенных движений жизни. Н. Рубцов – в ряду таких поэтов потому, что вряд ли кому другому из по-своему блестящей плеяды лириков 60 – ых годов было суждено с такой точностью, с такой сердечной болью и надрывом передать предчувствие не столь отдалённо грядущих потрясений, которые вновь выпадут на долю его народа.

Некогда М. Горький пронциательно высказался об одном из крупнейших поэтов своей эпохи, о С. Есенине, что он «не столько человек, сколько орган, созданный природой для выражения неисчерпаемой «печали полей». Нечто подобное можно сказать и о Н. Рубцове, который, кажется, был создан природой для выражения души русского человека, тщетно жаждущего «миротворного» покоя для себя и своей Родины. Не случайно в его поэзии так пронзительно запечатлелось чувство горечи от грядущей утраты чего-то самого родного и близкого, того, что составляет сокровенную суть духовных устремлений соотечественника – целостности бытия, единства человека и мира. Даже в самые благословенные, исполненные душевного лада, мгновения, «в минуты музыки», поэт не покидает

ощущение грядущего разлома, который, однако, его не страшит, но с достоинством принимается:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Однажды Ф. Тютчев, один из наиболее почитаемых Н. Рубцовым предшественников, произнёс афористически: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся». Вероятно, смысл этой суровой сентенции имеет отношение ко всем. Ко всем, кроме истинного поэта. Читая Н. Рубцова, трудно отрешиться от ощущения, что он-то знал, как и где его слово будет услышано. И чрезвычайно дорожил дарованной ему честью:

*Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом ещё на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком –
И буду жить в своём народе!*

Предлагаемый вниманию читателя сборник – свидетельство раскатившегося по всей земле Русской всенародного отклика на тихое, сокровенное слово Николая Рубцова».

После того, как был организован фонд «Словесность», руководителем которого стал Дворяшин, литературные вечера, в том числе и Рубцовские, стали проводиться на более высоком уровне, с привлечением культурной общественности города, литераторов и студентов университета. В январе 2006 года Юрий Александрович, я и Николай Ганущак были приглашены Вологодским комитетом культуры в Москву на празднование 70 –

летнего юбилея Николая Рубцова. Памятный вечер проходил в музее А.С. Пушкина. Было много интересных встреч и знакомств, ведь там тогда собралась вся литературная Россия. О Рубцовском центре, который стал одним из составляющих фонда, узнали во многих городах страны. Издавались книги, буклеты, в Сургут приглашались различные литераторы – культурная жизнь города была живой и интересной. К сожалению, потом стало не так. Юрий Александрович и Нина Алексеевна уехали в Москву, и литературная жизнь города поухля. И я ещё раз убедился, как много зависит от одного человека, который является катализатором дела. Сейчас мы видимся редко, только тогда, когда они приезжают по приглашению в Сургут на какие-либо литературные мероприятия, чаще всего перезваниваемся или переписываемся по интернету. Дворяшины всегда в курсе всего, что делаю я в Сургуте: о литературном клубе «Имена», о Рубцовском зале в библиотеке имени поэта, о моих статьях в газетах и о моих связях с писателями. Я дорожу этой дружбой!

Рачков Николай Борисович

Сургут. Центральная библиотека им. А. С. Пушкина.
С Н.Б. Рачковым. 2016 г.

В сентябре 2006 года в Сургуте проходили Дни российской литературы. Давно город не видел такого количества известных поэтов и прозаиков. Во главе с главным редактором журнала «Наш современник» Ст. Куняевым приехали те, кто когда-либо печатался в этом издании: В. Личутин, Г. Иванов, А. Казинцев, Г. Попов, А. Кердан, Н. Денисов, В. Шемшученко, Н. Рачков, Т. Брыксина, Н. Лугинов, М. Вагатова и другие. Настоящий литературный десант. Такого не было со времён СССР, когда такие декады проводились постоянно. Встречи с читателями проходили на многих культурных площадках города. На многих я успел побывать, поучаствовать. Перед отъездом гостей был прощальный фуршет, стоит добавить, богатый. Проводился он в здании «ПРП «Тюменьэнерго». Присутствовал и Глава города Александр Леонидович Сидоров. И там, в свободной обстановке, я как-то сблизился с поэтом Николаем Рачковым. Он от кого-то узнал про

Рубцовский центр, спрашивал меня про наши дела. Говорил о своей любви к творчеству поэта Николая Рубцова. Я уже готовил свою книгу «Поэту посвящается» и попросил его прислать своё стихотворение о поэте. Через некоторое время получил по почте от Николая Борисовича книгу, в которой было стихотворение, посвящённое Рубцову. И я внёс его в свой сборник.

*Не поднесёшь к глазам ладонь:
Кто нынче в гости?
Не прозвенит твоя гармонь
На сём погосте.*

*Лежишь на кладбище глухом,
Где так уныло.
Среди двух сосенок твой дом,
Твоя могила.*

*Кресты, кресты, кресты окрест
В сплошном порядке.
И мраморный тяжёлый крест
В твоей оградке.*

*Мы замерли, понутив взгляд,
Немой толпою.
И словно каждый виноват
Перед тобою.*

*Кого ведёт полей звезда,
Таких немного.
И участь нелегка, когда
Талант от Бога.*

*Познал, Отчизну возлюбя,
Ты в сердце муку...*

*«Россия, Русь! Храни себя...» -
От сына к внуку.*

*Нас победить ни боль, ни грусть
Уже не в силах!..
Вот на каких святая Русь
Стоит могилах.*

Когда наша книжка вышла, я отправил её Рачкову вместе с книгой стихов Дмитрия Мизгулина. Вскоре пришёл ответ: *«Сергей! Какое огромное спасибо тебе за книги, которые ты прислал! Книга о Рубцове просто превосходна, она достойна памяти о нём, являясь как бы продолжением сборника «Воспоминания о Рубцове», который был выпущен в 1983 году в Архангельске, и куда вошли и письма, и воспоминания, и стихи друзей поэта. Ты проделал большую работу, но это от большой любви к большому поэту, иначе бы не получилось так основательно и художественно весомо. И здорово ты это придумал – высказывания о нём ярких личностей в нашей культуре. Такой сборник явится хорошим подспорьем в школах, в институтах, где изучается творчество Рубцова, да и просто любителям поэзии, им ведь тоже интересно знать, как относились или относятся к поэту Распутин или Свиридов, Белов или Селезнёв и т.д. Стихи о Рубцове, конечно же, разные по художественным достоинствам, но одно достоинство неоспоримо – все они идут от сердца, от понимания, какого поэта мы потеряли. Многие, многие скажут тебе спасибо за эту книгу! Так что прими и мой поклон тебе за свой труд, за любовь к Рубцову, а значит, и ко всей русской поэзии. Хороша книга Димы Мизгулина вкупе с блестящим фотографом Аркадием Елфимовым. Стихи подобраны в альбом достойные, да что говорить, такую книгу может позволить себе издать только банкир. Редкое издание. И слава Богу, что хоть не графоман какой явил миру такую роскошь, а настоящий поэт. Я его поздравляю.*

При случае, если увидишь, передай ему привет от меня. Такая книга – чудесный подарок людям. Всё лето был на даче под Сестрорецком с малыми внуками. Писал мало, но книга новая вроде бы потихоньку рождается, точнее – стихи складываются. Я всё больше к старости недоволен собой, а потому прячу написанное в долгий ящик, иногда возвращаюсь к ним, что-то переделываю. Ведь не все стихи – стихи, и в этом-то вся тайна, Сергей. Удачи тебе, здоровья и счастья! Обнимаю. Н. Рачков. 20.09.07».

С этого времени и началась наша переписка, разговоры по телефону, рискну сказать, дружба. Николай Борисович присылал свои новые книги. У меня хранятся более десяти его писем. Уже давно мы просто ведём только телефонные разговоры, эпистолярный жанр как-то ушёл в прошлое, у поэта нет компьютера. Как он говорит: «Живу в прошлом веке». Все эти годы я упрашивал его опять посетить Сургут. Передавал пожелания учителей и студентов Сургутского политехнического колледжа о том, что они хорошо знают его стихи, что используют их в своём проекте «Тир ратных поля России» и с радостью его примут. Но Рачков всё отделялся какими-то делами. Ещё я знаю сам – с годами становится всё труднее заставить себя собраться в дальнюю дорогу.

В марте 2004 года наш город посетил выдающийся писатель, классик русской литературы Валентин Григорьевич Распутин. Потом мне Николай Рачков по телефону говорил, что при встрече в Москве на некоем литературном форуме Распутин говорил ему и писателю Владимиру Крупину, чтобы они обязательно съездили в Сургут. Что там и есть настоящая Россия. Вскоре писатель Владимир Николаевич Крупин побывал у нас, а в феврале 2016 года решил приехать и поэт Николай Рачков. И он не пожалел об этом. По сей день Николай Борисович с теплотой вспоминает Сургут, встречи со студентами, особенно в политехническом колледже, нашу Центральную библиотеку, общение с людьми. После отъезда он прислал мне большое письмо

об этом. Привожу отрывочек: *«А ещё Сургут – город настоящей творческой интеллигенции, которая достойно держит свою духовную марку. Я был в восторге от Центральной библиотеки имени А. С. Пушкина – одной из самых великолепных в стране, и богатых по наполненности художественных и научных книг, от той духовной просветительской работы, которую ведут её специалисты. Я встречался с учениками и студентами города и был покорён не только их тягой к обширным знаниям русской классической и современной отечественной литературы, но и высокой приподнятостью, нравственным и патриотическим отношением к жизни, к Родине, к судьбе мира в целом».*

Перед тем, как составить и подготовить к печати книгу «Светлая печаль» со всем перечнем авторов, о которых я хотел рассказать, с полным показом архивных документов и фотографий, я издал малым тиражом в местной частной типографии книжку с этим же названием в половину всех материалов. И разослал это пробное издание по некоторым адресам тех людей, о которых пишу только для того, чтобы узнать, как они отреагируют на её содержание. Николай Рачков, мы давно уже перешли на «ты», в ответ прислал мне вот такое письмо.

«Сергей, дорогой! Получил твою «Светлую печаль» о Николае Рубцове, самом народном, задушевном, любимом лирическом поэте второй половины XX века. Это так важно: сохранить отзывы и впечатления о нём тех, кто дружил, кто общался, кто высоко ценил, кто просто попал под влияние его непревзойдённой поэзии, как тот же Жириновский. Неожиданный, надо сказать, документ. Встречи твои и переписки с Горбовским, Беловым (какой хороший стих выдал!), Куняевым, Груздевой, Распутиным, Потаниным, Шишаевым, Курбатовым, Лобановым и другими выдающимися деятелями нашей культуры уже не канут в вечность, вот они! Да и признания, высказывания Ганичева, Пулатова, Смирнова, М. Ульянова, Семичева как веско, как интересно дополняют облик

нашего русского поэта, заставляют глубже понять его нелёгкий и жизненный, и творческий путь. Стихи той же Груздевой, Куняева, Боброва и других о нём впечатляют. И к месту в книжке копии документов, чего стоит только письмо матери Василия Белова! Ведь всё это, Сергей, могло кануть в небытие, а вот ты сумел найти, сохранить для потомков бесценные эти материалы. Спасибо тебе огромное! Спасибо, что и меня не забыл упомянуть в своей замечательной книжице. Одна печаль: маленький тираж. Ну, как говорят в народе: «Мал золотник, да дорог». Обнимаю! Дальнейших успехов тебе, дальнейших находок и открытий. Добавлю: что наша литература, особенно поэзия, без таких подвижников, как ты! Да процветает музей Н. Рубцова в Сургуте!

Твой Н. Рачков

12.06.2021 г.»

Было приятно услышать добрые слова о своей работе, особенно от крупнейшего русского поэта, каким по праву является Николай Рачков. Такие отзывы очень нужны, чтобы утвердиться в нужности того, чем занимаешься. А совсем недавно он прислал мне свой новый сборник «*За нашу и веру, и славу*», где разместил стихотворение о нашем городе, да ещё и с посвящением мне. Как-то непривычно, но... приятно.

Сургут

Сергею Лагереву

*Его народ пытлив и молод,
В нём и отвага, и задор.
Стоит форпостом этот город
Над Обью, радуя простор.
В нём столько воли, жажды жизни,
Он далеко, но не вовне.
Любовью дышит он к Отчизне,
И к старине, и к новине.*

*Студент вихрастый образцово,
Влюблённый в северную Русь,
Читает девушке Рубцова,
И не по книжке – наизусть.
Там верности и дружбы узы
Видней со школьного крыльца.
В Сургуте пушкинская муза
Пленяет юные сердца.
Он факелом победным в мире
Обогревает жизнь кругом.
Во глубине тайги, в Сибири
И русский дух, и русский дом.*

Мы не забываем друг друга. Частенько перезваниваемся. Николай присылает в Сургут свои новые книги. Хорошо, когда ещё есть друзья – товарищи, которым в любое время можно позвонить и поговорить с ними обо всём, что у тебя на душе, зная, что тебя выслушают и поймут. Жалко только, что их осталось единицы.

Карташёва Нина Васильевна

Сургут, п. Белый Яр. 2002 год.

Нулевые годы были нелёгкими для нашей страны, но люди верили в лучшее, жили надеждами. И, как это ни странно, именно тогда в нашем городе кипела культурная жизнь. В Сургут приезжали известные писатели, музыканты, привозили свои спектакли театры. Гости города потом говорили, что только в провинции они чувствуют, что страна жива, что люди соскучились по прекрасному. В городе проводилось большое количество различных культурных мероприятий. В те годы в Сургуте была создана организация «Православный просветительский центр «Кирилл и Мефодий», которая приглашала в наш город известных православных писателей, священников, теологов. Помню, что как-то Евгения Ивановна Нестёркина, известный сургутский педагог, одна из основательниц общества, рассказала мне, что они пригласили к празднику Дня славянской письменности и культуры поэтессу из Москвы Нину Карташёву. Я это имя слышал от руководителя Рубцовского центра города Москвы Майи

Андреевны Полётовой. Она мне рассказывала о Карташёвой как о талантливом авторе, человеке, который организует вечера памяти Николая Рубцова в Международном православном центре. Но, к своему стыду, творчества этой поэтессы я не знал. Евгения Ивановна дала мне для ознакомления почитать небольшой сборничек Карташёвой «Чистый образ». С обложки на меня смотрела красивая, нежная молодая женщина. Прочитал первое стихотворение из книжки с посвящением Валентину Распутину и был поражён несоответствием фотографии с обложки и стихами. Сила поэтического слова была такова, что мне вдруг вспомнились неистовые речи Аввакума и привиделась картина В. Сурикова «Боярыня Морозова». Поэтесса яростно призывала встать на защиту Родины перед бесовщиной, накрывшей нашу страну в 90-е годы. Такие сильные и страстные стихи могла писать только настоящая воительница в православном русском стане.

*С распятьем древним, родовым в деснице
Благословлю, как мать и как сестра, –
Последний бой, покой уже не снится.
Мужжи и братья, сыновья! Пора.
Пусть ваши светлые и праведные лики
Ни страх, ни стыд, ни скорбь не омрачит, -
Да будет день во всех веках великий,
Да будет вера – меч, да будет правда – щит.
Не отступлю в любви я и в молитве.
Господь! Мы достояние Твое,
Победу даруй правым в страшной битве.
Жизнь кончилась – настало житие.*

Я сразу понял, что это мой автор! У меня не было тогда компьютера, и я обратился в библиотеку, чтобы найти что-нибудь о Нине Карташёвой. Никаких книг не было (да и сейчас, к сожалению, нет), нашёл только её первую публикацию в журнале «Наш современник» в № 9 за 1990 год. С волнением ждал её

приезда в Сургут в конце мая 2002 года. Поэтесса приехала, мы познакомились, я сопровождал Нину Васильевну на всех мероприятиях в школах, колледже, педагогическом институте, воскресной школе, и везде она «заряжала» своими стихами весь зал. Такого яркого художественного чтения я не слышал ни от кого. Недаром Нина Васильевна была награждена литературно-театральной премией имени Виктора Розова «Хрустальная роза». Было много разговоров о разном: о России, о вере, о поэзии. Говорили и о творчестве Николая Рубцова. И вот как она высказала своё мнение о поэте в надписи к своей книге «Порфира и виссон», подаренной мне тогда: *«Ревнителю Николая Рубцова – поэта от Бога – маленькая поэтесса. Н. Карташѣва. Сургут 26.05.2002 г.»* В последующие годы мы поддерживали связь письмами и телефонными звонками, но потом наше общение по разным причинам прервалось. И возобновилось только недавно. В начале прошлого года, просматривая информации в сетях о праздновании 85-летия Николая Рубцова, увидел анонс о проведении в помещении Русского Православного Общества в Москве большого литературного вечера-концерта, посвящённого юбилею поэта, и что ведущей будет Нина Карташѣва. С трудом, через разных лиц узнал новый номер телефона Нины Васильевны и позвонил. Так вновь началось наше общение. В своих заметках я стараюсь не описывать биографии тех, о ком пишу, так как сейчас всё можно найти в интернете. Главная моя задача – заинтересовать этим именем людей. Скажу коротко. Нина Васильевна Карташѣва – русская поэтесса, член Союза писателей России, автор восьми книг, изданных в России и Австралии, музыкант, автор и ведущая передачи «Чистый образ» на ТК «Союз» и Народном радио «Радонеж», член Правления международного фонда славянской письменности и культуры. Инициатор и ведущая Вечеров русской духовной культуры в Международном Славянском центре. Вот что пишет о ней известная поэтесса Марина Струкова: *«Нина Васильевна Карташѣва – последняя аристократка русской поэзии, аристократка не только по духу, но и по происхождению (её отец*

из рода князей Оболенских), что придаёт её стихам особое чувство ответственности за свой народ, свойственное истинной национальной элите».

В телефонном разговоре с Ниной Васильевной я рассказал ей, что готовлю дополненную версию книги о Рубцове «Светлая печаль», и попросил написать о поэте, чтобы ввести этот материал в сборник. Карташёва, к моей радости, прислала большое письмо, в котором были не только слова о творчестве Николая Рубцова, но и несколько её новых стихотворений. Хочу представить это письмо полностью, так как убрать из него ничего невозможно, оно цельно, правдиво и выстрадано.

Дорогой Сергей Алексеевич!

Прошу простить мне столь долгое «неответчание». Увы, жизнь – только держись! А держаться не за что, Держава сама шатается, и её не удерживают, а ещё более расшатывают. Житейски же я с болящим мужем едва нахожу силёнок не свалиться в пропасть бытия без бытия. Без быта же для меня небытие. Только молитва и творчество милуют меня и утешают. Слава Богу, что ещё есть красота природы: вот дышат и улыбаются разноцветные тюльпаны на столе. Есть красота искусства: слушаю сейчас симфонию Калининкова, самая русская и вечно юная музыка. Есть красота общения души; вот пишу Вам это письмо... Конечно, мир безжалостный и грубый, но тем драгоценнее эти золотые крупницы. Остаюсь вечно прирождённой идеалисткой, хотя надежды, что жизнь станет легче, уютнее и изящнее, абсолютно нет никакой! Красота беззащитна, как и сами идеалисты в расчётливой хищной среде... Таким ведь был и любимый Вами и мной Николай Рубцов. Меня всегда поражало, что детство его было таким бедным. Детдомовец, в захолустье, никаких утончённых уроков хорошего тона и воспитания ему не давали, не до того было. Но чуткая русская душа поэта улавливала, впитывала в себя уроки

Красоты и правды свыше, от Бога. Ведь и ученики Христа были простые, неграмотные рыбаки, да и наши русские святые не все княжеских и боярских родов были, и по сей день есть простецы. Сказано же в Писании «Дух, идеже хоцет, дышит». Именно так! Дух и в малом цветке, и в далёкой звезде. Рубцову не надо было учиться, звезда полей сама его учила. И о Поэзии он поэтому сказал, что «не она от нас зависит, а мы зависим от неё». Поэзия сама его избрала. О таких людях и Лермонтов когда-то написал: «... они не созданы для мира, и мир был создан не для них». Не от мира сего. От мира горнего, от мира нездешнего свет поэзии Рубцова. И воспел он то, что имеет печать Духа Божия: природа, Родина, печаль и нежность, красота. Народная любовь к поэзии Ник. Рубцова не благодаря критикам, радио, ТВ, а вопреки! Любовь подлинная. Вот я в своих концертах читаю разных поэтов, и вижу, какая реакция зрителей. Например, на стихи Вл. Набокова. Прекрасные стихи! Но это любованье, наслаждение образами, музыкой стиха, аудитория это воспринимает более умом, слухом. А стихи Рубцова, простые и ясные, но это уже не умом и слухом, а душой и духом. У Рубцова полное совпадение с единокровной народной душой. И жизнь его, судьба, как у простого народа, в бедности, сиротстве, в надрыве. Даже его нелепая смерть от руки женичины, вероятно, одержимой бесом, тоже была какая-то мистически неизбежная. Конечно, он не Пушкин, не Тютчев, не Есенин. Другое время. Он Рубцов, и в 60-70-е годы прошлого века он один так выплеснул русскую душу со всеми грехами и невзгодами, беззащитную русскую душу. Такую, какая была в нашем народе в его время. Поэт страдающий и скромный, как «тихая наша родина», и такой же родной.

Конечно, рядом с ним были прекрасные поэты и друзья Ст. Куняев, Ан. Передерев, в это же время творили и Ник. Тряпкин и Ю. Кузнецов. Все они большие поэты, но Рубцов навсегда, как тихая наша родина! И особенно теперь, в третьем тысячелетии,

когда «со всех сторон нагрянули они, иных времён татары и монголы». Уже среди нынешних поэтов не слышно такой чистой великорусской поэтической речи, как у Ник. Рубцова. И дети уже путают буквы латинского алфавита и русской азбуки. Мы сейчас живём в другом, оцифрованном мире. Но в Начале было Слово, а не цифра. Слово альфа и омега. Словом началось и Словом закончится. Нынешнее великое смешение языков и слов, букв и цифр губительно для поэзии. Спасёмся только тем, что будем читать стихи, слушать нашу чистую речь, почитать наши родовые традиции, великое искусство, культуру.

Россия, Русь! Куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы!

Если потеряем эту любовь, то не останется ни лесов, ни погостов...

Вот, дорогой Сергей Алексеевич, нового, наверное, я ничего не сказала, но я слишком Русская, и очень люблю всё наше, родное и Рубцова, и мне очень горько, что чуждебесие ныне заразило всех, даже современную русскую поэзию. Всё это, увы, политика, а о ней и писать не хочется. Народ ведь не против власти, это власть против народа.

Да не оставит нас Бог, Бог наша истинная власть и сила. Бог – Слово. Он Начало и Конец.

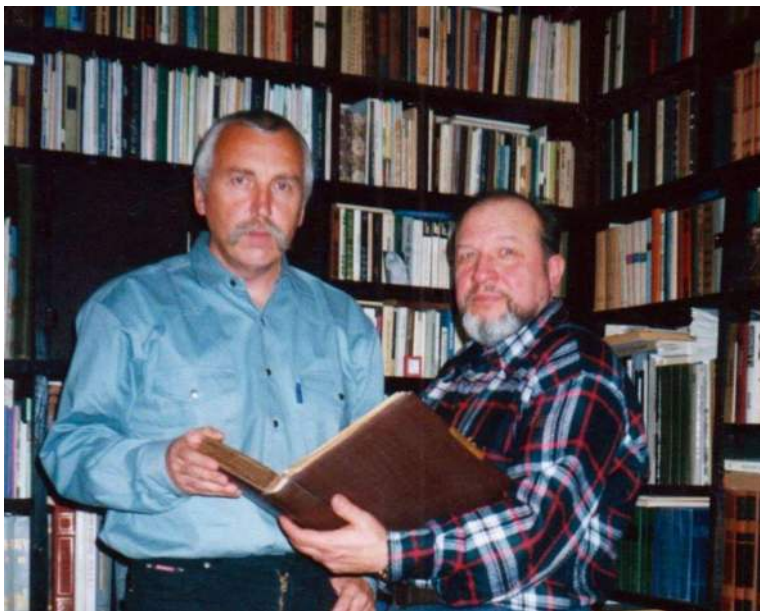
P.S. Как же непривычно стало, но очень приятно писать от руки на листочках из тетрадки в клеточку. Как в детстве. Как Рубцов. Простите за непрофессионализм. Я ведь не критик-критикесса, а поэтесса, поэтому примите ещё несколько моих смиренных стихов. Печатать это всё необязательно. Я не гонюсь за публикациями, даже наоборот избегаю. Достаточно того, что написано пером, того не вырубишь топором.

Здравия желаю. Милости Вам Божией и всех благ! Н. К.

В недавнем нашем телефонном разговоре Нина Васильевна с теплотой вспоминала свой приезд в Сургут и встречи с горожанами, как мы угощали её строганиной и малосольным муксуном, как подарили букет, составленный из кедровых лап, который она увезла с собой в Москву. И ещё напомнила о бронзовом подсвечнике, что я подарил ей. Я в то время ещё работал и вытачивал иногда для друзей оригинальные вещицы. А я, честно говоря, уже и забыл про это. Сказала, что подсвечник постоянно стоит возле иконы и что, зажигая в нём свечи, всегда вспоминает Сургут и меня. Было приятно.

Друзей ушедших вспоминая

Вологда. Юрий Малозёмов и Сергей Сорокин (Вакомин). 2001 г.

В 2015 и 2016 годах ушли из жизни два моих товарища и друга, много помогавших мне в собирании книжной коллекции и рубцовского архива, познакомивших меня с соратниками по всей России. Два самых духовно близких мне человека. Это Серёжа Сорокин (Вакомин) из Санкт-Петербурга и Юра Малозёмов из Вологды. Они продолжают жить в моей памяти.

Летом 1997 года я гостил у тётушки в Санкт-Петербурге. Мой двоюродный брат Анатолий, зная о моём увлечении творчеством поэта Николая Рубцова, рассказал мне о том, что в городе действует Рубцовский центр, и я загорелся желанием узнать что-нибудь об этом центре. Честно скажу, я не помню сейчас, кто мне дал телефон руководителя Рубцовского центра Санкт-Петербурга поэта Сергея Анатольевича Сорокина (литературный

псевдоним Вакомин), но я его нашёл и позвонил. Мы долго разговаривали, знакомились. К сожалению, увидеться тогда не пришлось, так как я уже на следующий день улетал домой в Сургут. Но связь наладилась, мы стали перезваниваться, посылать друг другу письма. Именно Сорокин пригласил меня летом 1998 года в Вологду на открытие памятника Рубцову. Там мы и встретились. На этом мероприятии Сергей познакомил меня со многими интересными людьми, с которыми я потом вёл многолетнюю переписку. Это Юра Малозёмов, Слава Белков, Майя Андреевна Полётова, Лена Рубцова и другие. Мы как-то сразу сблизились с Серёжей Сорокиным, подружились. Кроме увлечения творчеством Рубцова у нас было много общего и в биографиях. Он с Вологодчины и мой отец тоже. Мы были одногодками. Почти... Два года разницы ничего не значили. У него день рождения второго ноября, а у меня третьего. И самое главное – мы были «заводскими»: я – токарь на ГРЭС, он – сборщик корпусов на Балтийском заводе, а потом мастер в ПТУ. А это много значит в отношениях. Не надо было стараться «соответствовать». Мы понимали друг друга. Серёжа был добрым и отзывчивым мужиком, но своё мнение мог отстаивать иногда жёстко. И мне это нравилось!

После нашей встречи в Вологде между нами наладилось постоянное телефонное и почтовое общение. Мир компьютеров ещё не вошёл в повседневную жизнь, и мы писали друг другу письма. И это было хорошо! Всё наше эпистолярное наследство живёт сейчас в архивах. Посылали друг другу книги. В холодном январе 1999 года я снова прилетел в Санкт-Петербург. И, конечно, мы увиделись с Серёжей Сорокиным. Он уже подготовил для меня программу и, отложив все свои дела, ездил со мной по городу. Вот таким он был всегда с друзьями! Мы посетили по предварительной договорённости поэта Глеба Горбовского, встречались с Борисом Тайгиным, с писателем Николаем Коняевым. Я поучаствовал в заседании Рубцовского центра. И улетел домой, наполненный восторженными впечатлениями от поездки. Однажды Серёжа

Сорокин подарил мне свою маленькую книжку «Эпиграф из Рубцова», выпущенную в Питере в 1994 году тиражом всего 30 экземпляров. В заметке «Зависть» он с горечью писал: *«Вышел в свет сборник «Венок Высоцкому». Смотрю на его обложку и вспоминаю свои унижительные мытарства по издательствам, которым, в свою очередь, я предлагал рукопись «Венок Рубцову» (1985 – 1987 гг.), составленный мною из произведений известных поэтов и деятелей искусства, так и молодых наших современников, искренне откликнувшихся на трагическую гибель самобытного таланта. Тогда я наткнулся не только на холодную рассудительность хозяев-редакторов, но и на полное безразличие к личности поэта»*. А в конце этой заметки, обращаясь к тем людям, кто издал «Венок Высоцкому», с болью воскликнул: *«Как я им завидую!»*. В Сургуте я показал книжку «Эпиграф из Рубцова» руководителю Сургутской городской журналистской организации Анатолию Прохоровичу Зубареву, и он взял её почитать. Наверное, его душу тоже затронули слова Серёжи Сорокина и через какое-то время Прохорович, а он знал и любил поэзию Рубцова, неожиданно предложил к поэтическому вечеру, посвящённому 65 - летнему юбилею поэта, который мы уже до этого решили подготовить в январе 2001 года, издать свой «Венок Рубцову». Я, честно говоря, опешил. Поэтические Рубцовские вечера мы уже проводили в городе, но про издание книги я не задумывался. Анатолий Прохорович пообещал об этом поговорить с заместителем мэра города по культуре Яковом Семёновичем Черняком, и тот не только согласился, но и полностью поддержал идею проведения в январе 2001 года «Рубцовских вечеров» в Сургуте, а также издание книги. По сей день благодарен им за эту помощь! Я позвонил Серёже Сорокину и рассказал об этом решении, он сначала не поверил, переспрашивал несколько раз, а потом кричал что-то радостное в трубку. В этот же день он выслал мне весь собранный им материал по книге. И работа началась. Помогали изданию «Венка Рубцова» и библиотекари. В сборник также вошли и некоторые материалы, бывшие в моём архиве. К

празднованию юбилея поэта тираж был готов. Конечно, был приглашён в Сургут Серёжа Сорокин, а также гости из Москвы, Ханты-Мансийска, Салехарда. Из Тюмени приехал поэт Николай Денисов, учившийся вместе с Рубцовым в Литературном институте. Празднования проходили три дня на самых различных культурных площадках города. Думаю, что такого шикарного литературного праздника больше уже не будет никогда, наверное. Серёжа радовался как ребёнок и уехал в Питер довольный и успокоенный. Довольный великолепным настроением прошедших вечеров, а успокоенный тем, что его давняя мечта о выходе книги «Венок Рубцову» стала явью. После мы виделись ещё пару раз. Даже вместе побывали в Вологде. Нам было всегда легко общаться. У нас с Сергеем было одно виденье социальных проблем, понятия Родины, патриотизма. В литературе нас объединял Николай Рубцов. Хотя кое-какие разногласия были. Меня всегда удивляло то, что москвичи и питерцы очень любят в каких-нибудь биографических писательских непонятках видеть «карающую руку КГБ». Например, в жизни и трагедии Николая Рубцова просматривают действия «гэбистов». Этим грешил и Серёжа. Я категорично не принимал эти конспирологические версии. И его доброе отношение к Солженицыну не понимал. Ну, это так, мелочь. Об этом мы пару раз подискутировали и больше этой темы не касались.

В 2001 году у Серёжи случился инсульт. На какое-то время он выпал из общения, но выстоял. Потихоньку опять начал работать: писать публицистику, руководить Рубцовским центром, переписываться с большим количеством единомышленников по всей России. Только выезжать никуда не мог, родную Вологду больше уже не посещал. Говорил мне по телефону об этом. Это его мучило. Я и сам с годами стал домоседом, редко покидал город. Нас спасал телефон, почта, письма. Несмотря на недуг, Серёжа Сорокин жил полноценной творческой жизнью, писал стихи, издавал книги. В 2005 году была издана, наконец-то, главная его книга о поэте Николае Рубцове «Свет надежды или русский

талант». И он сразу же мне её прислал, подписав: *«Дорогому сургутянину Сергею Алексеевичу Лагереву с дружеским приветом и доброй надеждой на встречу от автора»*. За эту книгу Сергей Сорокин стал лауреатом Всероссийской литературной премии «Звезда полей» им. Н. Рубцова.

Мне и ему нравилось творчество Юрия Казакова, и мы последние лет десять заканчивали наши телефонные разговоры всегда одними и теми же словами, взятыми из высказывания этого замечательного русского писателя: *«Ну что? Давай хоть напоследок нравственно обнимемся!»* И мы обнимались, мысленно, по телефону. Он всегда любил жизнь, хотя она была не очень-то к нему благосклонна. 1 мая 2015 года Серёжи не стало. Осталось более десяти книг стихов и прозы, осталась добрая память. Молимся и помним тебя, друг!

*«Печальная Вологда дремлет
на тёмной печальной земле...»
Николай Рубцов*

*Пусть лёгкой сделается грусть
по уходящему покою...
Куда ни глянь – Россия, Русь
звенит рубцовскою строкою!
На древних улицах темно.
не ворохнётся ветер в листьях.
Судьбой мне, видно, суждено
с тобою, город, разлучиться.
Знакомо всё – и облака,
и крест,
что древний храм венчает,
и то, что Вологда река
суда на пристани качает...
В урочный час придут слова,
рассеют долгие сомненья,*

*и всё, чем Родина жива,
подступит к сердцу, как спасенье...
Услышу звон колоколов,
старинный звон Софии светлой –
над тайной каменных дворцов,
продутых временем и ветром...*

С. Сорокин (Вакомин)

***

Вологодчина для меня до определённого времени была только родиной моего отца – Велико-Устюжский район, село Пайкино. Моя бабушка Юля работала там на спичечной фабрике. Помню, в детстве мы, детвора, а нас в семье было четверо, частенько приставали к ней с вопросом: *«Бабуля, ну скажи, а что ты там со спичками делала?»* Она, смеясь, отмахивалась от нас: *«Что? Что? Надоели уж. Да спички серила!»*. Мы хохотали, и она с нами. Потом Вологда стала городом, где жил и был похоронен мой любимый поэт Николай Рубцов. А почти родной Вологда стала мне только тогда, когда я четыре раза побывал там и когда во всех путешествиях по улицам, церквям, кладбищам и монастырям древнего города рядом был Юрий Полиэктович Малозёмов, Юра. Он встречал меня на вокзале и вёл к своему деревянному старинному дому на улице Герцена, где жил. Это было удобно и совсем рядом с вокзалом. Стеснять большую его семью, а они с женой Олей растили трёх дочек, было неловко, и я потом обычно находил себе место в общежитии, располагавшемся в Сретенском храме на берегу реки Вологды. Но пару ночей всё же ночевал в знаменитом кабинете Юры. Чего там только не находилось! После выхода на пенсию (он работал в пожарной охране), Юра всецело занялся любимым делом – коллекционированием. Филателия и нумизматика, почтовые конверты, экслибрисы, пломбы, открытки и письма, собирание книг и автографов, краеведение - и это ещё не

полный список его увлечений. У меня хранятся подаренные им старинные нательные православные крестики и монеты, стрелы и каменные ножи древних людей, которые Юра находил, когда путешествовал с металлоискателем по заброшенным деревням и берегам рек Вологодчины. Он организовал собственную фирму «Евстолий», издавал книги, открывая новые имена и возвращая забытые. Альманахи «Вологодский коллекционер» и «Автограф», в котором публиковалось всё о Рубцове, тоже издавались Юрой. Много раз там печатался и я. Малозёмов был автором нескольких книг со своими интересными юморными рассказами. Вот попробовал объяснить, чем Юра занимался для души, и понял, что можно было бы ещё перечислять и перечислять. Уникальный был человек!

И, конечно, нас сдружил Николай Рубцов, к памяти которого Юра относился бережно и с любовью, собирая рубцовский архив. В моём собрании по творчеству Рубцова есть, и немало, различных материалов и документов, которые я приобрёл именно у Юры Малозёмова. Он познакомил меня с вологодскими писателями, с замечательными исполнителями песен на стихи Рубцова – Владимиром Громовым и Алексеем Шиловым, художником Джанной Тутунджан. Вместе с Юрой мы возлагали цветы на могилу Николая Рубцова, а также близких его друзей – поэтов Виктора Коротаева и Сергея Чухина. Вспоминали стихи воина, поэта Константина Батюшкова, стоя возле его захоронения в Спасо-Прилуцком монастыре. Бродили по тем местам в городе, где любил бывать Рубцов. Вспоминается наша поездка в знаменитое Ферапонтово. В то время Храм Возрождения Пресвятой Богородицы там был на реставрации, и экскурсии были запрещены. Но мне очень хотелось полюбоваться на знаменитые фрески Дионисия, и Юра помог. Оказалось, что Оля, его жена, родом из семьи знаменитых реставраторов Федышиных, а её брат как раз проводил там реставрацию фресок. Мы поехали на автобусе в Ферапонтово, нас пропустили в храм. Что сказать? Словами не объяснишь. Удивление и восторг! Гордость за наших

гениальных предков! Смотришь, не оторвёшься, как гипноз. И сразу понятно, что это от Бога! А когда мы вышли из храма, то долго любовались бесподобной окружающей нас природой, смотрели на синюю воду Бородаевского озера, говорили о том, как же умели наши пращурьы выбирать красивые места для святых строений. И оба вспомнили тогда знаменитое стихотворение Николая Рубцова, тоже, наверное, поражённого фресками Дионисия и райским величием этого места.

*В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезьы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До чертьы, небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...*

Я уже вёл заочную переписку с писателем В.И. Беловым, но лично встретится никак не получалось. Летом 2003 года Юра договорился по телефону с Василием Ивановичем, и мы побывали у него дома. Об этом я уже писал. Помню, как Юра вместе с вологодским писателем Робертом Балакшиным долго водили меня по Соборной горке, по Кремлёвскому саду, Софийскому Собору, возведённом по указу царя Ивана Грозного, и мемориальному музею Варлама Шаламова, подробно рассказывая обо всём

увиденном. Меня поражало то, как они хорошо знают и любят свой древний город. Недаром Народный художник России Джанна Тутуджан высказалась о Юре Малозёмове:

*«Когда бы всяк земляк, как ты,
Хранил красу родного Лица,
Была бы Русь теперь велика...»*

Особенно памятен тот момент, когда Юра привёл меня домой к Нинель Александровне Старичковой. Мы с ней были знакомы только заочно, переписывались. Зимой 2001 года я получил по почте книгу воспоминаний Нинель Александровны «Наедине с Рубцовым» с трогательным автографом: *«Сергею Алексеевичу Лагереву, почитателю творчества Николая Рубцова и просто человеку с открытой душой и чутким сердцем. Творческого Вам вдохновения и стихов! 12.03.2001 г. Вологда»*. И вот летом 2003 года я с Юрой Малозёмовым и коллекционером Юрием Кочиным в квартире Старичковой, где часто бывал и Николай Рубцов. Хозяйка и её муж фотограф Николай Александров приняли нас радушно и тепло. Мы принесли с собой торт и коробку конфет, пили чай, разговаривали. Она показывала мне вещи Рубцова, книги, автографы, фотографии, треснутую икону из квартиры поэта и репродукцию картины А. Саврасова «Грачи прилетели», что украшала скромный уют поэта. Помните: *«Что не под этим ли окном, / Под запылённую картину / Меня навек затаяет сном, / Как будто илом или тиною»*. Я мерил папаху поэта, она была мне сильно великовата, знаменитый шарф. Слушали голос Николая Рубцова, записанный на магнитофонной кассете. Было хорошо! Дружба наша продолжалась до самой кончины Юры Малозёмова в сентябре 2016 года. Впоследствии, вспоминая о нём, я задавал себе вопрос: вот зачем он столько своего времени тратил на общение со мной? Ведь у него было полно своих дел и забот? Тогда, после его ухода из жизни, в СМИ было опубликовано немало откликов людей, знавших Юру. Все

отмечали его доброту и искреннее желание помочь, особенно тем, кто был духовно близок ему, кто понимал и принимал его увлечения. Наверное, я тоже смог тогда войти в его дружеский круг. А круг этот нынче, к большому сожалению, всё сужается и сужается. Когда уходят в иной мир люди, близкие тебе по духу, по литературным интересам, люди, с которыми долгое время ты был знаком, общался, чувствовал родство, – сердце ощущает боль утраты, а в душе навсегда поселяется горькая печать вины: что не позвонил, не поддержал в нужный момент, о чём-то не спросил и не выслушал, в чём-то не помог! Прошу у них прощения...

Как быстро летят года! Настало, увы, время, когда не хочется открывать записную книжку с адресами и телефонными номерами людей, с которыми был знаком, с которыми был дружен. Начинаешь листать, и становится не по себе: напротив большей половины фамилий стоят крестики. Надо бы завести новую записную книжку, но и расстаться с этой невозможно. И остро понимаешь, что и твоя дорога тоже идёт под гору. Но... жизнь продолжается!

Сборник стихов Николая Рубцова на немецком языке

В 2004 году в Германии вышла книга стихов Николая Рубцова на немецком и русском языках «Komm, Erde» (Зов земли). Через год в Москве в одной из библиотек столицы, где стараниями известной в литературном мире подвижницы Майи Андреевны Полётовой был создан музей поэта Николая Рубцова, прошла презентация этой книги. Стихи Рубцова были переведены с русского языка немецкими литераторами Раймондом Дитрихом и Хармутом Лёффелем. Хочу рассказать историю появления этой книги. Старший научный сотрудник Института мировой литературы, кандидат филологических наук, специалист по немецкой литературе XX века Тамара Викторовна Кудрявцева в ходе работы над очередной монографией на тему «Основные тенденции развития немецкой поэзии после 1989 года» задумала создать современную её антологию. С этой идеей она обратилась к немецким поэтам. Откликнулся поэт, учёный, музыковед Раймонд Дитрих, который сделал ей встречное предложение – осуществить антологию современной русской поэзии. И Тамара Викторовна согласилась, решив начать с поэзии Николая Рубцова, считая его признанным народным поэтом. Тамара Викторовна для пробы послала Дитриху стихотворение Рубцова «Букет». Присланный им перевод, выполненный метрическим стихом, оказался очень удачным. Со временем к этой работе был привлечён другой немецкий поэт Хармут Лёффель. Учитывая, что в Германии, да и во всей Европе, классическое построение стиха давно отсутствует, пишут всё больше верлибром (даже стихи Сергея Есенина были переведены на немецкий способом верлибра). Составители и редактор постарались максимально приблизиться к оригиналу, передать форму и содержание поэзии Николая Рубцова, сохраняя по возможности её метрику, ритмику, рифму, звукопись. И это получилось! Так родилась замечательная книга.

Я ещё не знал истории появления этого издания, о чём рассказал выше, но то, что подобная книга вышла, слышал. Звонил руководителю Рубцовского центра в Москве Майе Андреевне Полётовой, но она сказала, что привезли на презентацию только с десяток книг и всё, и что будет с тиражом в Германии, она не представляет. Ей сказали, что книги там дорогие, и они сами не знают, как пойдёт реализация. Всё же немцы – люди практичные. Конечно, как любой собиратель, я был бы рад иметь эту книгу в своём Рубцовском архиве. Но не получалось. Однажды в разговоре с директором ЦБС города Надеждой Васильевной Жуковой сказал ей об этой книге. Прошло какое-то время, Надежда Васильевна, не забыв нашего разговора, пригласила меня к себе в кабинет и сказала, что на днях приезжает из Бонна Мирбах Ханс Бернд, директор крупной немецкой фирмы, которая участвовала в оснащении здания Центральной библиотеки. И предложила мне тоже поучаствовать в этой встрече. Я пришёл, познакомился с гостем и его переводчицей, попили кофе. В беседе Надежда Васильевна рассказала гостю о моём увлечении и о книге стихов Николая Рубцова, что вышла в Германии и которую невозможно достать в России. Ханс Мирбах что-то записал в блокнотик. Я, честно говоря, потом забыл об этой встрече. Через какое-то время Надежда Васильевна сказала, что вновь приехал Мирбах и привёз с собой книги, о которых мы говорили во время первой встречи. И немецкий гость вручил нам две книги, купленные им в Германии. Издание прилично сделано, в суперобложке, на хорошей бумаге. Мы сердечно благодарны Мирбаху за то, что он не забыл о разговоре в библиотеке Сургута. И, хотя у него, как у любого бизнесмена, всегда мало времени, нашёл в Германии место, где книжку продают, купил и привёз в Сургут. Не каждый человек так бы сделал, не каждый. Думаю, что это от большого уважения к Надежде Васильевне.

В жизни бывает всякое. Бывает так, о чём думаешь, исполняется. Что это? Случай? Французский писатель Жан Кокто писал на эту тему: «Случай – это обличье, которое принимает Бог,

чтобы остаться инкогнито». То есть во всех случаях есть божья воля. О чём это я? Просто случай – это подготовленная всем твоим служением какому-нибудь делу реализованная мечта. Как получилось с книгой из Германии.

Через несколько лет в письме к писателю Василию Ивановичу Белову я рассказал об этой книге. Он уже тогда был болен. Писем уже не писал. Я иногда звонил ему. Трубку брала жена Ольга Сергеевна, передавала ему мои слова. И вдруг неожиданно приходит бандероль с книжкой Белова, посланная, я так понял, супругой. А в книге маленький листок бумаги со странной надписью Василия Ивановича: *«Дорогой Серёжа Ответь мне, как вести себя с немцем. Если разрешишь, то я пошлю ему свои пьесы. В. Белов»*. Написано с ошибками, почерк неровный. Мне стало очень жалко писателя. Думаю, что он вспомнил мой рассказ о книге стихов Рубцова на немецком языке и подумал, что я хорошо знаю того человека, который привёз её из Германии. Я не ответил на это послание. Что я мог сказать? А записку эту я берегу.

В начале этой заметки я вспоминаю о Майе Андреевне Полётовой – создателе и руководителе Рубцовского центра в Москве в Центральной библиотеке Юго-Западного района, настоящей подвижнице. К большому сожалению, этого музея уже не существует. Помещение библиотеки было в аренде, и чиновники от культуры сделали всё, чтобы забрать это здание. Журналист Алексей Топоров писал: *«... Письмо в защиту музея на имя столичного градоначальника уже писал цвет русской интеллигенции, под ним стоят подписи Ганичева и Лоцица, Крутина и Проханова, Куняева и Личутина, и многих других. Рубцовские чтения проходили даже в стенах Госдумы, где о ситуации с музеем рассказывалось народным избранникам и сенаторам, лидерам политических фракций, но парадоксальным образом ничего не изменилось. Удивительная у нас страна – шубой барского плеча раздаются гражданства зарубежным лицедеям и вышедшим в тираж забугорным спортсменам, а*

память певца русской души остается в забвении. Как понять это? Разве Депардье и Сигал, Монсон и Джонс могут так чувствовать, и у них получится ТАК передать суть и величие Руси?».

А в Сургуте одной из библиотек присвоили имя поэта Николая Рубцова и открыли там Рубцовский зал. Пишу это как упрёк столичным чиновникам от культуры.

Рубцов. Москва. Виктор Иванович.

В январе 2001 года к 65-летию Николая Рубцова в Сургуте вышел сборник, посвящённый памяти поэта. И летом, поехав в Вологду, я взял с собой несколько десятков книг. Я уже бывал в этом городе, но захотелось снова походить по её тихим улицам, полюбоваться старинными храмами, насладиться исконно русским духом, что ещё чувствуется там, на Вологодчине, и попробовать понять, откуда же черпал вдохновение замечательный русский поэт Николай Рубцов. Лететь надо было через Москву. Самолёт в столицу прибыл в полдень. Было жарко и душно. Как всегда, прилетевших пассажиров начали осаждать шоферы – частники, предлагая свою помощь. Одному, слишком нагловатому, который хватался прямо за мою сумку, я резко ответил. Послал, короче. Он отстал, а я пошёл к стоянке маршрутных такси, чтобы уехать на Ярославский вокзал, откуда был поезд на Вологду. Встал в очередь. И тут меня тронули за плечо: «Можно вас?» Я обернулся. Это был молодой человек спортивного вида. Он пригласил меня отойти в сторону, я отошёл с ним, ничего не подозревая. И сразу к нам подошли ещё двое. Они оттеснили меня к какой-то будке и завели «интересный» разговор. Оказывается, я обидел их друга, который приставал ко мне в аэропорту, хватаясь за сумку. И за это мне придётся платить, ни много – ни мало, 200 долларов, (такса, что ли, такая была?). Сумма по тем временам приличная. От такого напора я опешил. Люди, с которыми я стоял на остановке, уже разъехались, милицию звать было смешно. Они меня не трогали, но держали в кольце и запугивали. Так продолжалось минут 20. В это время краем глаза я заметил, как из стоящего неподалёку джипа вышел мужчина в голубом спортивном костюме и направился к нам. Ему было лет 40, высокого роста, мощный такой. «В чём дело?» – спросил он. Парень ответил: «Иваныч! Вот послал Кольку на ... Пусть заплатит». Это был, наверное, их старшой. «Вы знаете, это Москва, – сказал он доброжелательно и даже с сочувствием, – жизнь такая пошла. Вам лучше заплатить.

Они не отстанут. Это же бандиты». Он прямо так и сказал. «А куда вы едете?» – вдруг спросил он. «В Вологду» – ответил я. Он как-то странно на меня посмотрел: «Живёте там или в гости?». Я, видя его заинтересованность, решил рассказать, что везу туда книжки о поэте Рубцове. Следующие слова меня просто поразили: «А в Тотьме памятник есть Рубцову». Увидев моё удивление, он заулыбался: «Я сам из тех мест. Устюжну знаете?» И вздохнул: «Давно дома не был». Тем троим он махнул рукой, и они ушли. А у нас пошла странная беседа. Он мне сказал, что его дочь учится на филолога и знает стихи Рубцова, даже писала какую-то работу по его творчеству, так как сама родилась на Вологодчине. Он откомендовался Виктором Ивановичем и попросил показать книжку. Я достал сборник из сумки и показал ему. И он, чего я никак не ожидал, попросил меня подписать её. Чтобы быстрее всё это закончилось, написал на книжке: «Виктору Ивановичу с пожеланием добра и удачи». Новый знакомый поблагодарил и предложил подвезти меня на Ярославский вокзал. «Нет, нет! Я сам!» – поспешил я с ответом. Увидев мой, если честно сказать, испуг, только улыбнулся и посоветовал быть осторожнее в дороге. Он знал, о чём говорил. И сказал, что если будут у меня опять проблемы в аэропорту, то могу найти его, назвав имя. Я уехал на Ярославский вокзал. С билетами проблем не было. Пока ехал, настроение было – слов не подобрать. Ругал я себя нещадно, что, предвкушая отдых, веду себя неосторожно, заговариваю с незнакомыми, что пожелал Виктору Ивановичу добра и удачи. В чём добра? В чём удачи? В делах его криминальных? Думал о несправедливости, о Боге, о судьбе. И представлял себе – вот два русских человека, земляка. Один – неброского вида, небольшого роста, лысоватый, – своими стихами прославил не только Вологду, но и всю Россию. Другой – красавец мужчина! Богатырь! И потрошит пассажиров в аэропорту. Не он, его свита, но всё равно. Странно, при этом знает о поэте Николае Рубцове. Вот и пойдя, разберись – в чём тут причина. И вопросы меня тревожили разные:

«Что происходит с нами, со страной, с душами нашими? Что нас ждёт в будущем?». Странно устроена жизнь!

На вокзале в Вологде меня встречали Слава Белков – писатель, критик, руководитель Рубцовского центра города и коллекционер, библиофил Юра Малозёмов. Я рассказал им об этой странной встрече. Они загорелись: «Слушай, напиши об этом!». Потом мы говорили о Викторе Ивановиче. Кто-то из них сказал, что не всё, значит, потеряно у него в душе, коль знает стихи Рубцова. Что дочку воспитывает в любви к русской литературе. Я подумал ещё, что он спортсмен бывший.

Потом, приезжая в Москву, я искал в аэропорту этого Виктора Ивановича. В первый раз сказали, что он отдыхает на юге. А во второй – посмотрели на меня и промолчали. Я подумал плохое! А жаль мужика!

Странные истории иногда случаются.

По следам миновавших времён

В моём литературном собрании есть немало интересных документов из жизни поэта Николая Рубцова. Эти эпистолярные атрибуты своей беспокойной судьбы – записки, письма, открытки, чистовики и черновики стихов, телеграммы – поэт не выбрасывал, а хранил в письменном столе. И, меняя место проживания, перевозил с собой весь свой архив. Дорожил этими бумагами. После случившейся с поэтом трагедии была создана комиссия по творческому наследию Рубцова, куда вошли писатели В. Белов, А. Романов и В. Коротаев. И документы, найденные в квартире поэта, которые комиссия посчитала не заслуживающим внимания, могли быть уничтоженными. Спасибо Нинель Александровне Старичковой, что она сохранила их. При наших встречах, а их было две, она иногда дарила мне некоторые экземпляры, иногда присылала по почте. Кое-что было приобретено у Юры Малозёмова, о котором я уже упоминал ранее. А также у Вячеслава Белкова.

Большинству истинных художников Слова можно не писать свои биографии. Вся их судьба, весь жизненный путь там, в написанных ими рассказах, повестях, стихотворениях. Открываешь сборник стихов Николая Рубцова, и от горьких строк: *«Мать умерла, отец ушёл на фронт» ...»* до трагических: *«Я умру в крещенские морозы...»* прослеживается вся нелёгкая, к сожалению, такая короткая жизнь поэта. Читаешь... и словно проходишь по «следам ушедшего времени». Но кроме стихов существуют и другие свидетели тех далёких лет. Это сохранившиеся документы: письма, фотографии, рецензии, телеграммы, записки. Погружение в такие бумаги очень интересно! Ведь каждый из документов, каждая бумажка, так или иначе связанная с именем того или иного человека, это страничка из его книги судьбы. Мне хочется поделиться этими свидетельствами непростой жизни поэта.

Начну с двух пожелтевших листков со стихотворением «В гостях». В углу первого листка есть карандашная запись «Снять. Б.И.» и расшифровка этой аббревиатуры, сделанная Юрой Малозёмовым, «Б.И. – Борис Иванович Соловьёв в шестидесятые годы был главным редактором издательства «Советский писатель. 91.». (Неточность: Б.И. Соловьёв с 1964 года – зам. гл. редактора изд-ва «Советский писатель». С.Л.) Это стихотворение было подготовлено Николаем Рубцовым для книжки «Звезда полей» в 1967 году, но Б.И. Соловьёв не дал добро на его печатание. Почему? Мне лично это неизвестно. На полях листков есть автограф и правки поэта, что очень интересно. Это стихотворение в полном объёме печаталось в сборнике «Волны и скалы», изданном Борисом Тайгиным в Ленинграде в 1962 году под названием «Поэт» с посвящением Глебу Горбовскому. Оно ему нравилось. Вот что он писал в своей книге «Остывшие следы»: «Об этом тайгинском сборнике ранних стихов Н. Рубцова пишут уже в официальных трудах, посвящённых творчеству замечательного стихотворца, который не раз бывал у меня на Пушкинской и даже посвятил тамошним дворам и квартирным трущобам одно из ярчайших своих (и редчайших) городских стихотворений, редчайших, потому что лирику Рубцова никак нельзя назвать городской, хотя и сугубо деревенской – тоже». В последний сборник «Зелёные цветы» (1971) подготовленный Рубцовым, стихотворение вошло с названием «В гостях» с некоторыми изменениями и без посвящения, по сравнению с тем, что было в сборнике «Волны и скалы».

Б.И. Борис Школов События в шестидесятые годы
Ряд главных персонажей удручен до... События шестидесятых
Т.И. Ш.

Сидит
Б.И.

Л. Рубин. А
40
✓

В ГОСТЯХ

Куда меня,
беднягу,
зашло?
Таких картин вы средь не видали!
Такие сны над вами не витали!
И да мучает вас такое зло!

✓ Поэт, как волк, напьется патока.
И неподвижно, словно на портрете,
Все тяжелей сидит на табурете,
И все молчат, не двигаясь никак.

А перед ним,
кого-то подражая
И суетась, - всего не передам! -
Сидит и курит женщина чужая...
Ах, почему вы курите, мадам!

Он говорит, что все уходит прочь
И всякий путь ослакивает ветер,
Что страшный бред, похожий на медведя,
Его спать преследовал все ночь.

Он говорит, что мы одних кровей.
И на меня указывает пальцем.
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живей.

41

~~55~~

И думал я: какой же ты поэт,
Когда среди бессмысленного мира
Слышна все реже гаснущая лира,
И странный шум ей слышится в ответ?!

Но все они олутишь всерьез
Какой-то общей нервною системой:
Случайный крик, раздавшийся над бегомой,
Доводит всех до крика и до слез!

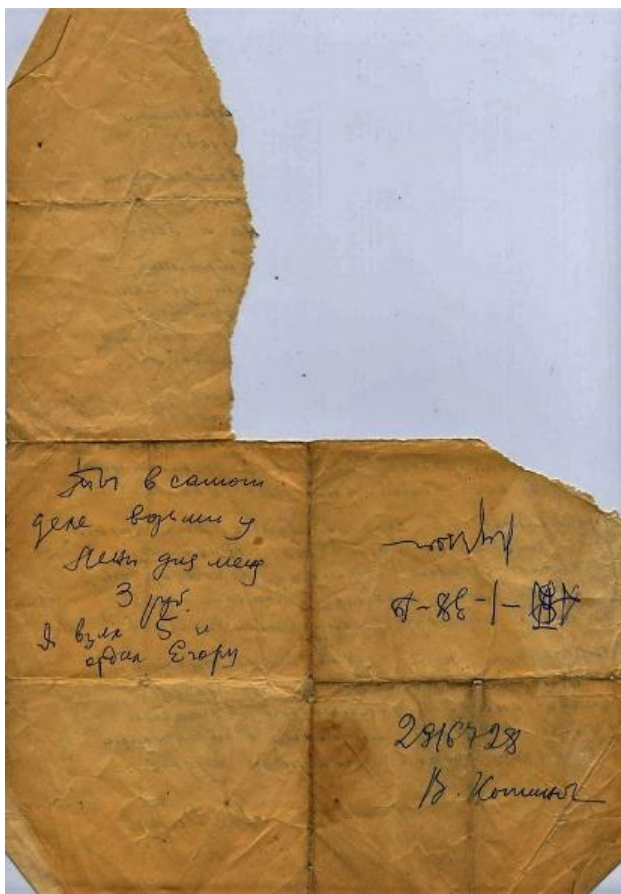
И все торчит.
В дверях торчит сосед!
Торчат за ним разбуженные тетки!
Торчат слова!
Торчат бутылка водки!
Торчат в окне бессмысленный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тает и онемом...

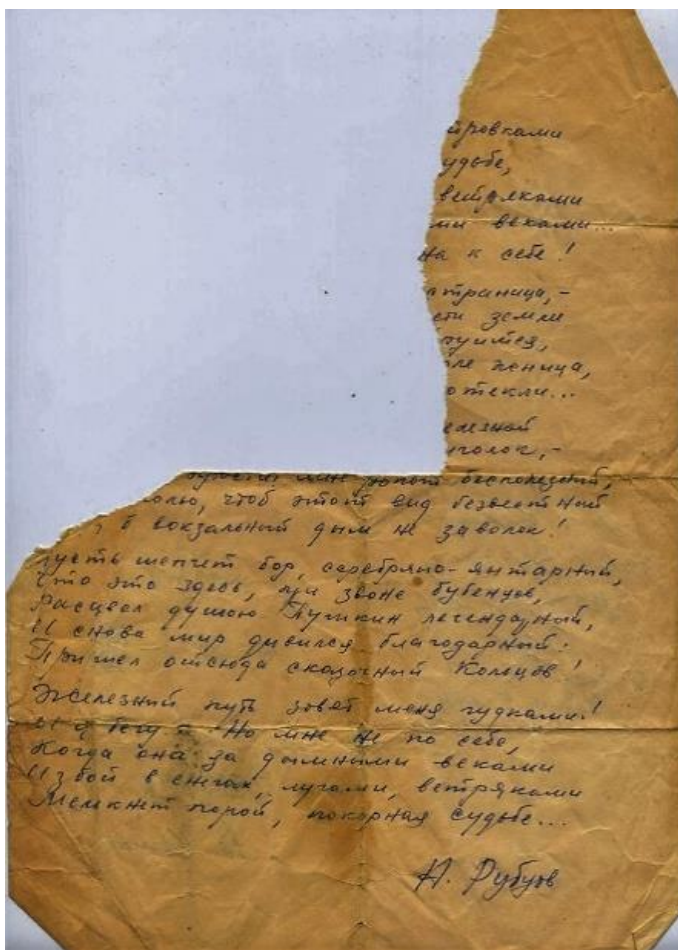
Когда земля потянется за гробом,
Ведь кто-то скажет: "Он сгорел... в труде".

В представленном здесь стихотворении, которое не вошло в книгу «Звезда полей», убраны начальные четыре строфы, и начинается оно только со строки «Куда меня, беднягу, занесло?»

***

В моём Рубцовском архиве давно лежит пожелтевший листок с автографом стихотворения "Поэзия" – «Теперь она как в дымке островками...». Кажется, что эта истрёпанная бумага ничем не может быть интересна для исследователей. Но это не так.

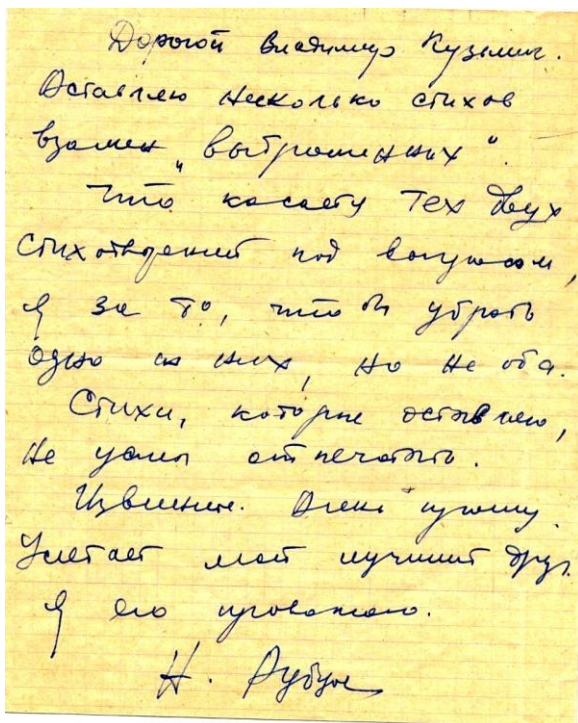

Самое главное – что это автограф выдающегося русского поэта, и этому документу уже более полувека. Повреждённый, но он мне тем и интересен, так как это артефакт жизненных коллизий Николая Рубцова. И он несёт в себе интересную информацию для исследователей. На обратной стороне есть авторские записи. Поэт носил этот сложенный четвертинкой листок в кармане, применяя его как записную книжку. Одну четвертушку уже кому-то отдал, а

на другой написал: «Ты в самом деле возьми у Лены для меня 3 руб. Я взял 5 и отдал Егору», но отдать листочек, как видно, не успел или не смог. Про один записанный телефон и имя выдающегося литературоведа и критика Вадима Кожинова всё ясно, они дружили. А вот кто такие Лена и Егор, указанные в записке, и кому она предназначалась, неизвестно. Чей ещё номер телефона поэт сохранил там же на бумаге, интересно было бы тоже узнать.

***

Вот ещё один автограф поэта. Николай Рубцов почему-то хранил у себя это неотправленное письмо к В.К. Семакину, редактору своей книги «Звезда полей».

Дорогой Владимир Кузнецов.
Отправлю несколько стихов
вашим "выбранным".
Что касается тех двух
стих отдаленно под волнами,
я же не, то бы убрать
одно из них, но не оба.
Стихи, которые отправлю,
не ушли от печати.
Извините. Очень прошу.
Улыбаетесь мне и вашим друзьям
я им прощаю.
Н. Рубцов

«Дорогой Владимир Кузьмич. Оставляю несколько стихов взамен «выброшенных». Что касается тех двух стихотворений под вопросом, я за то, чтобы убрать одно из них, но не оба. Стихи, которые оставляю не успел отпечатать. Извините. Очень прошу. Улетает мой лучший друг. Я его провожаю. Н. Рубцов».

Представленное письмо (1965 г.) показывает перипетии рождения книги «Звезда полей». Но эту записку Николай Рубцов не отправил. Почему, неизвестно. Может они с редактором как-то встретились лично и решили все проблемы? А мне ещё интересно – кто этот лучший друг поэта?

***

Ещё один документ, пополнивший мой архив, это письмо к поэту Валентина Ермакова, который являлся редактором стихотворного сборника Николая Рубцова «Зелёные цветы». Книга готовилась к печати в московском издательстве «Советская Россия».

«Здравствуй, Николай! Заканчиваю отбор твоих стихотворений для новой книги. К сожалению, денег для того, чтобы заплатить за перепечатку, у меня сейчас нет. Или вышлай рублей двадцать, или я вышлю тебе все стихи с пометками на тех, которые должны войти, и ты отдашь перепечатать рукопись сам. Итак, жду твоего решения. Не тяни. До свидания. Валентин 24.09.70 г.»

Здравствуй, Николай!
Закачиваю отбор твоих стихотворений для новой книги. К сожалению, денег для того, чтобы заплатить за перепечатку, у меня сейчас нет. Или выслать рублей двадцать, или я пришлю тебе все стихи с пометками на тех, которые должны войти, и ты тогдашь перепечатаешь рукопись сам.

Итак, жду твоего решения.

Не тяни.

До свидания.

Валентин.

24.09.70.

По тексту письма видно, что В. Ермаков в то время был в финансовых затруднениях и не мог оплатить работу машинистки. В подобном положении был и сам Н. Рубцов, это видно по ранее опубликованным письмам поэта к В. Ермакову. Также в них прослеживается отстаивание поэтом названия книжки, которое не нравилось редакции. Не без помощи В. Ермакова, название Николай Рубцов отстоял, но, к сожалению, сборник «Зелёные цветы» увидел свет только летом 1971 года, когда поэта уже не было в живых.

***

Вот некоторые почтовые отправления, адресованные Николаю Рубцову, находящиеся в моём архиве.

Бланк телеграммы Николаю Рубцову в Никольское из Москвы от Ларисы: «*Коленька дождись моего письма. Лариса*». Даты, к сожалению, нет. Только указан месяц март.

Министерство Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ: 14 го 8 30 м	ПЕРЕДАЧА: го ч м	Адрес: <i>Никольское Богоявленского Вологодской Рубцову Николаю Михайловичу</i>
Бланк № 49	№ связи:	
Принят: 12 28/2	Передал: 19 ч 40 м	Служебные отметки: <i>Коленька дождись моего письма Лариса</i>
На: <i>Лариса</i>	№: <i>115/32</i>	

Тел. 11 УЦБяРП ЛСНХ

***

А эта открытка, посланная Николаю Рубцову тоже из Москвы и снова от Ларисы, адресована писательскому союзу Вологды. Но здесь уже есть дата – 1966 год.

Дорогая моя Куришка!
Поздравляю тебя с днем
рождения, желаю тебе
много счастья, веселья и
радости.
Целую. Лариска.

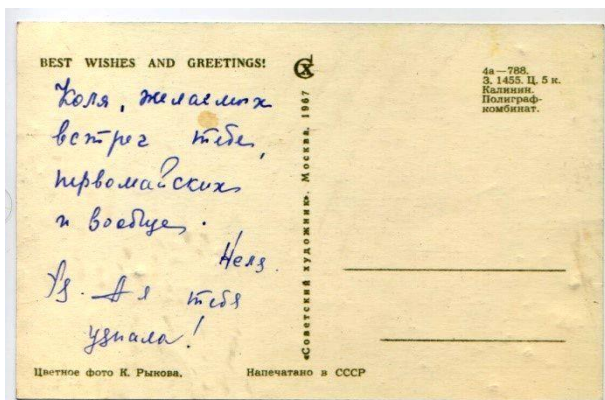

Я считаю, что телеграмма и открытка посланы Рубцову известной советской и российской поэтессой, прозаиком и драматургом Ларисой Николаевной Васильевой, с которой поэт был дружен. Из статьи исследования Леонида Вересова «*Николай Рубцов ... и две Ларисы*» известно, что была ещё одна Лариса, полная однофамилица первой, которая работала в редакции

журнала «Иностранная литература». Но она не была хорошо знакома с поэтом, и в записке, бывшей в архиве Н.А. Старичковой, называет Рубцова на «вы». А по словам, обращённым к Рубцову в представленных здесь телеграмме и открытке видно, что автор душевно близок к поэту. Известно, что Васильева называла поэта ласково Николушкой. И эти почтовые оправления, конечно, посланы Ларисой Николаевной Васильевой. Я так думаю, потому что и сверка почерка дала положительный результат.

***

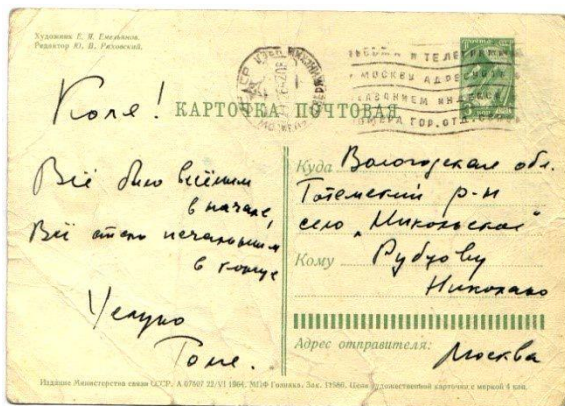
Вот поздравительная открытка Николаю Рубцову: *«Коля, желаемых встреч тебе, первомайских и вообще. Неля. P.S. А я тебя узнала!»*. Даты нет.

Открытка подписана Нелли Александровной Старичковой. Есть сравнение с её почерком. Не указан адрес, что говорит о том, что открытка была опущена автором прямо в почтовый ящик.

***

Почтовая открытка 1964 года в Никольское из Москвы.:
«Коля! Всё было весёлым в начале, /Всё стало печальным в конце.
Целую. Тоня».

Кто эта Тоня, неизвестно. Это время, когда Рубцов учился в Литературном институте.

***

В моём архиве сохранилось приглашение Николая Рубцова на общее собрание писателей Вологды, подписанное А. Романовым.

Кто такой упоминавшийся там А. Семёнов, я узнал из большой статьи Леонида Вересова «Поэт Николай Рубцов и вологодские писатели»: *(Выписка из протокола писательского собрания от 1 октября 1969 года. Обсуждение книг и рукописей Арсения Семёнова.*

О. Фокина: «Его стихи мне кажутся холодными. Правда, я вижу, что он работает серьёзно».

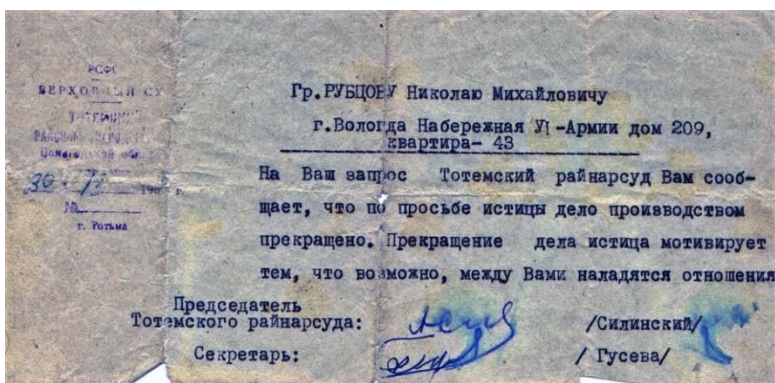
В. Астафьев: «Поэзия интересна своим многообразием. А творческие устремления поэтов-северян иногда мне кажутся нарочито обособленными с географическими понятиями и пристрастиями. Если А. Семёнов работает по-своему, если он ищет новых путей, то дай бог ему успеха».

Н. Рубцов: «А. Семёнов работает интересно. Это поэт»

***

Этот документ из суда поэт тоже хранил в своём столе. По теме семейных отношений Николая Рубцова с Гетой Меньшиковой, матерью его дочери Лены, в последнее время начались какие-то нехорошие толкования. Попробуем разобраться в этом.

Со своей гражданской женой Генриеттой Михайловной Меньшиковой поэт был знаком ещё с детского дома в селе Никольском (Николе). Вновь они встретились в 1962 году, стали общаться, а потом и жить вместе. Правда, не расписываясь в загсе. 20 апреля 1963 года у них родилась дочь Лена. Поэт в то время учился в Литературном институте в Москве, приезжал в Николу редко. Дочку любил, посвящал ей стихотворения, привозил подарки. Постоянного заработка не было. Николай Рубцов ещё был мало известен. Жилось трудно. И по наущению своей матери Генриетта подала на поэта заявление в суд по взысканию алиментов. Вот что пишет в своей книге «Жизнь Рубцова» вологодский писатель, критик Вячеслав Белков: *«Осенью получил комнату в квартире с подселением на Набережной 6-ой Армии в Вологде. 6 ноября получил извещение: «В Тотьмский районский суд обратилась гражданка Меньшикова Генриетта Михайловна о взыскании алиментов на содержание ребёнка, поэтому просим Вас выслать справку о Вашем семейном положении и заработке».* Зачем я начал разбираться в этом деле? Потому что в 2018 году вологодский писатель Александр Быков, насмотревшийся, наверное, разных модных разоблачительных программ, решил

тоже отметить на телеэкране. Он поднял вопрос о том, что Лена Рубцова не дочь поэта, и писал: *«Скандал же! Еще какой! В свое время Гета Меньшикова, ее мать обращалась в суд, чтобы взыскать алименты с Рубцова, но получила отказ. Значит, поэт не признал дочь своей в суде»*. Эти грязные происки очень обидели дочь поэта Лену. Также возмутились все исследователи творчества поэта.

Давайте разберёмся. Представлю для этого кусочек разговора писателя Николая Коняева с Генриеттой Меньшиковой из книги «Путник на краю поля»: *«Когда после витиеватого вступления я все-таки спросил, почему Генриетта Михайловна, подав осенью 1968 года на Рубцова в суд на алименты, уже к весне сама прекратила это дело, — моя собеседница ничуть не смутилась.*

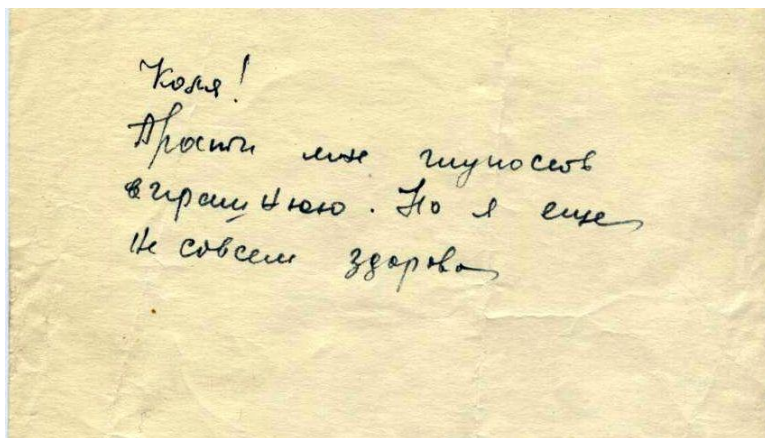
— Почему? — переспросила она. — Что произошло? А ничего... Судья объяснила мне, что я пять рублей по алиментам получать буду... Такие у него тогда заработки были...»

Так что не надо Быкову лгать, что будто бы поэт не признавал своё отцовство. Он очень любил свою дочку и никогда не отказывался от неё. И никого отказа от суда Генриетта Михайловна не получала. Просто поняв, что в то время с поэта и получать-то было нечего, она своё заявление забрала и Николаю Рубцову из Тотемского суда пришла вот такая бумага, которую представляю. А отказ поэта от отцовства – это вымысел Быкова ради, как это сейчас модно называется, хайпа, не более.

***

Поэт хранил у себя в столе даже записки друзей и знакомых, часто написанных на ходу, на случайно попавших под руку листочках бумаги. Эти листки нередко, когда не было хозяина дома, оставлялись гостями в дверной щели или замочной скважине.

Вот записка от женщины: *«Коля! Прости мне глупость вчерашнюю. Но я ещё не совсем здорова»*. Может показаться, что ничего интересного этот десяток слов не представляет. Но, если подумать, то эта короткая живая фраза имеет свою внутреннюю наполненность: показывает движение жизни, вечное противостояние мужчины и женщины, настроение. Почерк очень схож с почерком Н.А. Старичковой.

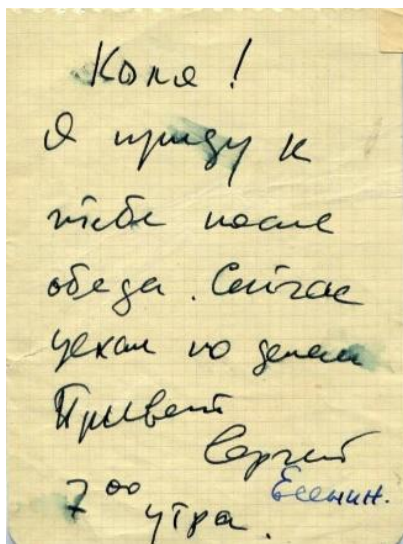

К сожалению, я не успел спросить Нинель Александровну про эту записку и не узнал причину её написания. Как часто мы опаздываем в жизни!

***

Следующее послание написано на небольшом блокнотном листке: *«Коля! Я приеду к тебе после обеда. Сейчас уехал по делам. Привет. Сергей. 7-00 утра»*. Под именем есть подпись уже другими чернилами – *Есенин*. Можно даже представить, как гость, не застав хозяина дома, отрывает листок в блокноте, пишет и оставляет бумажку в двери. Потом идёт от квартиры вниз по лестнице, вдруг останавливается, разворачивается обратно, снова берёт записку и дописывает уже другой ручкой – *Есенин*. Уходит и

по дороге представляет, как Николай Рубцов с улыбкой будет читать его послание.

Коля!
Я еду к
тебе на
обед. Сейчас
уехал из
дома.
Привет
Сергею.
7:00
утра.
Евгений.

Автор этой записи, предположительно, друг Рубцова поэт Сергей Чухин. Я сравнивал эту записку с автографом Чухина, почерки схожи.

***

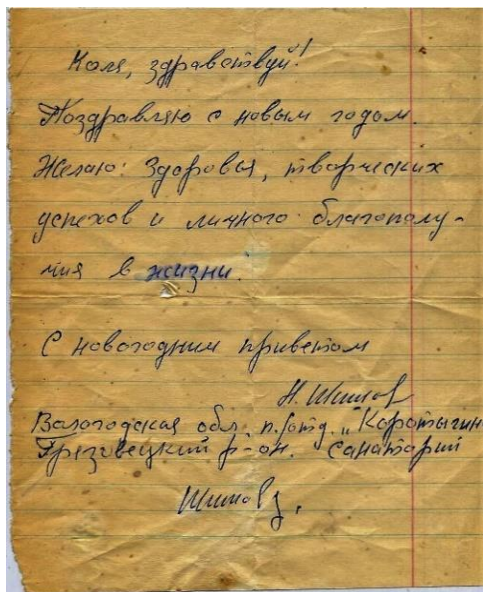
А вторая записка от Владимира Аносова: «Коля, привет! Тебе пишет Аносов В. Здесь проездом из Николы. М.б. встретимся, а? Я бы был не против. Заскочу к тебе на работу. Ну, жму лапу. Вовка. 1.09.68 г. 17-50».

Коля, привет!
Тебе пишет Аносов В.
Здесь проиграл из
Николы. М.б. встретим-
ся я? Я бы тебе
не против заскогу
к тебе на
работу.
Ну, кому лану.
Вовко.
1/X-68г. 17.50

В. Аносов – друг поэта, сын учителей из деревни Николы.

***

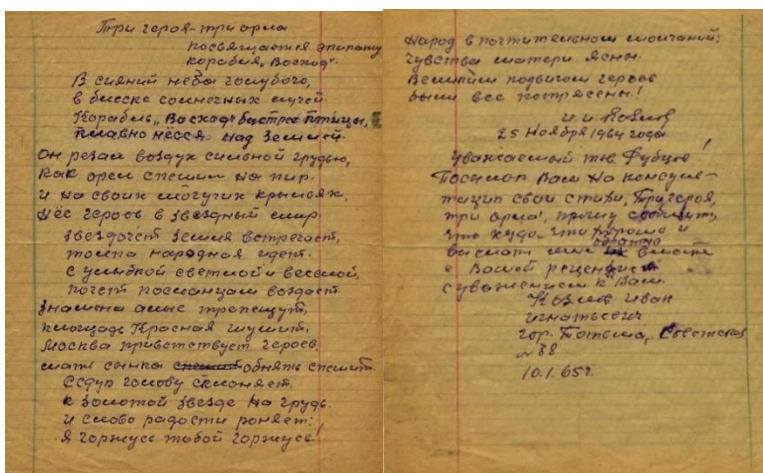
Хочу показать несколько писем тех лет, которые поэт хранил в своём письменном столе. Вот послание от вологодского поэта Николая Шишова, адресованное Николаю Рубцову на адрес по ул. Яшина, дом 3, квартира 66, обратный адрес отсутствует, на почтовом штемпеле стоит дата 29.12.70. На листке из школьной тетрадки в линейку короткое поздравление: «Коля, здравствуй! Поздравляю с новым годом. Желаю: Здоровья, творческих успехов и личного благополучия в жизни. С новогодним приветом. Н. Шишов. Вологодская обл. п/отд. «Коротыгино» Грязевецкий р-он. Санаторий. Шишову».

До гибели поэта осталось всего 20 дней!

***

В 2000 году в издательстве «Терра» вышло собрание сочинений Николая Рубцова в 3-х томах. Составитель В. Зинченко провела большую работу. Помню, просматривая третий том, я обратил внимание на большое письмо Николая Рубцова под названием «Начинающему автору». Поэт тактично и с уважением писал некоему Ивану Игнатьевичу о его стихотворении, присланному для рецензии. Советовал, объяснял, стараясь ничем не обидеть автора. Была приведена только одна строфа стихотворения, но и по ней можно было понять, что прислал его настоящий графоман. Я и обратил внимание на это письмо, потому что поразился терпению Николая Рубцова и его такту! Почему я вспомнил об этом? Потому что недавно в моём архиве появилось письмо этого Ивана Игнатьевича с полным текстом стихотворения. Оно очень показательно для начинающих писать стихи! Вот оно:

Три героя – три орла. Посвящается экипажу корабля «Восход».

В сиянии неба голубого,
 в блеске солнечных лучей
 Корабль «Восход» быстрее птицы
 плавно нёсся над землёй.

Он резал воздух сильной грудью,
 Как орёл спешил на пир.
 И на своих могучих крыльях.
 Нёс героев в звёздный мир.

Звездочёт земля встречает,
 Толпа нарядная идёт.
 С улыбкой светлой и весёлой,
 Почёт посланцам воздаёт.

Знамёна алые трепещут,
 Площадь Красная шумит.

*Москва приветствует героев.
Мать сына обнять спешит.*

*Седую голову склоняет,
К Золотой Звезде на грудь.
И слово радости роняет:
Я горжусь тобой горжусь!*

*Народ в почтительном молчании:
Чувства матери ясны.
Великим подвигом героев
Были все потрясены!*

И.И. Козлов 25 ноября 1964 года.

*Уважаемый тов. Рубцов!
Посылаю Вам на консультацию свои стихи «Три героя, три орла».
Прошу сообщит, что худо – что хорошо и выслать мне обратно
вместе с вашей рецензией. С уважением к Вам. Козлов Иван
Игнатьевич. гор. Тотьма, Советская № 38
10.1.65 г.*

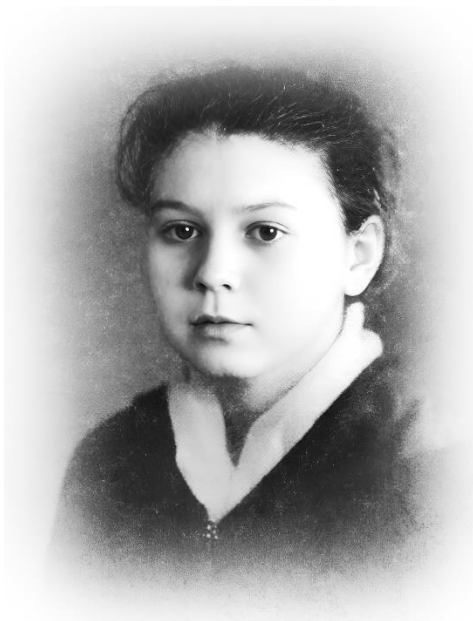
Конечно, стихотворением этот текст назвать нельзя, но понять, почему так сердечно и тактично Николай Рубцов ответил автору, можно. Он просто не мог поступить иначе, ведь это было, как я предполагаю, одно из первых читательских обращений к Рубцову как к поэту. И понятно, почему именно ему было послано письмо. К этому времени имя поэта стало широко известным. Да к тому же он был свой, тотемский. 15 января 1964 года в местной газете «Ленинское знамя» была напечатана подборка стихов поэта и вступительная статья о нём. Стихи Рубцова появились в июле и октябре того же года и в Вологде в газете «Вологодский комсомолец». И в этом же году стали печататься подборки стихов Николая Рубцова в столичных журналах: «Октябрь», «Юность», «Молодая гвардия», прозвучали на радио. Если так случилось, что

этот документ сейчас находится в моём архиве, то хочу внести ясность в написании дат. Под письмом Николая Рубцова «Начинающему автору» в трёхтомном собрании сочинений под редакцией В. Зинченко, а также в книге М. Сурова «Рубцов», стоит дата 12 января 1964 года. Считаю, что эта дата ошибочная. Откуда взяты эти цифры, непонятно. Стихотворение, на которое писал свою рецензию Н. Рубцов, сочинено И.И. Козловым в честь полёта первого многоместного космического корабля «Восход» под командованием К. Феоктистова, а полёт этот был произведён в октябре 1964 года. То есть получается, что И.И. Козлов создал свою «нетленку» почти за год до полёта космонавтов. Провидец, так сказать. Отсюда выходит, что и Николай Рубцов написал рецензию десятью месяцами раньше полёта. Полный абсурд! Надо обязательно исправлять подобные ошибки в будущем. Точные даты можно посмотреть в письме-оригинале, что упоминалось выше: рождение стихотворения – 25 ноября 1964 года, то есть на следующий месяц после полёта космонавтов, а дата написания письма – 10.01 65 год. Отсюда следует, что поэт мог ответить И.И. Козлову только после 10 января 1965 года. Вернусь к рецензии. Ещё раз напомним, как осторожно Николай Рубцов подбирал слова, боясь задеть автора. Но в конце всё же высказал своё виденье поэзии, которое не мешало бы знать и множеству современных стихослагателей.

«Такие недостатки, которые есть, на мой взгляд, в Вашем стихотворении, сейчас довольно широко распространены в стихах и множества других авторов. Причём частенько такие стихи всё же печатают, и если Вы встречаете такого рода стихи в печати, то не думайте, пожалуйста, что так и надо писать. Всем нам надо учиться писать так, как писали настоящие, самые настоящие поэты – Пушкин, Тютчев, Блок, Есенин, Лермонтов. Законы поэзии одни для всех».

Вторая Гета

Фотография взята из книги М. Сулова

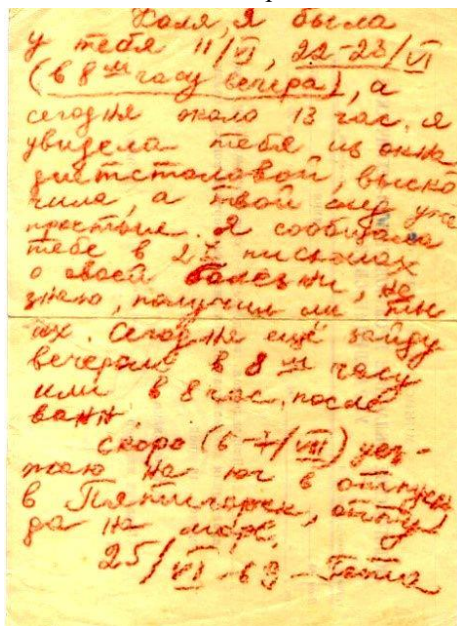
Эти записки и письмо из моего рубцовского архива написаны женщиной, которая близко общалась с поэтом Николаем Рубцовым в 1969 году. Про неё писали М.А. Полётова и Н.А. Старичкова в своих книгах. А также М. Сулов в своём капитальном труде о судьбе Рубцова. Майя Андреевна встречалась с ней, разговаривала. Запись этой беседы есть в её книге «Пусть душа останется чиста...» Н. Рубцов. Малоизвестные факты биографии. (2008). (Стр. 128 – 134). Там написано, что эта женщина, Трофимова (Семёнова) Генриетта Евгеньевна, которую исследователи называют «второй Гетой», дружила и встречалась с Рубцовым с осени 1969 года до лета 1970. Но дата эта не точна, так как не подтверждается записками, которые я привожу далее.

Последняя их встреча, по словам Геты Трофимовой, как пишет М.А. Полётова, произошла 12 декабря 1970 года. Тогда же поэт подписал Генриетте свою книгу «*Душа хранит: «Дорогой Геточке на память о нас. 12 декабря 1970 года»*. Про эту женщину не очень-то приятные слова писала Н.А. Старичкова в своей книге «*Наедине с Рубцовым*» (стр. 153 – 165). Вообще, читать любые воспоминания надо осторожно. Они очень субъективны. И в них зачастую всегда больше виден характер того человека, который их писал, а не того, о ком пишут. В женских воспоминаниях много чувств и фантазий. Я иногда поражаюсь, как же, например, можно запомнить многочисленные жизненные перипетии, да ещё и вспомнить стихи, что читались поэтом к тем случаям. Поразительно! Женщины, что поделаешь?! Мне как-то покойный Слава Белков говорил, что уже набралось пять или шесть женщин, которые утверждают, что это именно им Рубцов посвятил стихотворение «*Букет*». Отнесёмся к этому снисходительно.

1969-й год был, с одной стороны, удачным для поэта – Николай Рубцов защитил диплом в Литературном институте, наконец-то, стал жить в своей квартире, готовилась к изданию новая книга стихов. А с другой стороны - мучительным. Он разрывался между женщинами: это мать его дочери Лены - Генриетта Меньшикова, жившая в Николе, Генриетта Трофимова и Нинель Старичкова. И в это же время, 23 июня 1969 года, появилась в квартире Николая Рубцова и четвёртая женщина – Людмила Дербина, которая в этот же день уплыла с поэтом на теплоходе в Тотьму. (Л. Дербина «*Воспоминания о Рубцове*» 2001. (стр. 11 – 29). В этой книге она не очень лицепрятно говорит уже о Старичковой. Не нравятся все друг дружке, и всё тут. Женщины! А Рубцов прямо Дон-Жуан какой-то получается! Как он выкручивался, бедолага? И в Тотьму бежал, наверное, от внутреннего разлада, от жизненной неразберихи. Какое-то чувство тревоги гнало поэта в дорогу, словно он нигде не мог найти себе места. И Дербина тогда к месту пришлась, хотя они знали друг

друга шапочно. И этот приход её в квартиру Рубцова стал для него роковым и трагическим. Он многое изменил в жизни поэта, но душевного покоя поэт не обрёл, всё получилось наоборот.

Привожу записки, которые оставляла «вторая Гета» в двери квартиры поэта, когда не заставала того дома. По ним видно, что Генриетта Семёнова настойчиво хотела увидеться с поэтом, а он словно старался избежать этой встречи.

Коля, я была
у тебя 11/06, 22-23/06
(в 8-ом часу вечера), а
сегодня около 13 час. я
увидела тебя из окна
диетстоловой, выско-
чила, а твой след уже
простыл. Я сообщала
тебе в 2-х письмах
о своей болезни, не
знаю, получил ли ты
их. Сегодня ещё зайду
вечером в 8-ом часу
или в 8 час. после
ванн.
Скоро (6-7/07) уез-
жаю на юг в отпуск
в Пятигорск, оттуда
на море.
25/06 - 69 - Гета

Коля, я была у тебя 11/06, 22-23/06 (в 8-ом часу вечера), а сегодня около 13 часов я увидела тебя из окна диетстоловой, выскочила, а твой след уже простыл. Я сообщала тебе в 2-х письмах о своей болезни, не знаю, получил ли ты их. Сегодня ещё зайду вечером в 8-ом часу или в 8 часов после ванн. Скоро (6 - 7. 07) уезжаю на юг в отпуск в Пятигорск, оттуда на море. 25.06 – 69. – Гета.

8 12-м часу, я была у тебя
са, но затем пообедала в пельмен
ной и пошла в ^{поликлинику} ~~больницу~~ на процедуры.
Смогла прийти вновь в 6-м часу,
но тебя дома не оказалось.
~~Как я и с Галей~~ вопрос
решили – она не берётся за это
предприятие. Может быть, я
еще к тебе зайду, попозже.
26/9 – Гета

Коля, я была у тебя в 12-ом часу, до 11 часов 30 минут ждала, затем пообедала в пельменной и пошла в поликлинику на процедуры. Смогла прийти вновь в 6-ом часу, но тебя дома не оказалось. С Галей вопрос решили – она не берётся за это предприятие. Может быть, я ещё к тебе зайду, попозже. 26.06. – Гета

В декабре 2005 года Генриетта Евгеньевна написала письмо на адрес домашнего музея Н. Рубцова на квартире Н.А. Старичковой, в котором шла речь о книге воспоминаний Нинель Александровны.

В музей Н.М. Рубцова от Семёновой Генриетты Евгеньевны
Замечание на книгу Н.А. Старичковой «Наедине с Рубцовым» 2004 г.

В октябре 2005 года я случайно прочла некоторые страницы (153-165) книги Н.А. Старичковой «Наедине с Рубцовым», изданную в Санкт-Петербурге в 2004 году А.В. Грунтовским. Сначала я не поняла, что это про меня, т.к. все события перевернуты с ног на голову. Но вспомнив, что у Н. Рубцова было только две Геты, поняла, что все эти домыслы и фантазии относятся ко мне.

Автор совершенно лишена чувства ответственности за свои слова. Она облила меня грязью, хотя я её не знала и она – тоже. И всё это пропустили в печати. Я 2 месяца от этого не могла прийти в себя. Видимо, наступили такие времена, что можно невиновных людей унижать, оскорблять для всеобщего обозрения и насмешки. Да ещё и других людей подставлять. Якобы, Мария Семёновна Корякина-Астафьева смеялась надо мной. Я этому не верю, т. К. М.С. Астафьева – культурный человек и делать этого не станет. И вообще впечатление от книги неприятное, её любовные переживания, её стихи, её акварели, а ведь книга-то о Рубцове. Да и любимый ею Рубцов оклеветан: он де и пьяница, он де и дебошир. Но ведь я какое - то время постоянно жила у него по его приглашению. И видела, что он совсем не такой, каким она его выставляет. От него никогда не пахло перегаром или другими неприятными запахами, а я к этому – чувствительна. Пили мы с ним только шампанское и понемногу. Был ко мне добрый, заботливый. До знакомства с ним я лечилась с правой ногой в больнице, и он меня жалел и берёг. Отношения были чистыми, заботливыми. Много у неё самолюбования, самовосхваления и, конечно же, клеветы.

Если у автора правда составляет 1 %, то какой же это автор, и какая это книга. Она оклеветала ещё одного человека, известную поэтессу Н.В. Груздеву, от неё тоже будут замечания.

Прошу разобраться.

22.12.05 г. /Г.Е. Семёнова /

Специально, чтобы поговорить с Генриеттой Евгеньевной о встречах с Рубцовым, попросить разрешение на печатание этих бумаг, я узнал от Майи Андреевны Полётовой место проживания Трофимовой (Семёновой), номер телефона. Но на звонок мне отвечал автомат, что этот номер выбыл из сети. Тогда через интернет я нашёл телефон почтового отделения в Прилуках под Вологодой, где она жила, позвонил, представился и объяснил, что мне было нужно. Меня попросили подождать, чтобы разузнать

обстоятельства. Через час я перезвонил. Разговаривал с почтальоном, что обслуживала дом Семёновой. Женщина мне рассказала, что Г.Е. давно уже продала своё жилище и куда-то уехала. Что она стала тогда какой-то странной – отказалась совсем от пенсии, дома не бывала, всё время пропадала в церкви. Где она сейчас никто не знает. Ещё сказала, что у неё будто был сын. Жил, кажется, в Череповце. А совсем недавно узнал от писателя-краеведа из Вологды Виктора Борисова, что Г.Е. Семёнова сейчас проживает в Доме ветеранов. Я даже получил номер её телефона и адрес, но звонить не стал, побоялся нарушить покой престарелого человека. Решил потом написать письмо.

Эти материалы, эти «следы ушедшего времени», я готовил не для того, чтобы покопаться в «чужом белье». Для исследования жизни выдающегося поэта всё интересно. Мне могут сказать, что незачем публиковать эти открытки и записки от знакомых женщин поэта и т.д. Но не будем ханжами, какой бы она ни была, но это жизнь великого поэта. Она разная, как у всех нас, грешных людей. Самое главное — это то, что у Николая Рубцова есть любимая им дочь и внуки, которые хранят память о своём выдающемся отце и деде. Предоставленные материалы из моего архива, думаю, будут интересны не только моим соратникам, исследователям жизни и творчества замечательного русского поэта, но и родным Николая Рубцова. Чтобы не обидеть дочь поэта Елену Николаевну публикацией этих материалов, я позвонил ей, переговорил и отослал на её эл. адрес эти заметки. Лена дала добро на печатание.

Письмо Г.Е. Семёновой (Трофимовой) смотрите в разделе «Документы, автографы».

Не убий!

В мае 2008 года в телевизионной программе Андрея Малахова «Пусть говорят» принимала участие небезызвестная в литературных кругах Людмила Дербина (по мужу Грановская), которая в 1971 году судом города Вологды была признана виновной в убийстве выдающегося русского поэта Николая Рубцова. По давней договорённости всех, кто занимается творчеством поэта, нигде не называть её имени, я в дальнейшем буду именовать Дербину просто буквой Д. Мне, как человеку, много лет занимающемуся творчеством поэта, после этой программы позвонили десятки людей. Люди, зная только поверхностно о гибели поэта и доверчиво принимая то, что вещала Д. с экрана, за истинную правду, говорили слова в защиту Д., призывали к милосердию и прощению. Проводя вечера поэзии Николая Рубцова, я старался не потакать людскому любопытству и преднамеренно не затрагивал ту давнишнюю трагическую историю, но телефонные звонки ко мне после телепередачи, а ещё больше – наглая прилюдная ложь Д., её разнузданное, особенно в последние годы поведение, вынуждают говорить и писать об этом. Так что же произошло в те далёкие годы?

Рубцов и Д. познакомились в Москве ещё в 1963 году в общежитии Литературного института, но знакомство было мимолётным и никакого продолжения не имело. В 1968 году Д. случайно прочитала только что вышедшую книжку Николая Рубцова «Звезда полей» и была потрясена стихами поэта. В 1969 году специально приехала из Воронежа, где жила в то время, в Вологду и сама пришла в квартиру Рубцова, чтобы, как она скажет впоследствии, поклониться ему за его поэтический дар. Так начался этот гибельный роман. В ноябре 1970 года Д. поселилась у Рубцова в Вологде (квартира № 66, дом № 3, улица им. А. Яшина). В январе 1971 года они подали заявление в ЗАГС, а ночью с 18 на 19 января, в православный праздник Крещения, после ссоры и случилась эта трагедия, потрясая всех! Во время ссоры с

выпившим Рубцовым Д. задушила его, потом убрала в квартире и пошла сама в милицию: «Я убила человека». Был закрытый суд, Д. получила 8 лет. Отсидев 5 лет и 7 месяцев, была досрочно освобождена. Сейчас живёт в Петергофе. Казалось бы: освободилась, живи, замаливай свои грехи, кайся и попроси прощения за содеянное злодеяние у дочери Н. Рубцова, неси достойно свой тяжкий крест! Смири гордыню! Китайская поговорка гласит: *«У человека есть всегда место спасения от всех бедствий: место это – его душа»*. Но нет! Не такой характер у Д. Бесовская червоточина по-прежнему разъедает ей душу и ведёт по жизни. В 1994 году вышел сборник её стихов «Крушина». Содержание книжки у многих вызвало тревогу. И эту обеспокоенность лучше всех, наверное, выразил Виктор Филиппов в своей статье «Смерть поэта – литературный капитал для его убийцы» («Известия» 16.11.1996) *«...судя по публикациям о Д и её стихам, в русской литературе появилась поэтесса с весьма болезненным представлением о духовных ценностях, для которой любовь и убийство есть причина и следствие. Уголовное преступление – ступень к известности. Иногда мне кажется, что грань между добром и злом стёрта...»*.

В 2003 году в городе Вельске были изданы её «Воспоминания о Рубцове». Даже таких одиозных исторических личностей, как убийц Пушкина и Лермонтова (Дантеса и Мартынова), невозможно представить записывающими воспоминания о том, как они убивали великих русских поэтов! Скажут, что сейчас другие времена, иные нравы. Да, к сожалению, далеко не лучшие, если подобные книги пишут и печатают. А «Воспоминания» Д. читают. Интересно! Это же пишет сама убийца. В книге много откровенной лжи, показушной театральности (об этих склонностях Д. упоминается в уголовном деле). Присутствует здесь и целый букет всяческой «чертовщины»: и чёрная магия, и кликушество. И всё это богохульно подано на фоне Православия. Всю книгу представлять незачем. Кому надо, найдут и прочитают. Расскажу только о последней главе, где Д.,

начитавшись, по-моему, Михаила Булгакова, пытается быть похожей на его Маргариту, а может, Д. и вправду с Воляндом встречалась, кто знает?! Оказывается, через какое-то время после выхода Д. из тюрьмы Церковь наложила на неё епитимью на три года, и всё это время она провела на коленях в молитвах. *«И вот наступил баснословный 1991 год. Именно в этом году в моей жизни произошло трансцендентальное постижение многих Божественных истин»* – пишет Д. С ней стали происходить разные чудеса.

Когда она нуждалась в средствах, то в Никольском соборе в Петергофе к её ногам упал с небес кошелек с деньгами. Д. стала слышать в храмах различные голоса, а однажды услышала глас от иконы Знаменье Божьей матери: *«Возьми меня в руки. Прижми ликом к сердцу и неси в Петербург»*. 10 июня 1991 года рано утром я понесла икону в Петербург. Мне указывалась дорога, не всем, но некоторым встречным людям я должна была говорить такие слова: *«Время антихриста кончилось в русской земле. Воля и Слава Господня! Ещё в мае, когда меня одолевали тёмные силы и я сделала много записей под их диктовку, много вульгарных глупостей, которые все потом уничтожила, у меня появилось жгучее желание выйти на связь с Николаем Рубцовым. И я вышла. Я получила от него как бы телеграмму с таким текстом: «Приезжай в гости на могилку с зелёньким». Это было незадолго до Троицы, которая была, как я помню, в 1991 году 25 мая. И я собралась ехать в Вологду»*.

Нравственная и моральная стороны так называемых «воспоминаний» Д. не волнуют. Деятельность её поразительна: она нашла неких специалистов – профессора кафедры судебной медицины Ю.А. Молина, судмедэксперта А.Н. Горшкова, которые сфабриковали заключение, что Николай Рубцов не был задушен, а умер от сердечной недостаточности во время той ссоры. Сделали они этот «сенсационный вывод» со слов самой Д. и после просмотра материалов суда, т.е. по бумажкам. Написали, как бы предположение, понимая, что за серьёзную бумагу можно и под

суд пойти. А так, предположение и всё. Эту версию Д. озвучила и в книге. Об этом она говорила и в телепередаче. На последней странице своих воспоминаний Д. изрекает: *«Через 30 лет, наконец, открывается истина по чудесному Промыслу Божию: Рубцов умер своей смертью».*

Что тут скажешь?! После прочтения её книги, слыша то, что она говорит корреспондентам, ясно понимаешь, что её обращение к Церкви, к Богу – это не выстраданное раскаяние, не отмаливание грехов, а только поиски оправданий. И вообще, судя по её поведению, Д. виноватой себя не считает, и прощения ей не очень-то и надобно. Ей нужно добиться только одного – оправдания и снятия с себя тяжести обвинения в убийстве. Для достижения этой цели она применяет любые, порой самые грязные способы. Но так в жизни не бывает! Случившееся не изменить! Свои воспоминания Д. заканчивает фразой: *«Смерти нет, а жизнь каждого человека есть тайна, ведомая только Творцу».* Немыслимо и дико слышать такие слова от человека, который лишил жизни другого!

Конечно, нашлось немало литераторов и читателей, которые встали на защиту Н. Рубцова. Были напечатаны статьи против инвектив Д., против попраania ею человеческих ценностей, о кощунстве с её стороны. Но это только раззадорило Д., она стала действовать ещё энергичнее, ещё наглее. Специально подогревает интерес к себе, участвуя в различных мероприятиях, даёт интервью, пишет статьи. При этом везде постоянно изворачивается и всячески пытается обелить себя, придумывая всё новые и новые версии той ужасной драмы. Я поражаюсь грязной лжи Д., когда она на всю страну вещает, что только легонько сдавила горло поэта двумя (так она сама говорит) пальчиками. А материалы и ужасные фотографии из уголовного дела называет подделкой.

В пророческом стихотворении о своей смерти Н. Рубцов писал: *«Я не знаю, что это такое, / Я не верю вечности покоя!»* Бедный поэт! И здесь он оказался прав, нет ему покоя и после ухода в мир вечный.

Своё мнение об этой трагедии я выскажу в конце. А сейчас, чтобы «открыть глаза» несведущим своим оппонентам, хочу предоставить слово людям, знавшим и Николая Рубцова, и Д., а также покажу некоторые выписки из уголовного дела об убийстве поэта. Впервые все подлинные документы того милицейского расследования опубликовал в своей уникальной книге Михаил Суров в 2006 году.

Из протокола допросов:

Вопрос: *Когда вы душили Рубцова, то отрывали всю руку от его горла или нет?*

Ответ: *Я один раз отрывала руку, а затем снова схватила за горло. Горло у Рубцова было каким-то дряблым. Я давила Рубцова, то ослабляя силу нажима, то усиливая его.*

Из судебно-психиатрической экспертизы:

«...Сам характер убийства, множественные ссадины на горле Рубцова свидетельствуют о том, что подозреваемая Грановская как бы рвала горло Рубцова руками.

... в беседе держится высокомерно, с некоторой переоценкой собственной личности. В поведении элементы театральности. Эмоционально лабильна, обидчива. На вопросы, касающиеся убийства, отвечает с нескрываемым волнением. То на глаза навёртываются слёзы, то переходит к улыбке. Очень подробно, с мельчайшими деталями воспроизводит все моменты совершённого деяния».

Очень интересен донос тюремного стукача по кличке Рыжик. Этот документ сохранился в уголовном деле:

Источник, будучи с Грановской на прогулке, имела с ней беседу. В процессе таковой источник спросила: «Люда, ты мужа своего убила, зачем, не жалко теперь тебе его? На это Грановская высказала недовольство: «Я бы его ещё раз убила. Всю жизнь мне сломал. Пьяница, никчемный человек. Видите ли, поэт...учил меня. А мои стихи не хуже, а намного лучше.

Но, ничего, в Ленинграде есть люди, и за меня вступятся, и за границей тоже знают. Вспомнят ещё Д.»

На публикацию в «Литературном вестнике» отрывков из повести ленинградского писателя Н. Коняева «Путник на краю поля», где автор сообщил о том, что «...*По слухам, она писала неплохие стихи*», сама Д. отреагировала телефонным звонком к Н. Коняеву так:

- По сравнению со мной в поэзии Рубцов был мальчишкой!

А вот воспоминания выдающегося русского писателя В.П. Астафьева:

«...Горло Коли было исхвачано – выступили уже синие следы от ногтей, тонкая шея поэта истерзана, даже под подбородком ссадины, одно ухо надорвано. Любительница волков, озверевши, крепко потешилась над мужиком».

В. Астафьев «Пролётный гусь» Иркутск, 2002. (Стр. 304)

Жена В.П. Астафьева, тоже писатель, вспоминает:

«...Да, я уже знала, что она пишет стихи, что печаталась. Кроме того, в отделении Союза писателей как-то состоялось обсуждение стихов молодых поэтов, и её в том числе. Читала она тогда, кажется, три или четыре стихотворения. Одно из них запомнилось мне особенно – о том, как люди преследуют волков за то, что они и пищу, и любовь добывают в борьбе, и что она (стихотворение написано от первого лица) тоже перегрызёт горло кому угодно за свою любовь, подобно волчице, у которой с жёлтых клыков стекает слюна... Сильное, необычное для женщины стихотворение. Виктор Петрович (Астафьев) толкнул легонько Колю в бок – они сидели рядом – и сказал: «А баба-то талантливая!».

- Ну что вы Виктор Петрович! Это не стихи, это патология. Женщина не должна так писать – ответил Рубцов.

И оттого, наверное, что поэтесса читала свои стихи детски чистым, таким камерным голоском, это звучало злоеце, а мне подумалось: такая жестокость, пусть даже в очень талантливых стихах, есть нечто противоестественное».

Из письма ко мне поэта, прозаика из Рязанской области Бориса Шишаева, который был во время учёбы в Литературном институте

друзен с Николаем Рубцовым, и который вместе с поэтами Борисом Примеровым и Александром Сизовым приезжал из Москвы в Вологду на похороны Рубцова:

«...А потом в вологодском Доме политического просвещения стояли в почётном карауле у гроба Рубцова. Без содрогания смотреть на него было невозможно. На лице Коли были кровавые полосы, как будто проведённые когтями тигра, и одно ухо едва держалось – было совсем почти оторвано.

Я ещё подумал тогда: неужели нельзя было в морге хоть как-то упорядочить всё, привести в божеский вид? И душили меня слёзы. И ясно было одно: Коля убит, и убит зверски. И кто бы что ни говорил, что бы ни трезвонила теперь убийца, я тогда убедился в этом и всегда буду говорить только одно – Рубцова зверски убили».

Писатель В. Аринин:

«Что же произошло? Здесь надо посмотреть в прошлое. Конечно, будучи одиноким человеком, Рубцов был рад, когда к нему приехала и поселилась в его квартире молодая женщина, поэтесса, поклонница его поэзии. Рекомендовал к изданию её стихи. Но вскоре по Вологде пошли разговоры: у Рубцова ничего к лучшему не изменилось, живут плохо, всё время скандалы. Да и женщина оказалась отнюдь не с нежным сердцем: жёсткая, сильная, крайне тщеславная. Своего рода «Сальери в юбке». Она сама себя называла ведьмой, волчицей, медведицей (характерные признания). Она сама признавалась, что способна в «пылу азарта» взвиться, «отколоть номер», «перепутать все карты», была способна на всё ради самоутверждения. А Рубцов в быту был трудным человеком, способным вызвать раздражение. Так и произошло это убийство».

Я привёл только малую толику из множества материалов, которые есть в моём архиве, об этой страшной истории. Даже по этим немногим документам видно, что за женщина Д, и какой «своей смертью» умер поэт!

Конечно, Николай Рубцов был отнюдь не ангел. Нелёгкое детдомовское детство и неустроенная жизнь сказывались на его характере. Но это был Поэт! Поэт милостью Божьей! Жаль, что ему не встретилась в жизни женщина, которая бы полностью растворилась в нём. Только так можно жить с такими большими талантами! А к нему пришла, и пришла сама, гибельная роковая женщина. С непредсказуемым характером, с большим честолюбием, огромным тщеславием и завышенным самоощущением. Была ли любовь между ними? Сильно сомневаюсь! Любимым женщинам поэты всегда посвящают свои стихи, но ни одного стихотворения Н. Рубцова, посвящённого Д., нет! Конечно, было естественное влечение тридцатичетырёхлетнего мужчины к молодой яркой женщине, которая была не прочь пофлиртовать и писала о себе так:

*Когда-нибудь моя душа
Да скинет цепи постоянства!
Не нужно будет умирять
Её капризы и порывы,
Лишь изменяться, изменять
Свободно, дерзко, прихотливо!*

И в Рубцове Д. видела не своего любимого мужчину, со слабостями и привычками, а только человека с известным литературным именем, талантливого поэта, нужного ей для своего продвижения, для своей карьеры. Но после того, как Николай Рубцов принародно стал критиковать её стихи и назвал их «патологией», затаила на него нешуточную обиду. А обиды такие люди, как Д., не прощают! Кто читал её сборник стихов «Крушина», тот нисколько не усомнится в сказанном.

Я прочитал об этой драме много всякого материала, встречался и беседовал в Вологде с разными людьми, знавшими Рубцова и Д., и полностью согласен с теми, кто считает, что причиной гибели Николая Рубцова стала всё-таки злая обида и зависть Д. к его поэтическому таланту, перешедшая потом в ненависть. Всё это соединилось и, вкупе с поистине сатанинским характером, привело

её к совершению преступления в ту ужасную ночь. А ссора с выпившим поэтом – это только подходящий случай. Не нравится – так развернись и уйди. Ведь не ушла. Зависть – вещь страшная! Люди искусства знают об этом. Порой, то в книге о Рубцове, то в выступлениях и статьях, то в уголовном деле, Д. не выдерживает и проговаривается, и тогда с неприкрытой злостью говорит о своём превосходстве над Николаем Рубцовым в поэзии. «Сальери в юбке» -так назвал её писатель В. Аринин. И я соглашусь с ним. Не надо забывать, что первая человеческая кровь на Земле пролилась тоже из-за зависти – Каин убил своего брата Авеля.

Д. уже отбыла наказание по суду, но она знает, что будет ещё Суд Божий, чего к концу своей жизни и страшится! Много сейчас говорится о прощении, о милосердии. И в звонках ко мне людей, знающих о причинах гибели Николая Рубцова только понаслышке, звучали эти слова. Но можно ли простить убийство? А мерзкое поведение самой Д. после выхода из тюрьмы – не надругательство ли это над памятью о Поэте? Есть такие преступные деяния, которым нет срока давности, простить которые невозможно, и убийство этой женщиной Николая Рубцова – одно из них! И как бы она ни изворачивалась, ни лгала, всячески пытаясь давить на человеческую жалость, Д. останется в памяти людской как убийца поэта. И это справедливо!

Николай Рубцов чувствовал свою гибель. Даже предсказал точную дату своей смерти: *«Я умру в крещенские морозы, / Я умру, когда трещат морозы»*, что неудивительно, потому что настоящие поэты всегда пророки, но часто и жертвы. Сам поэт не в силах был разорвать этот «гордиев узел» отношений. В ноябре 1970 года к нему из Николы приезжала Генриетта Меньшикова (гражданская жена) с дочкой Леной. Николай Рубцов плакал и просил, чтоб они забрали его к себе или чтобы они переехали к нему, а то он погибнет. Жаловался, что никак не может порвать с Д. И страшная трагедия произошла!

История не знает сослагательного наклонения – если бы, да кабы... Ничего уже не вернуть. Что случилось, то случилось. Николая

Рубцова нет на земле, но он существует как духовная ипостась. По сведениям Книжной палаты за 2006 год сборники стихов Н. Рубцова – самые продаваемые и читаемые из поэтических книг в России. Он стал поистине народным поэтом!

Значит, жизнь его продолжается!

Р.С. Одиннадцатого сентября 2008 года в Вологде скончалась Нинель Александровна Старичкова, та женщина, которая всю свою жизнь любила Н. Рубцова и всячески помогала ему в самые трудные годы его жизни. Но, как это бывает в реальной жизни, мы часто проходим мимо своего счастья, просто не замечая, что оно рядом. А если что-то и замечаем, то не придаём этому значения. Так и Николай Рубцов прошёл рядом. Я был знаком с Нинель Александровной, бывал у неё дома, где хранятся уникальные личные вещи поэта, которые ей разрешили забрать милицейские власти после той трагедии. Н. Старичкова издала книгу «Наедине с Рубцовым», наверное, самую правдивую книгу воспоминаний. Создала домашний музей, в котором представлены и мои книги о поэте.

Светлая Вам память, дорогая Нинель Александровна!

Хочу представить стихотворение Н.А. Старичковой, написанное в конце шестидесятых годов прошлого века, которое вошло в подготовленный мною сборник «Поэту посвящается...» Это стихотворение о Д.

*«Легко живёшь!» — поэту говорила
Одна особа, сидя за столом.
Не то карала, а не то корила.
На это право чувствуя притом.
-Легко живу? – переспросил он тихо,
Потом вздохнул...Ей это не понять.
Безоблачность, мальчишескую лихость
С бессонницей никак не уравнивать.
Она бывала только на пирушках.*

*Чужим стихам стараясь подпевать
И, как любви минутной побирюшка,
Частенько оставалась ночевать.
Легко живёшь...Мне слышать это больно,
С какой же это видно высоты,
Что сыплет жизнь коробочкою полной:
Вино и деньги, славу и цветы?
Легко...Легко ли? Впрочем, есть такие,
Которых сразу трудно разглядеть.
Они и камень в душу могут кинуть,
И ласками в постели отогреть.
Они способны просто для забавы
Сказать поэту, видя, что устал:
-Твои глаза, как у собаки, право,
Больной собаки. Разве ты не знал?*

Н. Старичкова

О Русь! Кого я здесь обидел?..

Н. Рубцов

В 2004 году я приобрёл в Вологде у коллекционеров странное письмо. Его содержание непосредственно было связано с именем поэта Николая Рубцова, и поэтому заинтересовало меня. То, что было там написано, признаюсь, поразило. Всякое писали о поэте, но такого кощунства ещё не было. Некоторые люди могут сказать, что публиковать подобное не следует. Что вообще незачем ворошить прошлое, но прочитав этот текст, мы увидим, что похожие наветы звучат в адрес поэта и поныне. Уверен, что подобным мерзостям надо обязательно давать отпор, и считаю правильным, если поклонники творчества Николая Рубцова будут знать об этой бумаге из моего архива.

Итак: в ноябре 1995 года в редакцию вологодской газеты «Русский огонёк» пришло анонимное письмо. Адресовалось оно редактору издания поэту Виктору Коротаяеву. На простом почтовом конверте надписаны адреса:

Кому: *г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Редакция газеты «Русский огонёк», Коротаяев В.*

От кого: *000666, г. Эдем, Загробная обл., ул. Потусторонняя, дом 6, кв. 66. Рубцов Н.*

В левой верхней части конверта стоит резолюция получателя: «В архив. В. Коротаяев. 12.X.95»

Содержание анонимки следующее:

«Поэт – страшный человек». Стендаль

Закрытое письмо с того света ваятелю Шебунину от поэта Рубцова.

Скульптор Шебунин, оставь свои планы,

Не нужен мне памятник твой.

В мире загробном свои законы,

*Здесь Пушкин Дантесу – свой.
Ставрогин и Лермонтов ходят в обнимку,
По взгляду друг друга поняв.
Есенин с Мартыновым пляшут калинку,
Крепко друг друга обняв.
Мне лично нипочём крещенские морозы.
На треск берёз мне наплевать.
Вокруг меня цветут одни лишь розы
И на... некого послать.
Ты зря шебутишься, ваятель,
Не трогай мой вечный покой.
Мне Дербина – лучший приятель,
Ты зенки свои приоткрой.
Оставьте Людмилу в покое,
Я задохнулся пьяный сам.
На тот момент я был в запое,
Вино текло аж по усам.*

*Кончай ворошить могилы,
А то вам свет покажется немилым!*

Примечание: гр-н Коротаев, прочитай внимательно окончание части первой, главы пятой «Бесы», романа Ф.М. Достоевского, в котором сатанист Ставрогин в силе злобы сравнивается с Лермонтовым. Лучшие надо и глубже изучать классику, об этом говорил ещё товарищ Сталин, так что Стендаль был прав. Коротаев, брось стихоплетение, лучше вари варенье. Рубцов.

Вот такое пакостное послание, как бы отправленное Николаем Рубцовым с того света, пришло Виктору Коротаеву на адрес редакции, с обращением к автору готовящегося памятника Николаю Рубцову – Александру Шебунину. Давайте рассмотрим его повнимательней. Адрес на конверте написан несформировавшимся, похожим на детский, почерком. Можно предположить, что переписывали с текста, ранее уже составленного кем-то из взрослых. Как и полагается анонимке, само письмо исполнено печатными буквами. Отсюда следует, что кто-то боялся быть узнанным. Видно, что этот «некто» читал классику (Достоевского), знаком с жизненной трагедией Николая Рубцова, что он свой, вологодский. Но не очень разбирается в библейских названиях – совместил райский уголок Эдем и сатанинское число 666. Стихи графоманские, неуклюжие. Из написанного видно, что главной целью этого «опуса» являлась попытка снятия тяжкого греха преступления с убийц великих русских поэтов, и переложения причины их гибели на них самих. Для этого даже было придумано и соответствующее название. От всего послания веет холодом и сатанинским душком. Каждая

написанная строчка пропитана ядом неприкрытой злобы. Это явное и преднамеренное осквернение памяти о поэте, и, по большому счёту, это настоящее «поле духовной брани!».

По содержанию письма видно, что к его написанию анонима подтолкнуло известие о возведении в Вологде памятника Николаю Рубцову, к тому времени ставшему поистине народным Поэтом. Кому-то это было очень не по нутру! И понятно, почему этот пасквиль был «состряпан» в ноябре 1995 года и имел отношение именно к Александру Шебунину и Виктору Коротаеву. В это время не только Вологда, но и вся Россия готовилась отмечать 60-летие со дня рождения Николая Рубцова. Скульптор из города Череповца А. Шебунин ещё в 1993 году выиграл творческий конкурс на создание памятника поэту, и у него уже был готов макет. А В. Коротаев был составителем и редактором многих посмертных сборников стихов своего друга, и именно он присутствовал от писательской организации на суде над убийцей поэта и написал потом книгу об этой трагедии «Козырная дама». И, конечно, подвижническая деятельность этих людей была кому-то как «кость в горле». Но, несмотря на всяческие препоны, а порой и прямые угрозы, памятник Николаю Рубцову был изготовлен и установлен на берегу реки Вологды в сквере возле «Петровского домика». К большому сожалению, Виктор Коротаев не увидел своего друга, воплощённого в бронзе, так как скончался в 1997 году. Но он бывал в мастерской скульптора и наблюдал работу художника. И даже, как вспоминает А. Шебунин, дал ему некоторые советы, к которым скульптор прислушался. А памятник при большом количестве гостей и горожан был торжественно открыт 26 июня 1998 года. *(Делегация из Сургута, состоящая из 3-х человек, также принимала участие в мероприятии открытия памятника)*. Он стал сейчас не только ещё одной культурной достопримечательностью древней Вологды, но и центром, притягивающим к себе любителей русской поэзии со всей России. Литературно - музыкальный праздник «Рубцовская осень», что

ежегодно проводится возле памятника, стал по настоящему всероссийским!

Сегодня без поэзии Николая Рубцова невозможно представить русскую литературу! Поэт по праву стал классиком! Кажется, прошло Время и, как самый справедливый судья, всех расставило по своим местам. Но всё равно, нет-нет, да и зашевелятся «бесовские силы». Обычно это бывает ближе к юбилейным датам. Видно, народная любовь к творчеству Николая Рубцова не даёт завистникам спокойно существовать, а свет его поэзии застит им глаза. Значит, духовная битва продолжается! Что ж, таков удел всех истинных русских Поэтов!

Николай Рубцов, как всякий выдающийся художник, многое предвидел в своём творчестве. «Я не верю вечности покоя!» - пророчески говорил он в своём стихотворении, что подтвердилось впоследствии и подтверждается ныне. И, словно в ответ на кощунство недругов в свой адрес в будущем, написал в 1969 году молитвенно и пронзительно:

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!
Перед этой
Жёлтой, захолустной
Стороной берёзовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,*

*Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!*

После написания этого материала я позвонил скульптору Александру Шебунину, рассказал об этом пасквиле. Он мне поведал, что в своё время было много разных нападок на его творчество. Есть люди в Вологде, да и в стране тоже, кому поэзия Рубцова и памятник ему «мешают жить». Круг этих недоброжелателей узок, но он есть. Называть художник мне их не стал, но примерно знает, кто это. Мы ещё поговорили с А. Шебуниным о том, надо ли печатать такие вещи, и пришли к выводу, что надо. 26 июня этого года исполнилось 25 лет со дня открытия памятника Николаю Рубцову в Вологде. Я хотел написать об этом в книге, но мне позвонил из Череповца Леонид Вересов и рассказал, что он и А. Шебунин готовят небольшую брошюру, посвящённую этому юбилею, и попросил написать для них заметку о приезде сургутян на открытие памятника. Я это сделал и отослал Леониду. Думаю, что всем после издания брошюры будет интересно узнать непростую историю рождения замечательного памятника великому русскому поэту. Оригинал анонимного письма смотрите в разделе «Документы, автографы».

Старший брат

В короткой аннотации к содержанию этой книги говорится, что она составлена из эпистолярных диалогов и описания моих личных встреч с интересными людьми различных профессий – литераторами, политиками, священником – которые делятся своими воспоминаниями о Николае Рубцове. Это так, но мне хочется добавить в книжку ещё рассказ о некоторых биографических поисках и о людях, которые мне помогали в этом. В статье «Николай Рубцов и Тюменский Север», с которой начинается этот сборник, я писал о потерянном для всех на четверть века старшем брате поэта Николая Рубцова – Альберте, (Алике, Олеге). Рассказывал о том, как мы нашли место его проживания и кончины. Через Лену Рубцову, дочь поэта, я узнал адрес родных Альберта и отправил им в город Коммунар Ленинградской области документ о его смерти, который нам прислали из села Горнослинкино Уватского района Тюменской области. И вскоре получил письмо от Марины Фазановой, дочери старшего брата Н. Рубцова, в котором она рассказала о своём талантливом, но не нашедшем себя в жизни отце: *«Родственники корили маму – мол, столько женихов было, а ты выбрала вон кого – «имя какое-то нерусское, не работает нигде, толку от него никакого». Все над отцом подтрунивали, никто его не понимал. Мама тоже не понимала, считала поэзию и всякое искусство баловством. Но никогда ничего плохого про мужа не говорила, воспринимала его таким, каким он был. А был он человеком не от мира сего. В народе такое поведение считалось странным. Взгляд был отрешённый, всегда смотрел сквозь человека. Бытовые проблемы его не интересовали. Постоянно витал в облаках. Для Альберта (как и для Николая) духовная пища всегда была важнее. Бывало такое, что забывал поесть. Мог сидеть за столом, все уже поели, еда закончилась, а он только очнулся. Работал много, но подолгу нигде не задерживался. Никак не мог усидеть на одном месте. Сначала путешествовали втроём: отец, мама и маленький*

Коля. Сушили пелёнки на ветру в поезде. Одно время жили в Донбассе. Отец работал шахтёром. У мамы началась аллергия (не климат). Трудно с маленьким ребёнком. Уехали из Донецка. Колесили по стране, опять оказались в Приютино. В Невской Дубровке строился рабочий посёлок, прозванный жителями «Чудильники» (сейчас это улица Николая Рубцова). Семье дали комнату в бараке. Обменивались дважды. После чего осели в комнате по адресу: ул. Советская, д. 1, кв. 4. (этот дом потом сгорел). Сюда неоднократно приезжал Николай Рубцов. В 1961 году родилась я. Мама уже не путешествовала с отцом, можно, казалось бы, начать нормальную жизнь: жена, двое детей, но отцу на месте не сиделось. Стал ездить один. Причём уезжал без сборов, внезапно, имея в кармане буквально какую-нибудь мелочь. Исколесил всю Россию-матушку. Письма приходили то из тёплых краёв, то из Сибири. Также неожиданно являлся домой. Поживёт немного, успеет поработать, и опять в путь. Однажды вся семья пошла в баню. Папа с маленьким Колей – в мужское отделение, женщины – в женское. Помылись, выходят, смотрят, Коля один стоит на улице, дрожит от холода. Мама спрашивает: «Где отец?». Коля: «Сказал, скоро придёт». Пошли домой. Прошло несколько дней. Тётка Надя, соседка, говорит: «Надо бы в милицию, в розыск подать». Мама говорит: «Не буду подавать. Подождём письмо». Приходит письмо через какое-то время: «Валя, я в Сибири». Без паспорта, без денег. Изредка присылал посылки. Я получала письма, даже однажды 10 рублей мне прислал. Будучи ещё маленькой, написала папе письмо и два стихотворения без названия собственного сочинения. Думаю, папа порадует: вот, мол, дочка стихи пишет! Но в ответ получаю разгромное письмо, где отец пытается объяснить, в чём смысл стихов, что это святое. Он много читал, был прекрасным рассказчиком, плясал, играл на музыкальных инструментах. Любой праздник не обходился без него. В семье Рубцовых все были талантливы: кто пел, кто плясал, кто играл на баяне. До женитьбы отец учился в Москве у профессора Панина по классу

аккордеона. Бросил учёбу. Позже приходили письма (даже маме), уговаривали, чтобы Альберт продолжил обучение. Думали, что бросил из-за неё, погубил талант. После женитьбы приобрели аккордеон. Время от времени, когда нужны были деньги, отец его продавал. Мама ещё домой дойти не успеет, уже знает, кому продал. Всегда выкупала обратно. Николай тоже говорил Альберту, что надо учиться. Хоть и младшим был, а по жизни старшим считался. К написанию стихов отец относился серьёзно. Не один раз отдавал в печать в газету «Невская заря» (г. Всеволожск), откуда приходил отказ со словами: «Стихи хорошие, но не всё можем печатать». Учитель литературы Захаров Станислав Алексеевич, который сам писал стихи, постоянно говорил мне, что у отца талант от Бога: «Мне бы его дар, я бы прославился, а у него нет такой тяги».

В нулевые годы, бывая в Вологде, я приобретал у коллекционеров разные документы, фотографии, связанные с именем Рубцова. Именно тогда в моём архиве оказались три письма к нему старшего брата Альберта. Прочитать их было трудно из-за того, что они были залиты какой-то жидкостью. Мне пришлось даже для расшифровки обращаться в криминалистическую лабораторию. Эти письма были опубликованы в альманахе «Сургут литературный», а потом и в журнале «Наш современник». Все известные мне новые данные о судьбе Альберта я сообщил его дочери Марине, с которой постоянно поддерживаю связь. Она, прочитав давнишние письма отца, ответила:

«Здравствуйте, уважаемый Сергей Алексеевич! Посылку вашу получила. Огромное спасибо! Всё прочтала. Поплакала, повспоминала. Всех жалко: и отца, и маму, и Николая Рубцова. В письме Альберта, где он пишет: «Тома написала мне, чтоб я не приезжал» - говорится о тётке Тамаре, старшей родной сестре моей мамы. Я впервые узнала о том, что тётка Тамара писала Альберту письма. Она была очень властная, любила всеми командовать. Всегда маму настраивала против отца, даже меня,

бывало, отзовёт в сторону и подзуживает, мол, какой у вас отец, такой-рассякой. Про ту фотографию, где я не узнала отца молодого – тётя Галя из Череповца говорит, что Альберт был упитанным молодым человеком. А я его молодым не помню. Помню же в более серьёзных летах, когда он с плешинкой уже на голове, исхудавший, и на Николая похож. Скоро, в июне-июле месяце, собираюсь съездить в Приютино. Там поспрашиваю у тех, кто ещё остался и помнит. У Коли, своего брата, всё спрашиваю, он много всего рассказывает. Запишу и вам вышлю: тоже, может, что-то будет новым для Вас из его воспоминаний. У нас всё хорошо. Работаем, учимся. У Даши 21 июня защита диплома. «Рабочее» название картины – «Первая книжка»: 61-62-ой г.г. Петербургский период, Николай Рубцов стоит у окна с первой своей книгой «Волны и скалы». Если у вас будет время, приезжайте на защиту. Мы пригласили и Лену (дочь Н. Рубцова), и Л. Вересова. Обещали приехать. С наилучшими пожеланиями, Марина».

Даша – дочь Марины, художник. Написала несколько картин на тему поэзии Рубцова. А на фотографии, о которой упоминает в письме Марина, рядом с Николаем Рубцовым не старший брат Альберт, как считали многие, а Кузин Пётр Петрович, житель Приютино. Это узнали только совсем недавно. Я обещал Марине съездить на то место нашей Тюменской области, где жил и похоронен Альберт Рубцов, но у меня этой поездки не получилось. Там побывал мой товарищ Виктор Есюнин, фотографировал те места, встречался с жителями, с библиотекарями. Позже я написал на адрес библиотеки письмо с просьбой поискать в селе какие-нибудь материалы о жизни Альберта, и вскоре пришёл ответ:

«Лагереву Сергею Алексеевичу. По воспоминаниям жителей с. Горнослинкино об Олеге (Альберте) Михайловиче Рубцове 1932 г.р. известно мало. В селе его звали Олег. Приехал он в село в 70-х годах. Умер в 1984 году, похоронен на местном кладбище. Жил по улице Нагорная, в самом конце села в небольшом домике. Дом не сохранился. Жил с Киреевой Клавдией. Её тоже уже нет в живых.

Жители помнят, как он играл на баяне, всегда с охотой соглашался участвовать в проводимых в селе праздниках. На фото он аккомпанирует на празднике «Проводы зимы», приблизительно 1973-1975 годы. Точной даты нет. Играл для души, зарабатывал физической работой. Штукатурил дома, печи вместе с Клавой. Основной работы, где он трудился, не помнят. Олег рассказывал о своём брате – поэте, но в селе ему не особо верили. Вспоминают, что у него была своя тетрадка со стихами. Если появятся дополнительные сведения, я вам сообщу.

Ольга Токарева – библиотекарь-краевед села Горнослинкино»

После получения письма от Марины, дочери Альберта, я переслал его в село Горнослинкино. Через некоторое время получил ответное второе письмо:

«Здравствуйте! Извините, что сразу не ответила, проблемы с интернетом. Очень рада, что смогли чем-то помочь, письмо его дочери растрогало. Новое, что удалось узнать – говорят, приехал он в село вместе с Клавой из деревни Песьяново, возможно Сладковского района. В 1979 году он уже жил в селе. По воспоминаниям жил тем, что клал печи с Клавой, штукатурили, нанимались на временные работы. Помнят, что болел и в г. Тобольске оформлялся на пенсию по инвалидности, возможно, после инсульта. Помнят, как он мог по просьбе сочинить стихи на местную тему, легко и быстро без записи, с юмором, долго рассказывать. Умер, говорят, на крыльце магазина, возможно от сердечного приступа, утром нашли. Хорошо пел. Буду уточнять и собирать информацию и дальше. Виктор Алексеевич договаривался о вечере со школой. От меня он уходил в школу договариваться и больше я его не видела. У нас со школой объединён сельский клуб. Там есть аппаратура, кинопроектор. У меня в библиотеке очень мало места, всего 4 посадочных, в школе есть актовй зал. Учителя сказали, что договорились на 12 мая. После приезда Виктора Алексеевича начала расспрашивать людей, заинтересовались поэзией Н. Рубцова. С уважением. Ольга Токарева»

К сожалению, тетрадку со стихами старшего брата Николая Рубцова, о которой упоминает в письме Ольга Токарева, найти в селе не удалось. А это было бы очень интересно, так как Альберт был не только талантливым музыкантом, но и поэтом. (Все три письма к Николаю Рубцову, которые есть в моём архиве, написаны старшим братом не только в прозе, но и в стихах). Вместо тетради, к нашей радости, неожиданно нашли две фотографии. Конечно, их качество неважное, но всё же можно заметить, что Альберт на них очень похож на своего отца Михаила Андриановича, да и на Николая тоже.

Фотография из с. Горнослинкино (1973-1975). Альберт Рубцов с баяном. Я отправил этот старый снимок его дочери Марине, и она подтвердила, что на ней запечатлён именно её отец.

А эту фотографию мне прислала сама Марина. Она на руках отца.
1961 год

Больше пока никаких данных о старшем брате поэта Николая Рубцова не найдено. Родных у Альберта в селе не было, да и у его сожительницы Клавдии тоже, и их могилы остались безымянными и потерянными. Судьба семьи Рубцовых трагична. Детский дом и неустроенность Николая, неприкаянные скитания Альберта, неизвестность полной биографии младшего брата поэта Бориса. Литературовед-исследователь из Череповца Леонид Вересов ведёт многолетние поиски младшего брата поэта, этим же занимался и вологжанин Вячеслав Белков, к сожалению, уже ушедший из жизни. Найдены интересные документы, есть рассказы свидетелей, но тайна жизни Бориса по-прежнему так и остаётся тайной. Я, кстати, в начале книги уже писал о нём и о своих безуспешных поисках. Пользуясь случаем, хочу снова напомнить об этом и показать фотографию Бориса. Всякое бывает в жизни, может кто и откликнется. Ведь случилось так, что мы нашли старшего брата поэта, тоже потерянного.

Борис Рубцов

***

Письма старшего брата Николая Рубцова – Альберта. После гибели поэта письма находились в собрании Н.А. Старичковой, которая за год до своей кончины подарила их мне.

Письмо первое

Коля дорогой здравствуй!

Письмо твоё получил спасибо. Сразу же прошу извинения за то, что не мог помочь в твоём трудном положении. Ты знаешь, что, если бы была хотя бы небольшая возможность я всё равно бы выручил. Дело в том, что я 2 месяца подряд не работал. Так получилось. И когда получил письмо от тебя я только что пошёл 1-ый день на работу. Работаю на Ржевке на старом своём месте. Так что ты понимаешь. Ну сейчас 25 уже немного получу будет легче. С Валею часто ссоримся сейчас. Хотел даже уходить. Да

пацанов жалко. Потом помирились. Даже я тогда написал такие стихи

Иду я домой и не знаю домой ли

Живу я с женой и не знаю с женой ли

Почти десять лет с нею вместе прожили

А что же случилось? Мы стали чужие...

Коля, но ты всё-таки приезжай ко мне если будет такая возможность. Дела поправятся у меня найдём посидеть с чем. И не обижайся пожалуйста на меня. Ну вот и всё, пожалуйста. Жду встречи очень хочется потолковать.

До свидания пиши

А. Рубцов

Примечание: Письмо написано на двух тетрадных листах в клеточку. Не датировано. Но, можно предположить, что это 1964 - 65 годы, так как в стихах указан почти десятилетний семейный стаж четы Рубцовых, а Альберт и Валентина, как известно, поженились в 1955 году.

Письмо второе

Привет из Воркуты!

Коля здравствуй! С приветом Алик. Работаю на шахте проходчиком заработок плохой. С продуктами неважно. Ещё месяц посмотрю да вернусь наверно обратно. Вот где настоящая скука действительно можно съесть человека. Изредка занимаюсь стихами всё такими же например

*Где-то там наверху
ходят люди спокойно.*

*Где-то там пьют вино
и коньяк в кабаках
Я ж глубоко в земле
только я не покойник*

*Я живой человек,
я с лопатой в руках
Я до майки раздет,
Каждый мускул натужен
От меня, как от лошади валится пар
Но для шахты всегда
я такой лишь и нужен
Здесь не отдыха сад,
здесь не сказочный парк.*

Ну и наподобие этого другие. Коля передай пожалуйста Глебу ноты, а то я не знаю когда приеду и большой привет.

*Звенит звено поэтов новых
Молодых девиц юнцов
Ближе мне из всех знакомых
Глеб Горбовский Н. Рубцов.*

Пока А. Рубцов

Примечание: Письмо написано с двух сторон на единичном альбомном листке. Датировки нет, но так как в письме упоминается поэт Г.Я. Горбовский, то письмо это предположительно послано Николаю Рубцову в Ленинград в промежуток между 1959 и 1962 годами. Судя по тексту письма, Альберт Рубцов был знаком с Глебом Горбовским, и даже писал музыку на его стихи, но сам Глеб Яковлевич, к сожалению, не помнит о встрече с Альбертом ничего.

Письмо третье

*Дорогой Коля здравствуй!
Письмо твоё получил. Спасибо. Только с ответом малость задержался. Устраивался на работу. Сейчас работаю на*

Кушелевке э/монтёром. Приехал недавно. Я тебе писал из Свердловска письмо на союз писателей, мне пришло оно обратно с надписью, что твоё место нахождения неизвестно. О своём приключении рассказывать долго - вообще был на севере, был в Крыму оделся, правда сейчас уже всё в ломбарде, но постараюсь выкупить. Денег было и много и совсем не было. Уехал из Л-да без одной копейки. Вале не посылал потому, что она мне не писала, а от Томки получил письмо, чтоб не приезжал. Я конечно и не хотел приехать, но так как я опять был без документов, то мне пришлось приехать за ними вот и остался здесь. Но приехал без денег. А у меня в последнее время было их 1000 руб. Это я заработал за один месяц и 10 дней. В Крыму же я не работал, просто отдыхал...(нрзб). Первое время мне было конечно трудно, ехал не знал сам куда, без билета, без денег.

*Я мчусь по рельсам, сам куда не знаю
Куда влечёт судьбина меня злая
И может быть каким-нибудь составом
Меня разрежет насмерть по суставам
Да после зимней голодовки долгой
Куски мои растащат злые волки
Не зазвонит мой голос где-то снова
Никто не вспомнит имени Рубцова.*

*Был я в Вохтоге, где раньше жили с отцом на Жениной родине.
Хотел в ...(нрзб)... и то не взяли.*

*Наяву это всё? Иль во сне
Сколько мытарств встречаешь и бед
Злой директор снимая пенсне
Снова слово знакомое – нет
И опять ты угрюмый и злой
От конторы потопаешь прочь
На ногах будет скоро мозоль*

*Коротая на улицах ночь
Я как будто чужой на земле
Как бродяга брожу по шарагам
Только мысли одни, о семье
Меня держат от смертного шага.*

***

*Злые чувства в душе, в голове кавардак
Неужели я всё же болыуций дурак
Почему я всегда поступаю не так
Я серьёзное дело свожу на пустяк
И без слов мне обидно, был в душе огонёк
Ничего видно в жизни я добиться не смог
И засохну я так, как червяк без земли
Где же цель, где же мысли, где песни мои.*

Много об этом путешествии ещё есть стихов, но, если ты пожелаешь напишу в следующем письме. Коля ты обещал мне свой сборник, нехорошо, не по-братски не иметь от тебя не одного, надеюсь ты мне пришлешь. Да в X/Мансийске встречал В. Кунпера (?) ...(нрзб). Он наверно тебе говорил обо мне. Коля не знаю, что со стихами делать, бросить совсем не могу, и печататься тоже наверно не придётся, правда хотелось бы. А ведь о них я только с тобой и говорил. Может послать их кой-куда. Если бы я знал, что ты в Вологде, я бы остановился там у меня и билет был до Вологды, когда я ехал обратно сюда. Ну да ладно когда-нибудь встретимся снова. Коля деньги Валя получила 29 рублей, а также посылку спасибо. Ну вот наступило время пока ничего как-нибудь.

*До свидания пиши жду.
15/1 – 68 г.
А. Рубцов*

Примечание: Письмо написано на трёх тетрадных листках в клеточку. Сильно залито какой-то жидкостью. Прочитано с помощью работников криминалистической лаборатории Сургута и лично её руководителя подполковника Соколова Дмитрия Анатольевича. Не смогли прочитать только несколько слов. Интересно: из письма видно, что Альберт бывал и в Свердловске, и в Ханты-Мансийске. Фамилия «Кунпер» читается приблизительно, сильно размыты буквы, и поэтому она может быть другой... Женя – это молодая жена отца братьев Рубцовых. Тексты писем даны в авторском написании.

Завершая заметки о старшем брате Николая Рубцова, я не стану разбирать перипетии жизни Альберта и давать оценки его поступкам. Ведь написано в Библии: «Не судите, да не судимы будете!». Скажу только, что Альберт не был ни горьким пьяницей, ни лодырем, бегавшим от работы, он был «странным человеком», как писала о своём отце его дочь Марина. Какая-то тревожная неуспокоенность постоянно срывала его с места и звала, звала в дорогу. Этим он был очень схож со своим младшим братом Николаем, который всю свою недолгую жизнь тоже прожил как странник. Альберт Рубцов, несомненно, был талантливым человеком и, как это видно из текстов его писем, так же, как и знаменитый младший брат, не мог жить без поэзии. Это, наверное, и мучило его душу. Но, к большому сожалению, он так и не нашёл себя в жизненной круговерти. Но это была его жизнь! И только его!

Воспоминание

Брату

Помню, луна глядела в окно.

Роса блестела на ветке.

Помню, мы брали в ларьке вино

И после пили в беседке.

*Ты говорил, что покинешь дом,
Что жизнь у тебя в тумане,
Словно о прошлом, играл потом
«Вальс цветов» на баяне.*

*Помню я дождь и грязь во дворе,
Вечер тёмный, беззвёздный,
Собака лаяла в конуре
И глухо шумели сосны...*

Н. Рубцов пос. Приютино, 1957 г.

Ещё хочу напомнить, что кроме неизвестности судьбы младшего брата поэта, для исследователей жизни и творчества Николая Рубцова есть и другие «белые» пятна. Например, не найдено ни одной фотографии матери поэта – Александры Михайловны. Известно одно - единственная фотография, которая хранилась у старшей сестры поэта Галины Михайловны в городе Череповце, была утеряна. Из-за этого Николай Рубцов даже поссорился с сестрой. (*Есть магнитофонная запись беседы Майи Андреевны Полётовой с Галиной Михайловной Шведовой (Рубцовой), в которой сестра поэта рассказывает об этом случае. Г.М. Шведова скончалась в 2009 году*). А на карточке, что переходит из издания в издание, и которую подписывают, что это мать поэта, и которую, к сожалению, также опубликовал Н. Коняев в своей книге о Рубцове, вышедшей в серии ЖЗЛ, изображена совсем другая женщина. Это доказано ещё Вячеславом Белковым. Он показывал этот снимок Галине Михайловне Шведовой (Рубцовой), и она сказала, что это тётя Шура, сестра отца, которая жила в Мурманске. Об этом говорит и дочь Николая Рубцова – Елена. Считаю, что к архивным материалам следует относиться очень серьёзно и ответственно, и перед тем, как их публиковать в

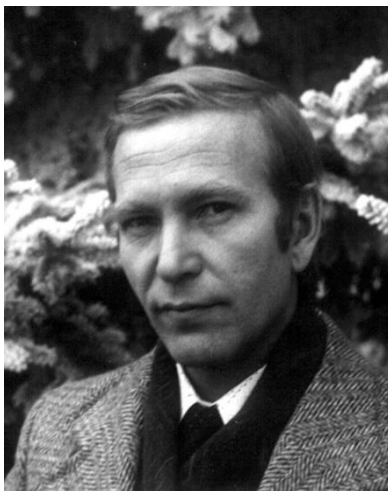
книгах, особенно в такой серии, как ЖЗЛ, обязательно всё уточнять и проверять. Но, к сожалению, тиражирование биографических неточностей, часто даже откровенной лжи и неправды в книгах и фильмах о поэте, а также в других разных источниках, продолжается и поныне. Я призываю всех бережнее относиться к памяти выдающегося русского поэта.

Если кого заинтересуют эти записи и, может, кто знает что-нибудь новое о жизни поэта Николая Рубцова или о его старшем брате Альберте, о младшем Борисе, судьба которого по-прежнему неизвестна, или, вообще, о семье Рубцовых, просьба написать в библиотеку имени Николая Рубцова города Сургута. Адрес представлен в книге.

Послание из прошлого

Николай Рубцов

Иван Олиферовский

Это напечатанное на машинке письмо, адресованное поэту Николаю Рубцову, я приобрёл у Н.А. Старичковой в Вологде. Долгое время оно «отдыхало» в моём архиве, но сейчас, готовя к изданию книгу, решил это письмо опубликовать и поискать в пространстве интернета какие-нибудь данные об авторе этого послания. Итак, вот текст.

«13 сентября 62 г. Здравствуй, Коля!

Ну, что? Выьем за поступление в институт? Ах, как я хочу хорошего вина! Коля, думаю, ты поступил. У нас же было одинаковое количество баллов. И, конечно, уж у вас там был кутёжик! Как у питерских! Коля, не пей водки! И, пока ещё есть волосы, женись. О себе – так. Работаем, жаримся на солнце, глотаем вольный воздух. Супруга у меня (её зовут Люся) большие сидит в отделе, а я в степях. Разгуляться есть где. А по вечерам я пытаюсь писать рассказы (ведь приняли на прозу!) и...получаются, в основном, стихи! Что бы сказал по этому

поводу ваш знакомый В. Боков, сфотографированный в последнем номере «Юности», как шут гороховый. Коля, вот тебе стихи. Как они? Если тебе что-то понравится, если ты будешь давать свои куда-нибудь и, если хочешь, предложи из моих туда же. Но это так – если ... Как там живёт дядя Саша? Что ты изображаешь? Как живёшь? Пришли стихов! Пожалуйста! Что нового в литературном Ленинграде? Стихи отправляю в двух конвертах. Вот так. Ну, напиши, Коля! До встречи весной! Привет тебе от моей спящей Люси. Прикладываюсь – Ванька Олиферовский.

Коля, извини, что посылаю второй экземпляр, первый я отослал в Кемеровское радио».

Конверта вместе с письмом не было и стихов тоже. Дата написания – 13 сентября 1962 года. Автор – некий Иван Олиферовский. Судя по содержанию, он вместе с Николаем Рубцовым поступал в Литературный институт. Кто же был этот имярек? Прежде всего я написал в архив Литературного института, чтобы узнать, учился ли этот человек там или нет и что, вообще, они могут сказать о нём. Ответили неожиданно быстро. Написали, что Иван Александрович Олиферовский действительно учился на заочном отделении прозы Литинститута, закончил его в 1971 году, но дальнейшая его судьба им неизвестна. Что делать? Интернет ещё выдал, что этот человек в молодости писал стихи, печатал их в газетах Алтая и в общем сборнике, также являлся автором нескольких прозаических книг, изданных в Барнауле. И всё! Про автора нет ни слова. Меня это заинтриговало. Я по настоящему «заболел» исследовательскими поисками. Нашёл в интернете сайт Алтайской писательской организации, коль там выходили книги этого автора, и позвонил на предоставленные на сайте телефоны. Мне повезло, попал на какую-то добрую женщину, и она переправила меня к барнаульскому писателю-краеведу Владимиру Александровичу Шнайдеру. Я позвонил, мы хорошо поговорили. Он знал Олиферовского и пообещал прислать мне материал о нём. И вскоре я получил по электронной почте данные об этом знакомом Рубцова из далёкого прошлого и его фотографию. Из

письма я узнал, что они были одного года и месяца рождения: Н. Рубцов – 3 января 1936 года, а И. Олиферовский – 6 января 1936 года. Иван, так же как Рубцов, проходил службу на флоте, только на Тихоокеанском. Любил играть на гитаре и петь. Думаю, что эти совпадения способствовали их сближению. Вот что мне поведал ещё В.А. Шнайдер: *«Некоторое время И. Олиферовский работал в Барнауле на телевидении в редакции сельского хозяйства, в редакции на краевом радио. Один сезон, после окончания геологоразведочного техникума, ходил с геологами. Хорошо писал акварелью, любил мастерить из дерева – дома у него вся мебель была сделана собственными руками. Хорошо играл на гитаре и пел. Ещё из жизни Ивана Александровича известно, что он учился в Литературном институте им. А. М. Горького и жил в одной комнате с Н. Рубцовым. Опять же, это факт не подтвержден. К тому же слишком много однокомнатников нашлось у Рубцова после его смерти. Среди них был и алтайский поэт В. Нечунаев (с его слов, конечно). Кроме того, Иван Александрович окончил в Москве режиссерские курсы (это со слов бывшей супруги). После распада семьи уехал из Барнаула в 1987 году и следы его затерялись».* Из письма В.А. Шнайдера также стало известно, что в семье Олиферовских кроме Ивана ещё было трое младших детей. Интересно было бы найти их. Может они что-нибудь смогли бы рассказать о судьбе своего старшего брата.

Последующие мои, а также специалистов сургутской библиотеки интернет-поиски привели к тому, что мы нашли сына Ивана Олиферовского – Игоря Ивановича. Оказалось, что он сейчас живёт в Испании. Я написал ему на полученный электронный адрес. Ответа долго не было, но через какое-то время всё же Игорь откликнулся: *«Уважаемый Сергей Алексеевич! Прошу извинить за задержку, я очень редко проверяю почту на mail.ru. Мой основной адрес goroliferovsky@gmail.com. Потому прочитал Ваше письмо только сегодня. Иван Александрович Олиферовский действительно мой отец. Он ушёл из нашей семьи в 1968 году, когда мне было 5 лет. Дальнейшая его судьба мне*

неизвестна. Тем не менее, могу подтвердить: 1 – Николай Рубцов и Иван Олиферовский действительно были знакомы, учились в литинституте. Насколько я понимаю, мой отец заканчивал институт заочно. Затем некоторое время работал журналистом в Барнауле, в частности, на радио. Это я помню наверняка — у него был (служебный) портативный магнитофон, чудо техники по тем временам. 2 – Люся - его жена и моя мать Олиферовская Людмила Алексеевна, 1939 г.р. Она тоже была знакома с Рубцовым, подробностей не знаю. В настоящее время она живёт в Твери. 3 – Подтвердить авторство книг не могу, но, полагаю, Иванов Александрович с фамилией Олиферовский не так много на планете Земля, не говоря уже о городе Барнауле. С марта 2022 года я нахожусь в Испании. Семейных архивов у меня тут нет, потому фотографий предоставить, увы, не могу. Не хотелось бы беспокоить по этому поводу мою мать, которую отец оставил одну с маленьким ребёнком, не платил алиментов и вот это всё... Если что, пишите на gmail, там я проверяю почту более регулярно. С наилучшими пожеланиями, Игорь Олиферовский».

Я отправил сыну Олиферовского весь собранный мной материал о его отце. Но ответа не получил. Думаю, что это ему не очень-то интересно. Сказывается, наверное, обида Игоря Ивановича, и я его понимаю. Сам процесс поисков затягивает. Появляется азарт охотника. Хочется побольше узнать не только об авторе послания поэту Николаю Рубцову, но и о всех тех, кого Олиферовский вспоминает в письме. Кто такой, например, «дядя Саша», который фигурирует в тексте. Там также указан известный поэт Виктор Боков. Написано – «ваш Боков» потому, что Олиферовского приняли на отделение прозы, а не поэзии как Рубцова. Хотя, видно по тексту, что Иван писал и стихи. Известно, что Николай Рубцов был знаком с Боковым, что тот даже как-то присылал ему в Ниолу денежный перевод. Иван Олиферовский интересен ещё тем, что он первым ещё в 1962 году написал стихотворение, посвящённое Николаю Рубцову. И не его ли Иван прислал Рубцову вместе с письмом? Мне лично неизвестно, как

это посвящение, вообще, появилось в печати, и кто этому содействовал. Само это стихотворение, кстати, хранится в Вологодском архиве (ГАВО, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 363, 1 лист).

Это я узнал от Леонида Вересова. Вот так кто-то полвека назад разделил послание – письмо оказалось у меня, а листок со стихотворением в архиве.

Николаю Рубцову

*Стихи, будто женские вздохи,
сводили студентов с ума...
А, может быть, это ЭПОХА
в тебе бултыхалась сама?
Ты был и зелёный, и синий,
когда, просыпаясь, вставал...
Ты мне говорил о России и даже...
немецкий сдавал...
Я верить хочу
и я верю,
что будут рыдать от стихов
редакторы,
люди и звери,
которые выдаст Рубцов...*

1962 г.

Что читал тогда Николай Рубцов студентам? Наверное, это были стихи из первого своего сборника «Волны и скалы», изданного в Ленинграде Борисом Тайгиным: о романтике морской службы, грустноватые стихи о Вологодчине, весёлые удалые стихи о своей непростой жизни. Это, конечно, только мои предположения, но эта самиздатовская книжка у Рубцова была тогда первой, единственной. Рубцов ещё никому не известен, но Олиферовский уже увидел в нём большой талант, как бы предвидя, что от стихов поэта в будущем будут рыдать не только редакторы, но и «люди и

звери». Мы с Серёжей Сорокиным опубликовали это коротенькое, с дружеским юмором написанное, стихотворение в книжке «Венок Рубцову», изданной в Сургуте в 2001 году.

Странно, но никто из алтайских литераторов в своих воспоминаниях не упоминает Олиферовского, словно он на Алтае и не жил в то время. Только в книге «Алтайское лето поэта Николая Рубцова», изданной в 2011 году в Барнауле, опубликовано письмо Рубцова, адресованное Борису Шишаеву и Василию Нечунаеву в Литературный институт. Там Рубцов называет эту фамилию, только переиначив её на Алиферовский. Это было лето 1966 года, когда поэт гостил на Алтае.

Уже заканчивая этот материал, я получил печальную весть из Барнаула о том, что И.А. Олиферовского нет в живых уже более десяти лет. Он скончался 12 мая 2011 года. Похоронен в Москве.

Оригинал письма Ивана Олиферовского к Рубцову смотрите в разделе «Документы, автографы».

Первый портрет поэта

Москва. В квартире Н.В. Переслегиной. 2003 г.

Этот портрет Николая Рубцова, написанный в стиле иконописи другом поэта художником Валентином Малыгиным в 1970 году, известен многим. Его на выставке видел и сам Рубцов. Почему я о нём вспоминаю? Да потому, что этот холст мог бы стать моим. Летом 2003 года я по дороге в Вологду остановился в Москве у Наиры Вартановны Переслегиной. Это имя известно всем любителям творчества Николая Рубцова. Программа у меня была насыщенная. Я встречался в Государственной Думе с Анатолием Ивановичем Лукьяновым, с критиком Михаилом Петровичем Лобановым, с Майей Андреевной Полётовой и другими. А Наира Вартановна в это время привезла от некоего

Юрия Рыболовова, который одно время общался с поэтом, этот портрет и посмертную маску. Сам Ю. Рыболовов был сильно болен, семье нужны были деньги, и портрет продавался. Я мог бы его купить, деньги у меня были. Но я решил сначала съездить в Вологду, а потом решиться на покупку. Пока ездил и думал, холст приобрёл Тотемский музей. Вот так нас жизнь постоянно учит: «Если что нравится, то бери сразу!». А если честно, то я даже рад, что так случилось. Этот прижизненный портрет поэта, настоящий музейный раритет, и он должен «жить» в музее города, родного Николаю Рубцову. Именно эта картина Валентина Малыгина стояла в изголовье у гроба поэта в вологодском Доме художников 21 января 1971 года.

В архиве сургутской библиотеки имени Николая Рубцова хранятся и показываются на выставках замечательные подарки Наиры Вартановны: расписная фарфоровая тарелка «Зимняя песня», выполненный на картоне акриловыми красками триптих «На малой Родине Рубцова», книги, альбомы. Именно с помощью Наиры Вартановны в Москве были изготовлены копии посмертной маски Рубцова и одна подарена мне. С этой удивительной талантливой женщиной, кандидатом физико-математических наук, художником, соратницей по увлечению творчеством Николая Рубцова я дружу по сей день.

Горел прощальный наш костёр

До выхода на пенсию в 2003 году я работал по своей основной профессии токарем в Тюменьэнерго. И все мои занятия коллекционированием, библиофильством, собирание архива по творчеству поэта Николая Рубцова – это были мои увлечения для души. Приезд в Вологду в июне 1998 года на открытие памятника Николаю Рубцову дал очень много для этих моих занятий. Я познакомился там с большим количеством людей, так или иначе связанных с жизнью и творчеством поэта. Одним из них был Иван Алексеевич Серков, друг и товарищ Николая Рубцова по детскому дому. Мы обменялись адресами. И как-то раз мне пришла бандероль от Серкова, в которой были две школьные тетрадки с набросками воспоминаний Ивана Алексеевича и несколько фотографий, снятых ещё одним товарищем Рубцова – Сергеем Багровым в то время, когда они втроём: Николай Рубцов, Сергей Багров и Иван Серков, встретились в августе 1964 года в Николе и провели вместе несколько дней. Я как-то отложил на потом расшифровку записей Серкова, а вскоре сам автор опубликовал эти воспоминания. Видно, у него был второй экземпляр. Восполню один фрагмент из послания Ивана Серкова ко мне: *«Здравствуйте Сергей Алексеевич. Низко кланяюсь Вашей жене. На ошибки не обращайтесь внимания. Я уже забыл правописание. Я посылаю свои черновики, в которых душа Н.М. Рубцова, и моя тоже. Возьмите из них то, что вам нужно. ... У нас в Череповце тоже открылся памятник Коле. После открытия памятника в Вологде был установлен фестиваль, или как его называют шоу-парад, т.е. сочинение музыки на стихи Н.М. Рубцова. А называется шоу-парад «Рубцовская осень». И будет проходить каждый год. Написана музыки на стихи Коли около ста. В селе Никольском Тотемского района Вологодской области открывают музей Коле Рубцову. В одном из зданий детдома. Если Вам придётся*

побывать здесь в наших местах, то обязательно побывайте. Если вдруг соберётесь, я с удовольствием составлю Вам компанию. Я покажу Вам заветные места Коли Рубцова. А то, что задержался с ответом, на то веские причины.

С уважением И.А. Серков.

Спасибо.

Если вдруг соберётесь летом, я буду по адресу: Чёбсора, Шекнинского района Вол. области. Это по железной дороге в 60 км. Между Вологодой и Череповцом».

Больше мы с Иваном Алексеевичем не встречались. Переписка потом тоже прекратилась. Наверное, в этом был виноват я, слишком было много у меня всяких дел. А И.А. Серков, к большому сожалению, в 2014 году скончался.

«Взбегу на холм и упаду в траву». Николай Рубцов

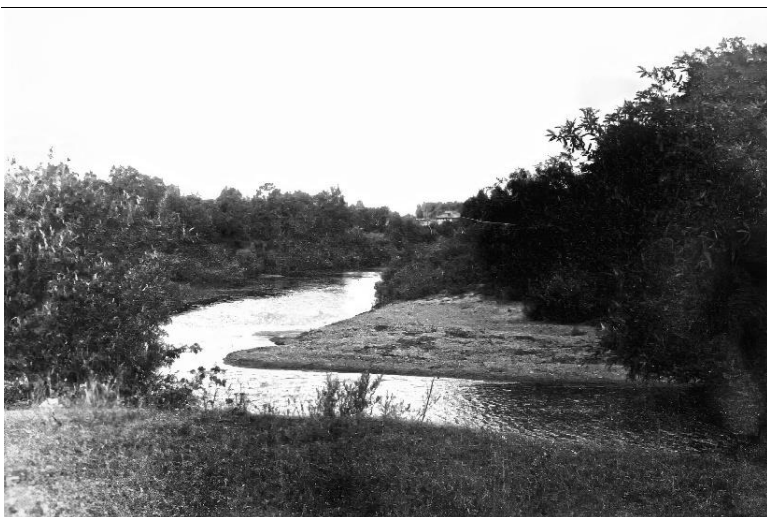
Иван Серков

Серей Багров и Николай Рубцов

Околица села Никольского

Речка Толшма

Именно эта встреча трёх друзей в Николе в августе 1964 года послужила толчком к написанию Николаем Рубцовым стихотворения «Прощальный костёр».

*В краю лесов, полей, озёр
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костёр,
Как мимолетный сон природы...
И ночь, растраченная вся
На драгоценные забавы,
Редееет, выше вознося
Небесный купол, полный славы.
Прощай, костёр! Прощайте все,
Кто нынче был со мною рядом,
Кто воздавал земной красе
Почти молитвенным обрядом...
Хотя доносятся уже
Сигналы старости грядущей,
Надежды, скрытые в душе,
Светло восходят в день цветущий.
Душа свои не помнит годы,
Так по-младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы...*

Две фотографии, из представленных здесь, я передал в своё время писателю Николаю Коняеву для публикации в его книгу о Рубцове в серии ЖЗЛ. Одна также была опубликована в книге М. Сурова. Я же хочу показать все пять снимков, которые мне присылал Иван Серков. Фотографии любительские, нечёткие, сняты фотоаппаратом «Смена», о чём мне говорил С.П. Багров. Но показать их мне хочется. История!

Слово о поэте

А. Дженти

«Странная штука поэзия! Как верно она предвещает нам пути Господни. В крещенские морозы ты – то ли в шутку, то ли всерьез, собрался в безвозвратный путь. А руки твоей возлюбленной, твоей подруги жизни, как бы не хотели тебя отпустить: схватили они тебя мертвой хваткой. Её руки – не руки – глупо застыли на тебе, заснувшим. Мне Ольга, наша Фокина, время спустя, что-то неохотно объяснила, а глаза её были полны состраданием. Не знаю, какой был вид у твоей возлюбленной тогда, в тот жуткий час, но я знаю наш вид при вести об ужасе: мы все застыли с глупым видом. Милый Коля, не сердись, что никого из нас не было тогда с тобою рядом. И дружба здесь бессильна. Никто тебя в тот миг не защитил, Россия сама не могла тебя защитить: она была занята, занята премиями. А тебе от лавров было жутко больно... Мы, твои друзья, состарились с тех пор. Лишь ты остался молодым, как Пушкин, как Лермонтов, – Рубцов. И каждый раз, когда наступают крещенские морозы, кто-то тихо в храме молится о тебе. Это Русь, та самая старая женщина – Русь, которая никак не может быть делимой даже в бедствии и несчастье».

Ю. Балувевский

«Всё же что-то в моей душе перевернуло это знакомство с поэзией и жизнью, считаю, великого поэта сегодняшнего времени. То, что писалось Николаем Михайловичем Рубцовым, созвучно и актуально сегодня. И то, как он передал своё восприятие боли той жизни, которая была, будем так говорить, не столь для него прекрасной. Вот это, наверное, и всколыхнуло мою душу».

Н. Бурляев

«Николай Рубцов является талантливым продолжателем истинных традиций русской поэзии, поэзии Пушкина, Лермонтова, Есенина. Его судьба была очень драматична, как и характерно для русских поэтов: никому из них легко не было. Убили Пушкина, травили и убили Лермонтова, вот и Рубцов – вроде был среди своих, но как чужой. Хотя ему, конечно, очень повезло с тем, что в период его учебы в литинституте там собралась целая плеяда замечательных наших писателей, таких как Василий Белов, Астафьев, Распутин. Как же нам недостает такого поэта, как Николай Рубцов, сегодня!»

В. Ганичев

«Нет сомнения, что Рубцов явление уникальное. Мы были свидетелями, наше поколение было свидетелем величайшего события, когда на наших глазах вырос, появился, расцвёл и стал, безусловно, великим - поэт. Рубцов появился на наших глазах.

ОН ПРИШЁЛ К НАМ, КАК БОЖИЙ ДАР!..

... В Рубцове мы просто узнали всё то самое лучшее, самое светлое, самое сокровенное, что всегда было и всегда будет в нас - в вологжанях и москвичах, в питерцах и орловчанах, в каждом русском человеке. Наша боль и печаль, наша тихая, наша вечно негромкая радость, сама наша русская жизнь вдруг словно бы стали теми живыми нитями, из которых сотканы ДРАГОЦЕННЫЕ СТРОКИ РУБЦОВСКИХ СТИХОВ.

И даже в последние десятилетия, когда, кажется, кроме Марининой и Донцовой люди уже ничего читать не хотят, книги Николая Рубцова разошлись по домашним библиотекам более, чем миллионным тиражом! Без подсказок с телеэкрана, в полной тишине тиражи тихих рубцовских строк превзошли тиражи самых раскрученных мастеров детектива, чернухи, порнухи и всякого прочего массового чтива».

А. Грунтовский

«На первый взгляд может показаться, что поэтический инструментарий Николая Рубцова очень слаб. Это, наверное, единственный поэт, который не пользуется метафорой. Рубцов пользуется очень простыми рифмами и очень простыми ритмами. Его инструментарий настолько беден, как он беден в архаичном фольклоре. Потому что, скажем, сказителю былин или автору духовных стихов этого тоже ничего не надо. Он общается напрямую с Богом, как в «Полку Игореве». Где там гипербола или метафора? Но образы сильнейшие! «О, Русская земле! Уже за шеломянем еси!» А у Рубцова: «Взбегу на холм и упаду в траву!» Всё!».

С. Гуртуев

«Сейчас много пишут о нём, издаются его книги. Не обласканный при жизни, как это всегда у нас бывает, современники его и соплеменники, как бы стараясь вернуть ему недоданное, говорят так много, что иногда задумываешься: а зачем какие-то черты его характера, как будто нарочно подчёркнутые, нужны мне, да и читателю. Никогда бы никто не подумал, что Рубцов бывал задирист, колок, еришист при определённых обстоятельствах.

Он Поэт. Вот и всё... Мне думается, надо подчёркнуто говорить именно об этом. На Кавказе имя настоящего поэта, скажем уровня Рубцова, сакрально. Таким я и старался представить нашим читателям его...

Так вот, работа комиссии продолжалась два дня. Нас всех приняли в члены Союза писателей СССР. На второй день состоялся вечер поэзии в Центральном Доме литераторов, где выступали молодые члены Союза. Программа этого вечера, где были все фамилии новых членов Союза писателей, в том числе и Рубцова, я храню до сих пор, ибо это было и моё первое такое крупное выступление».

Д. Кан

«...В минуты музыки печальной

Не говорите ни о чём.»

«Не потому ли так сложно говорить об авторе этих гениальных строк, что музыка его поэзии подвластна постижению скорее, как музыка, нежели как словесность? Автор этих строк любил исполнять свои стихи под музыку, аккомпанируя себе на гармошке. Но если вслушаться в его поэзию, глубоко народную, то услышишь поистине космическую симфонию России и изумишься тому, что этот космизм поэт умеет «вселить» в самые обыкновенные, казалось бы, вещи – горницу, роцу, речку, село, в обычных людей, о которых писал... Он прожил жизнь сколь короткую, столь же яркую. Жизнь земного советского человека. Но при этом – жизнь избранника небес. Он был из той редкой категории поэтов-пророков, к которой принадлежали Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин... Он предрёк свою трагическую гибель в январе и – навсегда остался любовью и болью нашего народа, поющего песни на его стихи, частенько позиционируя его авторские стихи как народные. Об этом любой поэт может только мечтать, а ему это было подарено свыше. Он ушёл и оставил нам загадку, которую мы не можем отгадать доселе. Почему, читая его с виду такие простые стихи, даже те, кто не замечен в избыточной лиричности, начинают плакать и сами не могут объяснить – почему? Он преподал нам великий урок, что Россия, Русь – это не только гармошка и заливистая частушка. Россия – это небесная симфония, которой пронизан весь русский сельский быт, столь похожий, если глянуть на этот быт глазами поэта – на бытие. Его слова «Россия, Русь, храни себя храни!» – есть заветное и завет всем нам, данный накануне грозных испытаний, попущенных России свыше. Он объединяет всех нас, таких разных и таких равных перед лицом его животворящего слова – детишек и пенсионеров, верующих и атеистов, мужчин и женщин, горожан и

сельчан, северян и южан. Он великий фактор нашего осознания себя единым нерасторжимым целым в то время, когда это осознание особенно нужно России.

Имя ему – Рубцов!».

Г. Красников

«Истинность и значимость поэзии Николая Рубцова именно в единстве с национальной культурой, которая дает художнику широту и глубину взгляда на современность и тем самым включает его творчество в контекст отечественной истории. В этом смысле стихи Рубцова явление для XX века действительно неожиданное и уникальное. В русской литературе имя Рубцова занимает особое место еще и потому, что можно говорить о своеобразии исторического взгляда поэта, о панорамности (как у автора «Слова о полку Игореве») его зрения. Обратимся ли мы к его классическим стихам:

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...».*

А. Локтев

«Его стихи читаешь с ощущением, что сам их написал. Это ты. Это часть тебя, как ты часть своего народа. В Рубцове была благодать и неважно, как он жил. БОЛЬШОЙ ТАЛАНТ И БОЛЬШИЕ ИСПЫТАНИЯ БЫЛИ ДАНЫ ЕМУ. И он это понимал. Двадцать восемь лет прошло с момента его смерти и обвинять никого не надо. Надо знать одно: то, что дает свет, - очищает. Как его стихи. А то, что развращает, - не искусство, не стихи.

– Кто виноват? – по-прежнему горестно недоумевают многие вологжане. Никто не виноват, так чувствуете сейчас вы. Дело не в вине конкретной убийцы, а в не уходящем вопросе: почему? Почему погиб поэт?

– Знаете, десять лет я работал в Ленинграде, в знаменитой Александринке. Однажды позвали в университет, на вечер памяти Рубцова, предложили почитать и... поговорить с этой дамой. Нет, не могу. Будь она хоть королева неандертальская, ЖИЗНЬ ОТНИМАТЬ НЕ ДАНО НИКОМУ. Дали ее воспоминания в рукописи. Не без усилия начал читать. У нее все время: я, я, я... Показалось, что у Рубцова все от Бога, а у нее все – от безмерной гордыни. Свои стихи приводит. С рубцовскими – небо и земля. Читая их, я понял, все – сплошная ложь. И еще я понял, почему она убила Рубцова: завидовала и ревновала. Убить этот будоражащий талант было для нее единственным выходом».

А. Нестругин

«Рубцов – это тихий, но так ясно слышимый голос непарадной, глубинной, корневой России, её народный поэт. Творческое наследие его невелико, но оно поистине «томов премногих тяжелей». Я даже думаю, что, если бы Николай Рубцов написал только два стихотворения – «Тихая моя родина» и «Звезда полей» – он все равно остался бы в русской поэзии, блистательно продолжив «книгу Тютчева и Фета». Будучи поэтом подлинным, Рубцов указал дорогу и поэтам моего поколения – «Топ да топ от кустика до кустика / через город Тотьму и леса». Дорогу, где нельзя «срезать угол», «подъехать на попутке»: через хлябь, через глушь, мимо обезлюдевших хуторов и деревень – к своей Родине. В поэзии, сказал он нам, нет окольных путей, все они – через Николу, Устюг, Вологду, которые у каждого свои, – ведут к ней, к России. А без Родины, без кровной, жгучей и смертной связи с ней, настоящей поэзии нет».

В. Позгалёв

«Как-то ехал я в машине поздно ночью. Вокруг была заснеженная равнина, всё небо было в звёздах, и вдали мелькали огоньки вологодских деревень. В машине звучала песня на стихи Николая Рубцова «В этой деревне огни не погашены» в исполнении

Татьяны Петровой. И настолько это было естественно, настолько очевидно, настолько точно отражало то, что видел я и чувствовал, что я поразился такому точному восприятию поэтом окружающего мира! Есенин – великий поэт, но вот он какой-то для меня чужой. Он смотрит на мир через призму того времени, и, наверное, он был тогда точен. А вот Рубцов – мой современник, живёт с нами, живёт в наше время, поэтому так легко воспринимается. Я не специалист в области поэзии, поэтому чувствую и принимаю талант Рубцова не столько умом, сколько сердцем».

Т. Пулатов

Из воспоминаний о Николае Рубцове:

«... Как люди, которых уже не веселит выпитое, а только ещё больше вводит в тоску, чувствующие чужими на празднике иностранной жизни, мы предавались воспоминаниям о прекрасной, взбалмошной студенческой поре, и оказалось, что мы с Кузнецовым в конце 60-х даже жили в одном общежитии «поэтов и киношников» на улице Руставели в Москве. И когда я медленным, полусонным голосом стал вспоминать трагикомическую историю соседа по этажу Николая Рубцова, как мы сообща собирали его во Дворец бракосочетаний, когда Рубцов надумал жениться и остаться в Москве, с Кузнецова будто хмель слетел, и он сел на кровать: – Расскажи... Этого эпизода из его биографии я не знал... Кто-то на время дал Рубцову-жениху сорочку, кто-то натянул не его худые плечи пиджак, я же презентовал ему галстук, который никогда не носил и не умел завязывать. Такси уже протяжно сигнажило внизу, и сокурсники Николая затолкали его, смущённого и растерянного, в лифт. К вечеру в жестяных чайниках сварили пельмени, картошки, сложились на портвейн «777» и стали ждать возвращения новобрачных. Явился лишь один Передреев навеселе и принялся хохотать. В чём дело?.. Оказывается, когда такси подкатило к загсу, Рубцов, всю дорогу молчавший, вдруг высадил

из машины свидетелей, а сам дал команду таксисту – ударить по газам – и на вокзал...

– Не вынесла душа поэта житейской суеты, бросил Москву и плачущую невесту – и на родину! – рассказал несостоявшийся свидетель регистрации Передреев. Кузнецов долго молчал, а потом произнёс: Такими поэтами, как Рубцов, двигают не обстоятельства, а судьба... – И продекламировал глуховатым голосом: – «Слухи были глупы и резки: кто такой, мол, Есенин Серёга... сам суди: удавился с тоски, потому что он пьянствовал много... Да, недолго глядел он на Русь голубыми глазами поэта, но была ли кабацкая грусть?.. Грусть, конечно, была, да не эта!» Вот так – заключил Кузнецов, - Рубцов, как и Есенин, чувствовал зов судьбы. Потому и не остался в Москве, не слыша в каменных джунглях звуков своей малой родины. И уехал, чтобы встретить смерть от другой женщины...»

Е. Семичев

ВЕЩИЙ ГАМАЮН...

«Вот кто такой Рубцов для русской поэзии и русского национального самосознания! Для забывчивых поясню, что Гамаюн – птица, которую мы можем увидеть на старинных резных наличниках русской глубинки. Птица, оберегающая от зла и приносящая счастье добрым людям. Тем людям, которые порой вопрошают небо о счастье – где оно? Им (нам!) отвечает Рубцов своей пронзительной строкой: «Это на том берегу...». Кто помнит это стихотворение, лирический герой ищет могилы предков, приехав на малую родину после долгой разлуки. Ищет и – не может найти! Спрашивает жителей, и они отвечают: «это на том берегу». Вот так и наша истинная Родина – НА ТОМ БЕРЕГУ, а мы пока, к сожалению, на этом берегу, потому что забыли своих предков, их мудрость и заповеди, и не можем пока их найти и к ним перебраться через бурную реку повседневности. Светлый, душевный, лирический Рубцов. Но он же и – пророк! Как всякий природный, по небесному соизволению – поэт. Пророческих

строк у Рубцова не счесть, что ставит его в один ряд с Пушкиным и Лермонтовым. Надо просто уметь его читать. Впрочем, поэзия Рубцова уже сама вправе выбирать, кому ей нравиться, а кому нет».

В. Сергеев

«... Недели не видел России - мне скучно. Родина - превыше всего. Эскизы к портрету Рубцова. Он приехал к нам в деревню. И говорит мне, прощаясь: «Надо уезжать». Чувствительный он был. Взгляд пронзительный. У Николая Рубцова в стихах – чувства. Многие пишут, хорошо пишут, а всё же выжимают из себя. Он сердцем писал. Долгожданный поэт! Такого открытого, гармоничного не было. Здорово, что я с ним встретился. Полторы недели пожили вместе в деревушке Оленьево. Он мне понятен, близок по детскому дому. Побывал на его родине. Потянуло так, что пехом шли 25 километров...».

В. Смирнов

«Вот говорят, что у него не было настоящего образования, воспитания, не было университета. Всё это чепуха! А служба на эсминце на Северном флоте — это не университет? А годы в детдоме в военное время – это не университет? Какая сила переживаний, тоски, того, что дано поэту, чтобы он почувствовал Родину, или то, что называется пейзажем вот этой северной Руси, и не только северной! Через такое, знаете, мощное страдальческое начало. Причём, не кокетливое – скромное. Или говорят, что он какой-то уж очень простой. Это не совсем простота. Это также и Пушкин – простой! Он бездонен в своём содержании, Пушкин! Вот эта прозрачность – это тоже всё очень сложно. Также самое и Рубцов! У него же есть просто грандиозные по драматизму вещи! Я не буду сейчас их называть. Я вот очень люблю «Бродягу». Такую какую-то странную вещь о бесприютности русского человека. Ему как-то стыдно жить хорошо. Я под русскими не подразумеваю расовый

состав крови. Я имею в виду определённую полноту чувств, определённое осознание мира, пространства, времени. И, конечно, поэты после помешательства всемирности всякой, известной космополитичности, вернулись к русскости. Причём, что главное, не впад при этом в провинциализм и духовный, и интеллектуальный, и чисто художественный, когда обращение к корням, к почве приводит к какому-то этнографическому провинциализму. Всё у них, как и у их великих предшественников. А кто их предшественники? Это Тютчев, Блок... Почему считается, что если он крестьянский, то что он – лаптем стучит? Да, это скромный человек, иногда и в сапогах. Как и Шукшин в своей прозе - наследник великой русской новеллистики 20 века. Потому что дать в маленьком объёме эту бездну пространства, как говорил Гоголь, в настоящем поэтическом слове, а в слове Пушкина – бездна пространства. Вот это есть и у Рубцова! Отсюда особая мелодичность, отсюда внешняя и внутренняя музыкальность, отсюда, при кажущейся элементарной простоте, сквозит огромная сложность того, что представляет собой русский человек на дороге «от дома к реке», «от парома в гору, где лежат развалины собора», как это было у Рубцова. И на высокой дороге от жизни до смерти, иногда до славы».

Е. Соколов

«Сварили на костре уху. Была прекрасная белая ночь. Мы все сидели вокруг костра. У местного жителя, деда Кирсана, взяли гармошку, и Николай Рубцов играл на ней и пел свои песни: про морошку, про деревню... Вдохновенно читал свои стихи. Был в центре внимания. В разговор с Николаем я вступал редко, больше наблюдал за ним. Я почувствовал в нём родственную душу: жизнь в детдоме наложила свой отпечаток на каждого из нас. С творчеством Рубцова я был знаком и раньше, а тут, у костра, увидел в этом человеке слиток таланта и почувствовал искреннюю любовь его к российской земле.

В эту ночь у меня и возникла мысль написать портрет поэта Рубцова. Для создания портрета я использовал опыт Дионисия, расписавшего пигментными красками Храм Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре. Пигментные камушки разных оттенков встречаются в большом количестве только вблизи Ферапонтова. Я собирал их на берегу Бородавского озера и по дорогам близ Ферапонтова более трёхсот оттенков. Чтобы пользоваться пигментами, надо камушки растереть курантами (это специальные твёрдые камни с одной отполированной поверхностью) с водой на гранитной гладкой плите. В итоге получается тесто. Далее в него добавляется в определённых пропорциях яичный желток, пиво (или сухое вино) и антисептик. Писал не на холсте, а на паволоке. Это холст, приклеенный на твёрдую основу и загрунтованный. Как в иконописи. Пятнадцать лет портрет был не востребован, находился у меня в мастерской. Только к 70-летнему юбилею поэта Департамент культуры Вологды приобрёл этот портрет. Его возили в Москву на торжественный концерт, посвящённый Николаю Рубцову. Сейчас портрет находится в Вологодской картинной галерее».

М. Ульянов

«...На Руси то там, то здесь рождаются люди, которые в силу Богом данного таланта становятся защитниками всего русского, только этими правдолюбцами, чувствующими душу русского народа, и держится Русь. И не только чувствующими, но и очищающими то, что замусорено борзыми, крикливыми, судорожно старающимися успеть раньше других выскочить на авансцену жизни. Николай Рубцов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Валерий Гаврилин – все эти пронзительные певцы земли русской, скромные и несуетные. У них есть что сказать о своём путанном народе, у них болит душа и сердце, а не глотка и язык».

ПРИМЕЧАНИЕ К РАЗДЕЛУ «СЛОВО О ПОЭТЕ»

Анджело Де Дженти – кинорежиссёр, продюсер. Италия.

Балуевский Юрий Николаевич – генерал армии. Москва.

Бурляев Николай Петрович – актёр, кинорежиссёр. Народный артист РФ. Москва.

Ганичев Валерий Николаевич (1933 – 2018) – советский и российский писатель, журналист, общественный деятель. Москва.

Грунтовский Андрей Вадимович – поэт, литературовед. Санкт-Петербург.

Гуртуев Салих Султанбекович (1938 – 2020) – балкарский поэт. Нальчик.

Кан Диана Елисеевна – поэт. Новокуйбышевск, Самарская область.

Красников Геннадий Николаевич – поэт, публицист. Москва.

Локтев Алексей Васильевич (1939 – 2006) – заслуженный артист России. Москва.

Нестругин Александр Гаврилович – поэт. Воронеж.

Позгалёв Вячеслав Евгеньевич – экс-губернатор Вологодской области.

Пулатов Тимур Исакович – прозаик. Москва.

Семичев Евгений Николаевич – поэт. Новокуйбышевск, Самарская область.

Сергеев Владислав Александрович – заслуженный художник РСФСР. Череповец, Вологодская область.

Смирнов Владимир Павлович – критик, профессор Литературного института. Москва.

Соколов Евгений Александрович – заслуженный художник России. Вологда.

Ульянов Михаил Александрович (1927 – 2007) – народный артист СССР. Москва.

Заканчивая эту книгу о выдающемся русском поэте Николае Рубцове, хочу сказать, что его пронзительная лирика всегда будет волновать людские сердца, а светлая печаль о его нелёгкой судьбе тревожить души. Это тот уникальный поэт, сохранение памяти о котором шло не по разнарядке и приказам сверху, а снизу, от обычных людей, искренне любящих его творчество и понимающих русскую литературу. И это напрягало высокое начальство в министерских кабинетах, но воспрепятствовать этому движению они уже не могли. И Николай Рубцов стал поистине народным поэтом. Так сложилась жизнь, что мне посчастливилось быть знакомым с людьми самых различных профессий и увлечений, которым поэзия Николая Рубцова была близка по духу, и они делали всё возможное для популяризации его лирики. На страницах этого издания я попытался рассказать об этих встречах. Как это получилось, решать вам, читатели. Время неумолимо, многих, о ком я вспоминаю в своих заметках, к сожалению, уже нет на свете. Будем помнить и молиться за них. Тем же соавторам этой книжки, кто продолжает свою творческую деятельность, хочу пожелать здоровья, всяческих благ и надеюсь на будущую встречу с ними в Сургуте.

Документы, автографы

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ГОРОДСКОЙ ОКРУГ ГОРОД СУРГУТ
ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА

РАСПОРЯЖЕНИЕ

«10» 06 2020

828

О присвоении наименования библиотеке

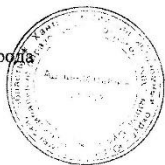

от: 10/06/2020

В соответствии с распоряжениями Администрации города от 30.12.2005 № 3686 «Об утверждении Регламента Администрации города», от 13.05.2013 № 1619 «О городской комиссии по топонимике», на основании решения городской комиссии по топонимике (протокол от 05.03.2020 № 81):

1. Присвоить структурному подразделению муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система» библиотеке № 21 имя Николая Михайловича Рубцова.
2. Управлению массовых коммуникаций разместить настоящее распоряжение на официальном портале Администрации города: www.admsurgut.ru.
3. Муниципальному казенному учреждению «Наш город» опубликовать настоящее распоряжение в газете «Сургутские ведомости».
4. Настоящее распоряжение вступает в силу с момента его издания.
5. Контроль за выполнением распоряжения возложить на заместителя Главы города, курирующего социальную сферу.

Глава города

В.Н. Шувалов

Сургут. Распоряжение Администрации города о присвоении библиотеке № 21 имени поэта Николая Рубцова. 2020 г.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
Тюменская областная писательская организация

г. Тюмень, Дом Советов

Телефоны 94-5-72, 94-4-01

20/X 1969 г.

№ _____

Дорогой Николай!

В середине декабря будет проходить четвертая Тюменская Неделя поэзии, в которой примут участие поэты Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Омска, Кургана и Тюмени.

Тюменская областная писательская организация просит Вас принять участие в Неделе. Во время Недели поэты побывают в Тобольске, на Ямале, в Приобье. Встретятся с геологами, рыбаками, нефтяниками, хлеборобами, строителями. Своими глазами увидят как в глухой болотистой тайге и непроходимой тундре создаётся крупнейший энергетический гигант мира.

Наша организация берёт на себя оплату всех командировочных расходов, а также за участие в коллективных выступлениях (их намечено до 20) Тюменское бюро пропаганды выплачивает гонорар каждому поэту по 30 рублей. За "сольные" поэтические вечера будет выплачиваться гонорар в зависимости от сбора, но не менее 200 рублей.

В ходе Недели участники ее выступают по Тюменскому, Канты-Мансийскому, Нижне-Вартовскому телевидению и окружному радио. Их произведения будут напечатаны на страницах областных газет.

Мы рады будем видеть Вас на земле Тюменской, среди участников поэтической Недели. Пожалуйста, сообщите нам, согласны ли Вы с нашим предложением.

С дружеским приветом.

Ответственный секретарь
писательской организации

И. Лагунов

И. Лагунов

Приглашение Николая Рубцова в Тюмень на Неделю поэзии. 1969 г.

Дорогой
21/11-69 Константин Лагунов,
Я получил Ваше письмо с
приглашением на Неделю
Тюменской поэзии.
Благодарен Вам за это
предложение и отвечаю
на него полным согласием.
В таком случае держите
мене, пожалуйста, в курсе
дела, сообщайте, пожалуйста,
конкретные шаги в этом
направлении.
Орденный путь к Тюмени
моятема и поэзия!
Николай Рубцов
-
Мой адрес: 7 Вологда,
Тиссателская
организация.
12/11-69г.

Ответное письмо Николая Рубцова в Тюмень. 12.11.69 г.

Сергей Алексеевич, как там?
Если ты всё богигой, то помни эту сентен-
цию... В Омске и впадёт Боду стал
по Омску.

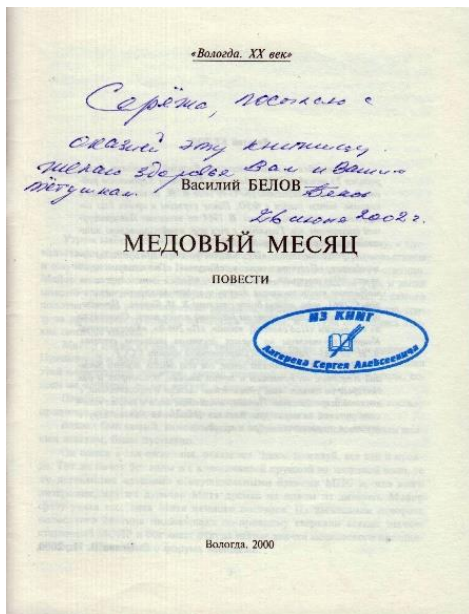
В.И.
30.1.1900

Записка от В.И. Белова

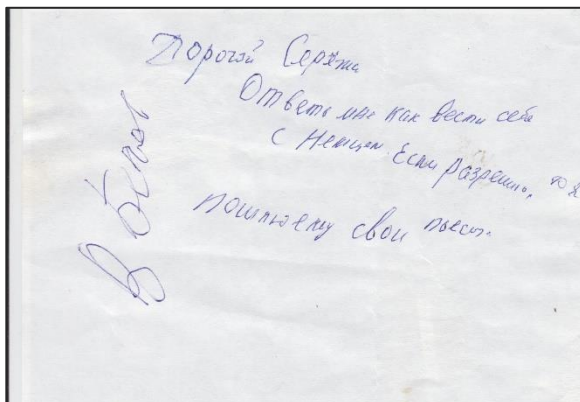
Над гробом Н. М. Рубцова
при встрече он иногда
называет меня Мама
и я скорбю по матери и
таль таль что мы не смогли
спасти его от тех роковых минут
Он за свой недомогатный путь
оставил на земле след
добрый памятник

Белова А.И.

Записка матери В.И. Белова Анфисы Ивановны
на смерть Николая Рубцова

Книга, подписанная В.И. Беловым

Записка В.И. Белова

13 сентября 62 г.

Здравствуй, Коля!

Ну, что? Выпьем за поступление в институт? Ах, как я хочу хорошего вина! Коля, думаю ты поступил. У нас же было одинаковое количество баллов. И, конечно, уж у вас там был кутежик! Как у питерских!

Коля, не пей водки! И, пока еще есть волосы, женись.

О себе - так. Работаем, жаримся на солнце, глотаем вольный воздух. Супруга у меня /ее зовут Лясей/ больше сидит в отделе, а я - в степях. Разгуляться есть где.

А по вечерам я пытаюсь писать рассказы /ведь приняли на пробу!/ и... получается, в основном, стихи! Что бы сказал по этому поводу ваш знакомый Е.Ежов, сфотографированный в последнем номере "Эности", как шут гороховый!?

Коля, вот тебе стихи. Как они? Если тебе что-то понравится и если ты будешь давать свои куда-нибудь и, если хочешь, предложи из моих туда же. Но это так - если...

Как там живет дядя Саша? Что ты изображаешь? Как живешь?

Пришли стихов! Пожалуйста! Что нового в литературном Ленинграде?

Стихи отправляю в двух конвертах. Вот так. Ну, напиши, Коля!

До встречи весной!/?/ Привет тебе от моей спящей Ляси.

Прикладываюсь - Ванька Олиферовский.

Коля, извини, что посылаю второй экземпляр, первый я отослал в Кемеровское радио.

Письмо от Ивана Олиферовского. 1962 г.

Москва

18 января 2004г.

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Рад был Вашему соболезнованию звонку по телефону. Мне долго не было в Москве и потому Вы не могли позвонить. Сейчас пока у меня много компьютерной и научной работы. Поэтому не было возможности серьезно заняться фотонаукой и написать газетов. Надеюсь, что в феврале такая возможность появится.

Как упоминал, посылал Вам два коротких стихотворения на рудневскую тематику. Они не публиковались и напечатаны в 2002-2003 году два других стихотворения, где упоминается Николай Михайлович, как Вы, наверно, знаете они опубликованы.

Еще раз поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего самого доброго Вам и Вашим близким. Пусть и дальнейшие публикации, всег. модифицируя поэзии Суркова!

Ваш А. Лукьянов

Письмо от А.И. Лукьянова

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
2000-2003

" 15 " августа 2002 г.

№ 100

678405, Тюменская обл., г.
Сургут, ул. Геологическая,
д.18, кв.57.

С.А. ЛАГЕРЕВУ

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Мне передали из редакции «Правды» Ваше письмо – отклик на опубликованное в этой газете мое интервью о коллекции голосов поэтов, которую я собираю почти 50 лет. В этом месяце Антология «Сто поэтов XX века» выпущена издательством ИТРК. В ней на десяти дисках голоса ста поэтов, большинства из которых уже нет в живых, начиная с Бунина, Брюсова, Блока, Гумилева, Волошина, Ахматовой и др.

Есть в этой Антологии и шесть стихотворений Николая Михайловича Рубцова. Я выбрал их из 16 стихотворений, записи которых у меня имеются. Это стихи, которые были написаны поэтом с 1960 по 1971 год. Список я прилагаю. Кроме того, у меня есть воспоминания о Рубцове – записи голосов В.И. Белова, С.Ю. Куняева и других знавших его людей.

Собирателей книг и записей голоса Рубцова, насколько я знаю, в России много (Москва, Ленинград, Архангельск, Вологда и др.).

Создается своеобразное братство вокруг творчества замечательного, подлинно русского поэта. Рад, что Вы принадлежите к этому братству.

Приложение: на 1 л.

А.И. Лукьянов

Письмо от А.И. Лукьянова

ВОПРОС ФИЛОСОФИИ

203

Вопросы философии омылены
веками. Тобизны в них как бы нет...
Вопросы жизни бренной — многовековые,
наощны, бешны, как сказал поэт.

Предметны будни: завтрак, полдник, ужин,
измена мужу, исповедь попу...
А риторический буднеж — кому он нужен?
Он — есть морщина складенце на лбу.

Мы все пофилософствовать горазды,
особенно на тему: есть ли Бог?
А за окном бушует Жизнь празднично —
зимы и лета! И — иной восторг.

6 августа 2006,
Петербург.

Сверено с первичной
рукописью автора.

12

Здравствуй тебе,
дорогой Сергей
Лагерев!

Травы Воя и поклон
С неведких берегов.
Получи „Сургут
Митрабурику“ с
карбаркой, малх сн-
ишкы. Сякко оз-
рохно.

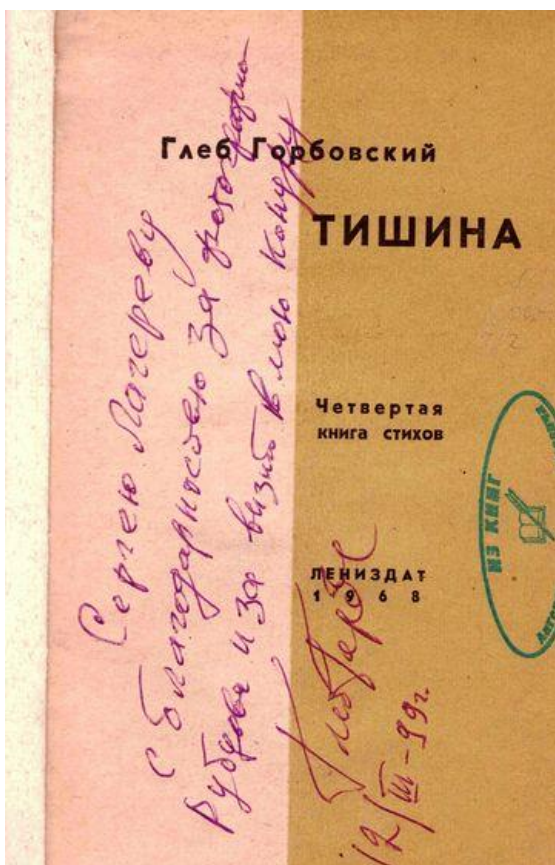
Приятно сознаться,
что в глумление камей
„Ксаврикой“ Рле-
сендарной Сибири
кто-то думал и при-
пикает ~~или~~ оживляет.

Я же, не скоряя не
вадрей — всё ещё
„писываю по уйраю“.
В прхлок и перако-
пок, счале.

И рад буду возде-
сся вайкелачи — в
ближайшей буднеж.
Хале, кто хибелече-
как бы неваздной...
Тобавает мне раз в Сабарч-
сердечная меза!
Сергея, сисибю тебе за камей
Хроки Вае Тоекорь.

Г. Я. Горбовский
19/ХII-04.
Гиттер.

Записка от Г.Я. Горбовского

Книга «Тишина» с дарственной надписью автора

Дорогой Сергей Александрович!
Спасибо Вам огромное за выписки в мои
урбы и в мою славу! Но сам я в таком же
огромном и неплатном долгу перед Сургутом:
я ведь многократно встречал Ваши выписки в
самое последнее, что у меня издало, напечатано... И
Ваш научный срок, когда нужно вычитать обще-
ние. Здоровья мое не выносит отлучения и потому
надеюсь успевать отчитываться перед доктором своим.
А Вы же мне - в этом забегеми душевные силки.
Обо всем этом, когда в мои родные дома в деревне
появилась поля Талышев, - и теперь я слышу на-
шего, или по своему младшего брата, своего родного кровин-
ку. Мы вместе с ним общаемся по телефону и слышим на-
деемся, что среди них он слова дождет...
А теперь о моих балетных, иштерных, мажорных дробях
се до Сургуты. В них, не мажор, вей самое живое,
что печальнее в последние годы. Не выслушав я мажор-
ные шуршалы ("Трагедия", "Татья", "Сибирский мусор"),
где были мажорамы несколько рассказов и повестей, не
узнаю, что в вей - там избран оговорено... И в
что-то пригорит и для Прохорова центра? Я ведь
всегда напечатываю даже выписки о Кое, но пока
не обессен. Но почему? Я же узнаю с ним много
что в литературе иштерно и сердечно дружил. У
меня с ним бывали много и много там старе-
ний, я ездил и пишу и в Вологда и там вместе
с В. Беловым, А. Романовым и Фридой Александровичи
слушал его мысли, его рассказы... Там же того, - за
весь день до своей жизни, я иштерно иштерно
Ремондичу, где были слова мажоры в В. Талышеву.

Письмо от В.Ф. Потанина

Сергей Леон
Александр!
Возвращайтесь в
дом! Очень
хочу познакомиться
лично!
Желаю успеха
и здоровья

любовно?
Лит. Гроздева
75 - 31 - 40.
Перуан, 83 - 75.

Записка от Н.В. Гроздевой

x x x
Тоска нас не оставитая твоя,
А душевная связь тонка,
И уносится в звёздные восты
Телеграммы наши звонки.

Момент, где-то в межзвёздной Вселенной,
На звезде или в райском теле
Вдруги настигнет звонок твой, последний,
Не доставший мене на Земле.

Груздев, —

Утка Груздева.

У мамонтника Рубцова.

Ты несл, как Бог — без хлеба и без кривизны,
Мойой примет — твой временный приезд.
Ты не ворчал — народ тебе не слышал,
Жарод дружка провидцев прибегал.

... Давно зветший твоё светлое имя,
И все, твоёи пригласительные сузубе —
Провидют — осканлише вурд, светлыми...
О, как они завидуют тебе!

Груздев

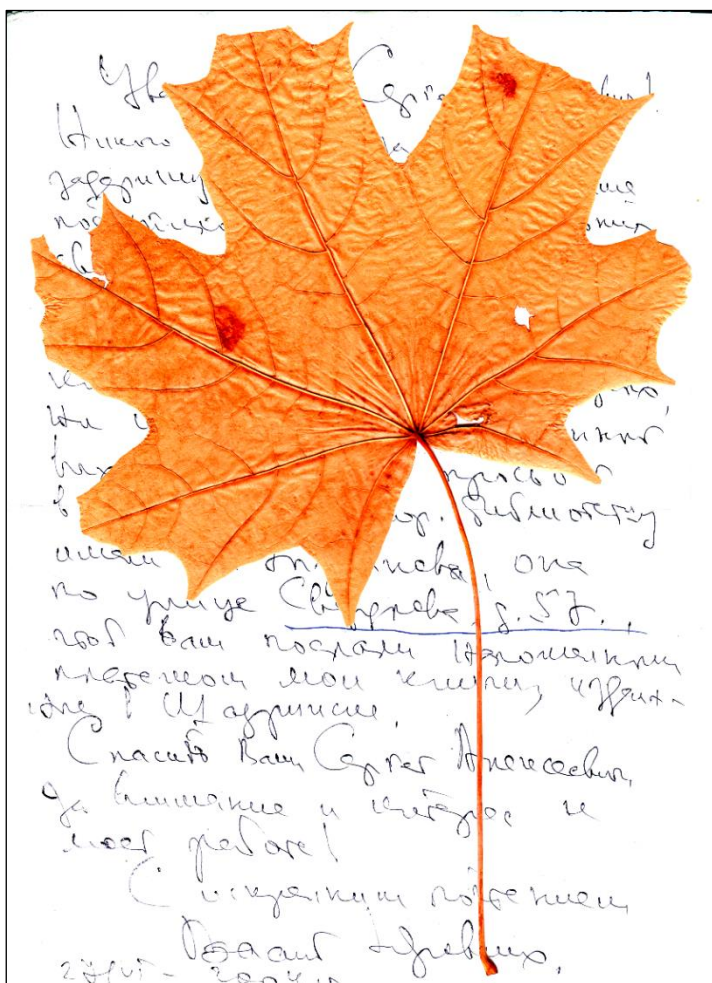
Автографы Н.В. Груздевой

У мене много гаданья
публическаго про Вурьява,
Белена и Чужевина,
много без дела... Если
удастся, то приеду к
Вас с овецкой, но пока
оная форма. Заведу
Ваши дела - не покажу.
Спасибо и Вам
за доброе отношение
ко мне и моему
делу!

Сергей Вас
Васильевич.
31 мая - 2000

Фрагмент письма от В.И. Юровских

Листок клёна, присланный мне В.И. Юровских с книгами

08.11.09.

Дорогой Сергей!

Насколько он тебе понравился как не молодой
ли человек, но все эти месяцы, особенно летние,
находились в "душе", как ни в какой-то
назвали психологическую, и безделье.
Кризисом оттого у меня превратился и раньше,
подписывался, особенно, любил футбол. Но
интересоваться так совсем не работал, почти
не читал, бродил как тень, оклеветанный по
Андрею с Курвановым и Гайдаровым кем-то
выражался, но кем-то она, она воскресила,
позвонила сразу после возвращения скитания
г. Савиных и турки же в муниципалитете Савва
Бичиных. Это тоже не могло не удивлять.
Да вот лето по октябрю никому не удалось
ни строчить. Не мог. И только сейчас начинаю
исправляться.
Кстати, я пошла тебе, не вложив твою
проблему послать в Володу режиссерского
для Рубцовской премии. Конечно, премия
была пусть отправляешь моему директору.

Отрывок письма от В.Г. Распутина

Творчество И. Рубцова и поиск не сразу. Только
года три-два после его гибели. Я думаю, это
от того, что его духовный, душевный мир был
гораздо богаче, ярче и сильнее, чем мой. С года-
ми мой музыкальный опыт шире, чем к Рубцо-
ву - и теперь в современной русской поэзии
нет поэта более близкого к Рубцову.
В искусстве у него, многое переживая и верю во
всё, что он пишет, даже если сам этого не
испытал. Он стал для меня школой, одним из
учителей духовного опыта. Теперь из опыта спра-
ваю от того, что не могу найти музыкального
ключа к раскрытию тайн его поэзии в му-
зыке. Дважды врался - и всё с оным плохим
результатом. Мечтаю написать истинно Рубцовскую
музыку - надежда на то, что однажды это у меня
получится поможет мне жить и твориться и лучше,
старательнее сочинять и всю остальную мою музыку

В. Гаврилин

Письмо В.А. Гаврилина

Валентин Распутин

ПОВЕСТИ

+

Сергей Лазареву,
земляку - ибиряку,
от автора по доброй
памяти о нашей
светлой родине...

Муроме

В. Распутин

Москва
ПРОФИЗДАТ · 1990

октябрь 1980.

Первая книга, подписанная мне В.Г. Распутиным

На наших глазах закатилась целая эпоха русской культуры.
Здесь отсервилось почти 40, достояние прожитой любви сберечь
никакая В. Я. Курбатова.

"Эпоха было в России - эпоха было в раю" - сказал о своем
другом эпохе В. Я. Курбатов. Теперь и мы о своем прошедшем,
никому не известном и не обреченном прощанию, тоже скажем слагаясь:
"Эпоха было в России - эпоха было в раю".

"Кто теперь скажет о полноте сердца?"

Милая моя Варяна! И ты, река, соловьи...

Привет, Россия, - родина моя!...

И пойдя вдали, зови нас где-то - Россия, дети и природа...

Россия, или "Земля"!

Широко на Руси предначертаны свои узоры...

Россия, Русь! Крайи села, краини!...

Эпоха не "тема" - эпоха крови в великой борьбе со словом "любовь".
Родина больше не прощает нашего сердца, потому что ее знесла в свое
забыть и на порогах земли, продали в Душу и парю, овели в
ломкие земли и плахи, овели из плоти и сердца пучок слов и
слова. Но, слава богу, еще не отняли память о ней, живую в
Земле сердца где знали и чувствовали обрину Пушкина и Тютчева,
Мейнса и Блок, Пастернак и Курбатов. Они держатся и держат нас,
наше Аз, за нас подвиги с подкреплением.
Помогите вам Бог, святые наши заступники! Мы слышим!

Мы вернемся!

23.12.03 г. Псков.

Валерия Курбатова

Письмо от В.Я. Курбатова

Дорогой Сережа!

Извини меня, пожалуйста, что в свое время
не ответил Вам на Вашу просьбу написать
"что-нибудь свое" о Рубине для сборника о нем.
Мне это только обязало Вас, великому, искрен-
ному поклоннику это удивительно русского поэта.
Но прошло много времени, а я мог бы Вам и
теперь, не откладывая, ответить, что не могу ответить
ничего на Вашу просьбу. И вот почему.

Я писал о Рубине лет тридцать тому назад.
И время было другое и сам я был другим.
Писал о поэте сейчас зная бы для меня

вернется в то неповторимое, в чем-то шимящее
для нашего прошлого, в которое, как известно,
невозврата. Сейчас, по моему, достигнута мысль
о поэте поэта другого поколения, ~~было~~ подавляю-
щая "лирика". Да это и был бы драматиче-
сский для самого внешнего времени - в том
смысле, насколько в нем, призрачным духом распе-
тия, освещается место для поэзии, вообще для творчества,
здорового чувства, особенно в деловом поколении
(как кричащего оборота - будущее России). Так
мне кажется.

Звонили мне шефшика из "рубиневских музеев"
(не га и, о которых Вы мне говорили, когда

Фрагмент письма от М.П. Лобанова

Сергей! Дорогой!

Какое же великое спасибо тебе
за присланный мне диск о Николае Рубцове
"Душа хранит" с послесловием Вячеслава
Касиуны! У меня дни, на вздох гасею,
читаю с удовольствием Ореховым, и без
послесловия. Правда, в Касиуны карточке - по
и только. Так же я тебе безмерно благодарен
за доброту, мне, конечно, очень дорого
и то, что сказал обо мне Вал. Касиуны, его слово
для меня выше любых книжных похвал в
любых изданиях. На днях позвонил из больницы,
созвонили, что вот-вот моя книжечка выйдет о
Путине увидит свет. Как ровню мне кажется
авторские издания, сразу же вышло тебе,
заодно и диалогично, и светом Тюрингов.
Повторяю что читаю из Москвы, где начинаю читать
в рамках Президентской международной
программы. Главное - верить много знакомых из разных
уголков страны. Так вот, встречаю, узнаю что-то
уже о тебе и о том, что делается в твои дни и как
живи. Настало тебе, как одежде, какое слово.
Великие люди не только, но еще и ты мне и
из тех, что постоянно в расклевке. Только в духе
"Ах, юный..." я похвалил строку: "и я могу поднести
принимать как истинно великого человека". Одерж
и до внимания. Заодно почитаю стихи в "интересном"
С. Куликов "Пейзан после дождя". Различия, сохранившиеся
детские моменты не живут - это важно; поверь мне и
всему сохранившемуся в душе, которое для меня еще и светит.
Обнимаю! и т.д.

Письмо от Н.Б. Рачкова

Поэт
долго не забудет,
Ожи - как трава,
которая срезает, косит, жгут
и брань,
и поперёк державы.
дни безморны
в душе
даже
и неизвестно где,
какой поэт
есть ~~там~~ иудей,
кто боится мент со страхом...
Но, введя на русском языке,
придётся ~~идти~~ (своей)
всем поэтам больше думать,
то правые нету!

Автограф одного из последних стихотворений П. Суханова

Стихи Николая Рубцова

Волнующей нас снова и снова
Стихи Николая Рубцова.
Сердечная их доброта,
Душевная их щедрота.

Как будто лесами, лугами
Ведёт нас сторонкой своей.
И в сумерках светит над нами
Звезда задремавших полей.

Воспитанник детского дома
И североторский матрос.
Пригёску его, как солову,
Арктический ветер унёс.

Мечтал о семье он и о силе,
О счастье и простом и наиве,
Какие стихи о России
Сложил!
А какой человек!

Автограф стихотворения Н. Сочихина

„Поэт-страшный человек“ Стендаль

Закрытое письмо с того света Вяделю
Шебунину от поэта Рубцова.

Скульптор Шебунин, оставь свои планы,
Не нужен мне памятник твой.
В мире загробном свои законы,
Здесь Пушкин Дантесу - свой.

Ставрогин и Лермонтов ходят в обнимку,
По взгляду друг друга поняв,
Есенин с Мартыновым пляшут калянку,
Крепко друг друга обняв.
Мне лично ни о чём крещенские морозы,
На треск берёз мне тоже наплевать.
Вокруг меня цветут одни лишь розы
И на ... некого послать.

Ты зря шедётишься, Вяделю,
Не трогай мой вечный покой.
Мне Дерюгина - лучший приятель
Ты зенки свои приоткрой.

Оставьте Людмилу в покое,
Я захрихнулся пьяный сам,
На тот момент я был в запое,
Вино текло аж по часам.

Кончай Ворошить могилы,
А то вам свет покажется немилым!

Примечание: гр-н Коротаев, прочитай внимательно
окончание части первой, главы пятой „Бесы“
романа Ф.М. Достоевского, в которой гата-
нист Ставрогин в силе злобы сравнивает-
ся с Лермонтовым. Лучше надо и глубже
изучать классику, об этом говорил ещё
товарищ Сталин, так что Стендаль был
прав. Коротаев, здесь стихоплетение,
лучше бари варенье. Рубцов.

Письмо – анонимка В. Коротаеву. 1995 г.

В музее

Н. М. Рубцова

от Семёновой

Трофимовой

Евгеньевне

Замечания на книгу Н. А. Старикова, "Записки с Рубцовым" 2004 г.

В октябре 2005 г. я случайно прочла некоторые страницы (153-165) книги Н. А. Старикова "Записки с Рубцовым", изданную в С.-Петербурге в 2004 г. А. В. Труфановским.

Станала я не поняла, что это про меня, т. к. все сделана перевертыве с ног на голову. Но, вспоминая, что у Н. Рубцова было только две Тети, поняла, что все эти рассказы и фантазии отнесены ко мне. Автор совершил ошибку за свои слова, она обидела меня грязью, хотя я её не знала и отк - тоже, и всё это пропечатано в печати. Я, в месяцы от этого не могу прийти себе.

Видимо, наступили такие времена, что можно кивать и юрей унизить, а корчить мне всеобщего обозрения и насмешки. Да еще и друзей юрей представить. Яковы, Мария Семёновна Коренько - Астафьева смеялась надо мной. Я этому не верю, т. к. М. С. Астафьева - культурный человек и делать этого не станет.

И вообще впечатление от книги неприятное, её и забыть

Фрагмент письма Г.Е. Трофимовой (Семёновой) в музей
Н. Рубцова. 2004 г.

Моя дорогая здоровьёвца!
Твое письмо получено спасибо.
Сразу же прошу извинения
за то, что не смог помочь
в твоём трудном положении
Ты знаешь, что если бы была
какая бы небольшая возможность
я вероятно бы выручил. Всё
в том, что я в месяц подряд
не работал. Твое письмо
и когда получил письмо от
тебя я только что пошел в
день на работу. Работал на
Фасевке на старом своём месте.
Ты же по-прежнему. Ну
сейчас в доме ничего нового
будет нет. С тобой тоже
состоялся сейчас. Как же даже

Фрагмент письма к поэту от его старшего брата Альберта

Во все Николаевском Мотеш-
ского р. на Вологодской обл
Общероссийский музей Коле Рубцову
Возник из зрелища фальсификации.
Если Вам придётся побывать
здесь в течение месяца, то
обязательно побывайте
Если вдруг соберетесь, я
с удовольствием представлю
Вам компанию. Я покажу
Вам завещанные места
Коле Рубцову.

А то, что задержек
с объявлением, на то всякие
причины.

С уважением И. А. Серков
Спасибо.

Если вдруг соберетесь летом,
я буду по адресу: Собора,
Митрофановского р-на Вол. рбк.
Это по железной дороге в 60 км.
между Вологодом и Череповцом

Письмо от И.А. Серкова

Н. В. КАРТАШЕВА

ПОРФИРА
И
ВИССОН

Литрика

Ревнителям Николая
Рудякова - иже от Бога
Сергиею А. Лазареву
иже от Бога

МОСКВА
2000

26.05.02

Сергею

Дарственная надпись Н.В. Карташёвой

Нинель Старичкова

805,90

Наедине с Рубцовым

(воспоминания)

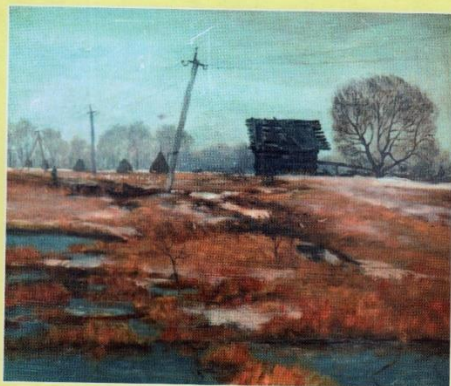
Сергей Александрович
Николаевич Рубцов
и много других с отрывком
друзей и сестры с отрывком
Н. Рубцова
успехов! Вам в добрый путь!

—
12.03. 2001 г.
Нинель Старичкова

Вологда
2001

Автограф Н.А. Старичковой

Nikolaj Rubcov

Komm, Erde

Gedichte
Russisch / Deutsch

Wiesenburg

Обложка книги стихотворений Н. Рубцова на немецком языке

ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ МЛОВЕСНОСТИ
«СЛОВЕСНОСТЬ»

626400, Россия, Тюменская область, Сургут
ул. Артёма, 9 СТПУ, кор. 2-в, ауд. 403
тел. (8-3462) 25-12-71

Иск. №65 от 24 сентября 2007 г.

Дорогие друзья из передачи «Жди меня»!

Просим Вас о помощи в нашем литературоведческом, просветительском деле. Я много лет занимаюсь творчеством выдающегося русского поэта Николая Михайловича Рубцова. Трагична была судьба семьи поэта, да и его самого тоже. В 1942 году умерла мать, отца призвали на фронт, а детей распределили по разным детским домам. В 1955 году Николай всё же встретился со старшим братом Альбертом и отцом, у которого была уже другая семья и дети. Альберт был скитальцем по жизни. И уже будучи женатым, имеющим детей, ушёл из дома и затерялся в просторах России. Есть такая вольная черта у некоторых русских мужиков. Следы его мы нашли только в 2001 году, но только могилу. Он умер в 1984 году у нас в Тюменской области. А вот судьба младшего брата поэта Бориса неизвестна и по сей день. Вологодскими исследователями были найдены следы Бориса – одно время он жил в Краснодарском крае, Успенского района, с. Успенка (или хутор Солдатский). Жену звали Валентина. Итак – Рубцов Борис Михайлович, 1937 года рождения. Родился, предположительно, в п. Емецк Архангельской области. Очень просим Вас откликнуться на нашу просьбу и помочь в поиске младшего брата поэта Николая Рубцова. Я уже посылал Вам в 2005 году письмо с подобной просьбой, но ответа не получил, к сожалению. (Фотографию высылаем).

Если будут результаты, то просим Вас дать нам знать об этом. Помогите, пожалуйста!

Мой адрес: 628405 Тюменская область, г. Сургут, ул. Геологическая, дом 18, кв. 57
Лагереву Сергею Алексеевичу
Тел дом. (8-3462. 25-12-71). Сот. 89226592503

Письмо в телепередачу «Жди меня»

Российская Федерация

Тюменская область

Администрация Уватского района
Отдел записи актов гражданского состояния

с. Уват
ул. Ленина 77

☎ 2-15-38

№ 63 от 14 марта 2001 г.

на вех № 21 от 27.02.2001 г.

Союз журналистов России
ОО «Сургутская городская
организация журналистов»
Председателю правления
Зубареву А.П.

На Ваш запрос от 27.02.2001г. № 21 сообщаем, что в архиве отдела ЗАГС администрации Уватского района Тюменской области по с.Горнослинкино имеется актовая запись о смерти № 13 от 15.11.1984г.
на гр. Рубцова Альберта Михайловича
Дата и место рождения: 02.01.1932г. г.Ленинград
Дата смерти: 12 ноября 1984г.
Место смерти: с.Горнослинкино, Уватский район, Тюменская область
Заявитель: Киреева Клавдия Лукьяновна, с.Горнослинкино Уватского р-на.

Ведущий специалист отдела ЗАГС

С.С.Баклаева

Документ, полученный из Администрации Уватского района
о смерти Альберта Рубцова

Фотографии

Вологда. Открытие памятника поэту Н. Рубцову.
(Н. Сочихин, С. Лагерев). 1998 г.

Сургутский район, пос. Фёдоровский.
Первый Рубцовский вечер. 1988 г.

Вологда. У могилы поэта Николая Рубцова. 1998 г.

Сургут. Центральная библиотека.
(Л. Коробкина, И. Ляпин, С. Лагерев). 1999 год.

Сургут. Школа искусств.
(Ю. Кузнецов, С. Лагерев, Л. Сидоров). 1999 год.

Санкт-Петербург. На квартире писателя Н. Коняева.
(С. Сорокин, Н. Коняев, С. Лагерев). 2000 г.

Вологда. Дома у Н.А. Старичковой. 2003 г.

Москва. Музей Н. Рубцова. С М.А. Полётовой. 2003 г.

Санкт-Петербург. У Лены Рубцовой дома.
(Е. Рубцова, С. Тюморезова, С. Лагерев). 2004 г.

Сургут. ДК «Строитель».
Презентация сборника «Венок Рубцову». 2001 г.

Сургут. Дом журналистов. 65 лет поэту Николаю Рубцову. 2002 г.
(И. Васьковская – в середине)

Сургут. Рубцовский вечер. Педагогический университет.
(С. Лагерев, Н.А. Дворяшина, Н. Сочихин). 2003 г.

Сургут. Аэропорт. Первая встреча.
(Н. Ганущак, Ю. Дворяшин, В. Распутин, С. Лагерев). 2004 г.

Москва. Музей А.С. Пушкина. 70 лет Николаю Рубцову.
Сургутяне с дочерью поэта Леной и его внучками. 2006 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А.С. Пушкина.
70 лет поэту Николаю Рубцову.
(Н. Жукова, С. Лагерев, Л. Кондакова, С. Романова). 2006 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А.С. Пушкина.
Презентация сборника «Поэту посвящается». 2007 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А.С. Пушкина.
75 лет Николаю Рубцову. (В. Маслаков). 2011 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А.С. Пушкина.
Рубцовский вечер. (В. Есюнин). 2014 г.

Сургут. Центральная библиотека им. А.С. Пушкина.
80 лет поэту Николаю Рубцову. (Я. Юркевич). 2016 г.

Медаль к 80-летию со дня рождения
поэта Н. Рубцова. 2016 г.

Сургут. Библиотека № 21. Открытие Рубцовского зала.
(Н. Жукова, А. Жадаева). 2020 г.

Сургут. Библиотека имени Н. Рубцова.
(А. Власова, В. Шевцова). 2023 г.

***

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напьюсь, как зверь вечерний!
Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только тёмный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вот Есенин - на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру,
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они –
Просто горестные тени?
И не светят им огни
Новых русских деревенок?
Неужели в свой черёд
Надо мною смерть нависнет, -
Голова, как спелый плод,
Отлетит от веток жизни?
Все умрём, но есть резон
В том, что ты рождён поэтом.
А другой - жнецом рождён...
Все уйдем. Но суть не в этом...

Николай Рубцов. 1970 г.

Сергей Алексеевич Лагерев

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

В оформлении обложки использован рисунок
заслуженного художника России В. Сергеева
(Череповец, Вологодская область)

**Отзывы о книге можно отсылать на адрес:
628418 Тюменская область, ХМАО-Югра, г. Сургут,
ул. Бажова, 17**

**Библиотека имени Николая Рубцова
(rubtsov_libsurgut@slib.ru**

или

**Лагереву Сергею Алексеевичу
(yangur@rambler.ru)**

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru

Подписано в печать 25.03.2024. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,125. Тираж 200 экз. Заказ 315.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»

Лагерев Сергей Алексеевич родился 3 ноября 1948 года в Иркутске. Детство и молодость провёл на Урале в Челябинске. В 1983 году с семьёй приехал в Сургут. Двадцать лет, до выхода на пенсию, отработал токарем в ПРП «Тюменьэнерго». Более 30 лет занимается изучением жизни и творчества, а также собиранием архива русского поэта Николая Рубцова. Создатель Рубцовского центра в Сургуте. Исполнительный директор фонда «Словесность». Лауреат всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Член Союза журналистов России.

ISBN 978-5-00244-315-4

9 785002 443154